

Дождись лета и посмотри, что будет

Любовный роман

1. Знакомство

Говорят, наш город старинный — какого-то века. Все новостройки находятся за железной дорогой, а у нас двух- и трехэтажные дома. Раньше только они и были, за железной дорогой начинался лес и болото, а затем построили завод, и к нему новые дома, для жизни рабочих. Завод пластмассовых изделий. У вас наверняка есть старое синее ведро или игрушечная желтая уточка, плавающая в ванне. Не исключено, что они сделаны у нас.

Зачем вообще приводить детские воспоминания? Это простой и естественный способ начать повествование, а также посеять причины, которые позже взрастут, в наивных ностальгических образах зашифровать основания будущих проблем. Детские воспоминания плавают в памяти как в мутной воде, их можно подсвечивать и подстраивать, или наоборот, затемнять. Когда кто-то говорит о своем первом воспоминании, он достает из дремлющей тины некий понятный фрагмент и оформляет его в четкое ощущение прошлого.

Хотя этого ощущения может и не быть. Это все делается для достраивания или выстраивания прошлого. Его не было, и оно стало. Теперь это не менее полноценное прошлое, чем то, которое «было».

Итак, первое мое воспоминание. Празднование Нового года, мне два с половиной года.

Мама бегала из комнаты на кухню и обратно, собирала на стол, отец общался с друзьями, смеялся. Отец смотрел на меня, подмигивал и что-то говорил. Это воспоминание окрашено в определенный цвет. Там почти все темно-бордовое, кроме лучей — они светлые. Может быть, на елке висела такая гирлянда, свет от которой проходил через всю комнату, или так мерцал телевизор. У нас стоял цветной телевизор «Рубин», от него исходил мягкий звон. Что за друзья отца — не могу вспомнить, явно больше ни разу их не видел. Помню лишь одну фразу оттуда, мама зашла в комнату и сказала, что у нее сегодня прическа как у Аллочки.

Конечно, это не первое воспоминание, а одно из. Дальше провал в памяти. Хотя это совсем не провал, а ощущение ночи, будто мы все спим и видим бессюжетные сны. Следующие четкие воспоминания — мне четыре года, даже ближе к пяти.

Мы жили с мамой вдвоем. Где-то раз в месяц к нам приходил хмурый человек и, стоя в дверях, протягивал маме конверт. Мама ему кивала, он уходил. Никак не получалось разглядеть его лицо, каждый раз

видел лишь силуэт, а еще после его прихода около двери собирался резкий запах. Как будто за ним ходило пахучее облако. Денег нам точно хватало, мама не работала. Дни и месяцы проходили одинаково, мы никуда не ездили, кроме деревни, жили в той же квартире, гуляли по городу, смотрели телевизор. Да и в деревне мы долго гостить не могли, мама почему-то почти сразу по приезду ссорилась со своими родителями, моими бабушкой и дедушкой, мы собирали вещи и уезжали. В чем смысл ехать целый день и ночь на поезде, чтобы побыть пару часов и отправиться обратно. Когда спрашивал, почему мы так быстро уезжаем, мама объясняла, что не любит, когда учат жить.

У нас было много книг, я постоянно их листал, вглядывался в картинки. Кстати, не помню, как мама учила меня читать. Кажется, что сам научился, и как-то сразу, хотя как такое может быть. В шесть лет мама купила проигрыватель с кучей пластинок. Это оказалось еще интереснее, чем фильмы, пластинки можно было повторно слушать столько раз, сколько захочешь. Изредка к нам приезжала бабушка, отпускала маму на пару дней, сидела со мной. Она ничего толком не говорила, сидела и смотрела, как я слушаю пластинки и листаю книги, готовила еду, выпускала во двор гулять и звала из окна, чтобы шел обратно.

Прошел еще год, и у нас появился видеомагнитофон с зарубежными фильмами. Правда, кассет было не так много: несколько боевиков и комедий. Я пошел в школу, мама попросила никому там не

рассказывать, что есть у нас дома, и вообще ничего не говорить про нашу семью. Хотя что я мог рассказать? Мне было почему-то неудобно спрашивать, где отец, чувствовал, что это запретный вопрос, как и вопрос о том хмуром человеке, который постоянно приходит и протягивает конверты. Все эти воспоминания окрашены в пепельный цвет, иногда переходящий в серебристый. У них запах старой мебели, пыли и гул нагревающегося экрана.

В школе мне было скучно, каждый день ходил и не понимал, зачем, вставал и начинал мысленно отсчитывать часы, когда все это закончится, когда смогу вернуться домой и заняться чем-нибудь интересным. Ни с кем толком не общался. Там почти все — дети заводских. У всех кучи одинаковых пластмассовых игрушек. Все эти воспоминания о школе похожи на монотонную поездку в деревню. Ничего не происходит, мысли крутятся, сидишь и качаешься на полумертвых качелях, едешь в бессмысленное место, откуда придется завтра же уехать.

Один раз был классный час. Все рассказывали о своих родителях, кто кем работает, рассказывали про то, как сами ходят на завод и смотрят, как производятся изделия. Я сидел и боялся, что до меня дойдет очередь и нужно будет рассказать что-то похожее. Про пластмассу, цеха, установки. Когда дошла очередь, я смело сказал, что отец работает инженером, а мама бухгалтером. Это я повторил за кем-то из одноклассников. Спокойно, с нужной интонацией. И лишних вопросов не возникло.

Все изменилось в один солнечный день. Он был необычайно солнечным, лучи проходили сквозь все видимое, проникали в комнату, просачиваясь сквозь шторы, даже звенели. В дверь постучали. Я подошел, открыл, не спрашивая, кто там. А там стоял отец. Его глаза в мгновение намокли, он опустился на колени и обнял меня. Я его сразу узнал, не испугался, не отбежал. Мама подошла, увидела нас, тоже заплакала, встала на колени и обняла нас с ним. Так мы простояли несколько минут, ничего не говоря. Затем отец рассмеялся, подмигнул мне и сказал, что теперь все пойдет по-другому.

Это самый светлый день из детских воспоминаний. У него яркая, но не едкая, а нежная окраска. И музыка — легкие колокольчики.

Через несколько дней пришли друзья отца со своими женами, мама приготовила большой стол, все расселись. Я сел не за стол, а на ковер рядом, стал перебирать пластинки около проигрывателя. Тот хмурый человек, что часто приходил, был с гитарой. Впервые смог его рассмотреть. Он поднял рюмку, сказал: «За свободу», выпил, а затем запел незнакомую мне песню — ее не было ни на пластинках, ни на экране. Отец поглядывал на меня и улыбался. Вообще сколько вспоминаю то время, он всегда видится веселым. Он постоянно шутит, смеется, радуется непонятно чему. У него худое и выразительное лицо, наверное красивое. И тогда. Отец рассмеялся, сказал, что по горло сыт всем этим блатняком, давайте послушаем

что-нибудь актуальное. Я молча поставил пластинку «Зодиак», с инопланетянами на обложке. Отец одобрительно посмотрел, демонстративно подошел ко мне и сказал: «Вот он понимает, а вы нет, теперь все по-другому». И действительно, все стало иным, мама преобразилась, мы начали жить не как раньше, не тягуче и мрачно, а так, будто все время играл «Зодиак».

Отец сказал, что мы поедем по санаториям. Отдохнем, посмотрим на море. Все случилось быстрее, чем ожидалось, мама позвонила в школу, сказала, что я заболел, мы собрали вещи, заскочили сначала в электричку, затем в поезд, и на следующий день уже были в первом санатории.

Весеннее море меня впечатлило. Показалось, что оно нашептывает непонятные слова и напевает мелодию. И лучше не вслушиваться, а то захочется в него войти. Скорее всего оно бесконечное, нигде не заканчивается, сливается с небом.

Вечером мы оказались в компании таких же отдыхающих, в просторной столовой. Наши новые знакомые рассказывали о своей жизни и впечатлениях от отдыха. Отец — о себе. И что он рассказал? Я даже слегка дернулся, показалось, что он подслушал за моим рассказом на том классном часе. Он работает на заводе инженером, а мама бухгалтером, мы получили путевку и сразу же сюда приехали, чтобы поправить здоровье.

А ночью мама меня растолкала. Отца в номере не было. Она взяла меня за руки, прижала к себе и попросила сохранять спокойствие, что бы ни произошло. Я испугался. Она, видя мой испуг, рассмеялась, сказала, что ничего не будет страшного, но она не хочет заранее мне ничего говорить, просто мне нужно вести себя естественно и молчать. Мы спустились по лестнице, пошли в сторону столовой, дальше свернули за угол, спустились еще на один этаж. Там сидел отец вместе с людьми, с теми самыми, с которыми мы обедали вместе. Они играли в карты. Мама уверенно направилась к ним, а когда приблизилась, закричала на отца. Все растерялись. Мама заплакала и сказала, что он обещал больше не играть, что мы уже в больших долгах и что он мог бы подумать хотя бы о ребенке. Я стоял и смотрел на происходящее, не зная, как реагировать. Затем мама схватила меня за руку, развернулась и резко пошла обратно. Мы вернулись в наш номер. Мама сказала, что я молодец. Вскоре появился отец, торопливо собрал вещи, мы вызвали такси, сели в машину и поехали. Меня укачало, затошнило, все эти ночные события слились с видом из окна и покачиванием, мама попросила остановиться, мы вышли на обочине посреди пустой дороги, я отдышался, мы поехали дальше.

Я ничего не понял. Отец проиграл большие деньги в карты? Куда мы едем? Что вообще произошло? На следующий день мы были в другом санатории, с похожим видом на шепчущее море. Море настолько огромно, что можно ехать много часов, и приедешь к нему же. Через несколько дней та сцена почти в точности повторилась, только не

ночью, а днем. Мама взяла меня за руку, пришла к отцу, играющему в карты, и устроила скандал. Я снова стоял и грустно наблюдал за происходящим. Мы снова сели в такси, снова проехали несколько часов, снова меня укачало. Приехали в следующий санаторий.

В третьем санатории нашим соседом оказался солидный человек с молодой женой. Мне сразу показалось, что я его где-то видел, а где именно, не получалось вспомнить. Мы посидели вместе за обедом, он рассказал о прелестях местного отдыха, о том, как хорошо приезжать сюда именно весной. Да, его жена на вид годилась ему в дочери, она внимательно слушала каждое его слово, смеялась над всеми шутками. Уже вечером меня осенило, я вспомнил, где его видел — на задней стороне обложки одной из пластинок. Он был то ли композитором, то ли поэтом-песенником, сочинившим стихи к сказке, которую я постоянно слушал. Сказал маме об этом, она ответила, что скорее всего я обознался. А ночью произошло все то же самое. Мама пришла к отцу, игравшему с этим человеком в карты и устроила скандал. Правда, тот человек был не похож на себя во время обеда, он был бледен, вытирал пот со лба. Мы собрали вещи и быстро уехали. Уже в поезде, глядя на проступающий в окне рассвет, отец сказал, что надо бы слезать с этого заработка. А еще добавил:

— Творческая интеллигенция — самая мерзкая прослойка из всего, что есть внутри нашей классовой борьбы, самая гниль. Они толком и не работают, и не рискуют. Никто к тебе не придет, не предъявит за растраты, никто не закроет. Если вписался, плывешь, пока не

сдохнешь. Таких вообще не стоит жалеть. Они, суки, по курортам с девочками отдыхают, суки. Устали. Надо отдохнуть.

Как только вернулись домой, я сразу же достал пластинку, показал родителям. Отец улыбнулся.

— Точно, он. Композитор. А поставь, давай послушаем.

Я поставил. Началась приятная мелодия, а вскоре появился знакомый голос. В давние времена, когда рыцари блуждали по миру в поисках подвигов, когда люди не могли жить без приключений... Отец повторил последнюю фразу о приключениях и задорно рассмеялся.

— Хапнул приключений, композитор. Ничего страшного, у него денег немерено. Пусть отдохнет на море, может новую прелюдию для фортепьяно с оркестром напишет. На, держи.

Он протянул мне колоду карт и сказал, что теперь она моя. А у нас дома были и до этого карты, я прекрасно знал, как они устроены, умел играть. Отец взял пять карт, разложил на полу, сказал запомнить. Запомнил. Он размешал колоду и попросил их оттуда достать. Я без проблем достал. Тогда он увеличил количество карт на одну. Тоже без проблем. Я ошибся, когда мы дошли до пятнадцати карт. Перепутал червового валета с бубновым. Но отец все равно порадовался и сказал, что не ожидал.

Мы стали играть в карты каждый день, но не в какие-то игры, а в «память». Отец медленно выбрасывал из колоды карты, показывая их, оставлял себе пять штук, я должен был назвать, какие у него остались, он раскладывал карточные цепочки, затем их рушил, а я их восстанавливал. Еще он учит тасовать колоду разными способами, крутить карты пальцами. У меня сначала совсем не получалось, все рассыпалось, а затем привык, карты словно стали притягиваться к ладоням. Еще он показал, как метятся карты. Как только они не метятся. Ногтем, чернилами, слюной. Не говоря уже про то, что изначально у всех карт разные рубашки, нужно лишь внимательно на них посмотреть. Если взять новую чистую колоду, не крапленую, или чужую, можно довольно быстро пометить тузы, слегка коснувшись их ногтем, сделав еле заметные насечки, даже такие, что будут не видны, их можно почувствовать подушечкой пальца, если провести по карте правильным образом.

Карты могут быть зеркалами, мерцающими фонарями, рассказчиками. Россыпи красно-черных деталей, гирлянды смыслов, буквы и симфонии. Из карт строятся маленькие вселенные, рассыпающиеся и собирающиеся снова. Карты втягивают в себя каким-то внесмысловым образом. Ведь человеческого смысла в них нет, это пустые картонки. Никакого глубокого существования за раскладами этих картонок быть не может. К ним просто привыкаешь, как умственно, так и физически. Хочется крутить в руках, тасовать, нервы сами требуют. Но не может такого быть, что за ними стоит нечто большее, нечто, въедающееся в человеческую природу. Это же

какое-то безумное безумие, я не хочу думать в том направлении. Расклады картонок, случайные картинки и числа — не более чем пустая игра, не касающаяся существования моего «я». Мое «я» живое и подвижное, оно не шифруется цепочками знаков. Нет, нет и нет. Раз и навсегда: нет.

Сколько мы ни играли в дурака, буру или секу на спички, мне не удавалось выиграть. Редко-редко получалось в двадцать одно, и то только когда я сам тасовал колоду. Отец никогда не поддавался. Он говорил, что есть вещь поважнее ловкости — это внимание. Если ты внимательно живешь, ты можешь ходить и собирать лежащие на земле деньги, как ягоды.

Я не очень красочно и детально все это описываю. Можно было бы расписать гораздо изящнее. Через всякие шорохи, предчувствия, ожидания. На самом деле, я тороплюсь. Не хочу рассказывать про то лето, там не было ничего интересного, доехали до деревни, поругались, вернулись обратно, затем снова началась школа, третий класс. Да и вообще все это я мог не рассказывать, оно не такое уж важное, разве что кроме солнечного мгновения, когда мы стояли у двери и обнимали друг друга. Надо было сразу начинать с 17 сентября.

До этого я сны вообще не запоминал, а тот запомнил. В ту ночь я увидел озеро, поглощающее звуки. Не было слышно вообще ничего, абсолютная глухота, и все из-за озера. Стоял на берегу и чувствовал,

как это озеро втягивает в себя напряжение, как бы лечит. Если ты нервничаешь и хочешь избавиться от этого, можешь просто сказать озеру, оно все заберет. Ты расслабишься, станешь спокойным. Проснулся. Так наступило 17 сентября, суббота.

Утро казалось летним, теплым, не было еще никакой осени ни в настроении, ни в погоде. Поставил пластинку «Зодиак», умылся, пришел на кухню. Мама сказала, чтобы я хорошо позавтракал, мы сегодня едем на свадьбу, сейчас папа вернется, мы вызовем такси, сядем и поедem. У друга отца сын женится. Мама пошла в комнату, принялась доставать из шкафа разные наряды, прикладывать к себе перед зеркалом. Я сказал, что мне приснилось озеро, поглощающее звуки. Мама ответила, что хорошо, озеро так озеро, надо быстро собраться. Вскоре пришел отец, сказал «карета подана», мы вышли, сели и поехали. Сразу же попросил открыть окно, чтобы можно было высунуться головой, когда начнет укачивать.

Мы проехали пару часов по нормальной дороге, затем свернули на лесную. Всю дорогу у меня в голове крутилась утренняя электронная музыка. Минут через двадцать тряски и ожидания подъехали к большим воротам. Строгие люди подошли к машине, посмотрели сквозь стекла на нас, кивнули отцу. Ворота открылись. Какой-то пансионат или санаторий, много маленьких аккуратных домиков. Мы вышли из машины.

Это был удивительный воздух, не похожий ни на городской, ни на деревенский, мягкий и душистый. У меня сразу закружилась голова, наверное, из-за хвойного леса или ароматного дождя. Не может же такого быть, чтобы там специально распылили дымовой нектар. Можно уснуть или потерять сознание.

Нам открыли один из домиков. Мы забросили вещи и сразу же вышли.

Не только запах, но и звук был необычным. Природа слегка звенела. Уютные постройки — как в волшебном городе. Показалось, что я уже представлял себе эти места, когда слушал пластинки.

Около двухэтажного дома стояли люди. Седой и сутулый человек, увидев отца, перестал разговаривать, раскинул руки, вразвалку подошел, обнял отца, а меня погладил по голове.

— Хорошая здесь природа, правда? Погостите, может? Оставайтесь на сколько захотите.

Говорил он хриплым вкрадчивым голосом.

— Да на одну ночь останемся и обратно. Вот ему в школу надо.

— Хорошо учишься?

Он слегка рассмеялся. Я пожал плечами, не зная что ответить. В каком смысле «хорошо»? Просто учусь как-то.

— Хороший у тебя отец, заботливый.

Он сел на корточки и взглянул мне прямо в глаза. От его взгляда стало жутко, показалось, что он через глаза вглядывается куда-то глубоко, в мысли или в память. Никогда раньше не возникало такого чувства от взгляда.

— Не всем везет с отцами. Вот моего отца застрелили, когда я меньше тебя был. Прямо у меня на глазах. Понимаешь? И рос как мог. Жил и за себя, и за него. И для себя, и для матери зарабатывал. Понял, не?

Я покивал. Отец немного напрягся от этого разговора. А когда мы отошли, я его спросил, кто это был.

— Важный человек. Он помогает многим.

— Как начальник на работе?

— Да, типа того. Как старший брат.

Мы отправились смотреть места. Родители шли чуть сзади, а я впереди. Они думали, наверное, что я ничего не слышу. Мама

спросила, это ли тот известный законник, папа ответил, что он самый. Не опасно, что с ребенком приехали? А что тут может быть опасного, все же свои. Ну мало ли, мусора или враги заедут. Никто не заедет. А когда напьются, буза не начнется? Да посмотри, какие люди собираются, какая буза.

Там, где заканчивались постройки, начиналась лесная тропинка, а дальше — озеро. Как только мы его увидели, а оно раскрылось издалека, у меня голова закружилась еще больше — вспомнил свой сон. Конечно, это было именно то озеро, поглощающее звуки. Действительно, чем ближе мы к нему подходили, тем больше заглушался общий звон, а рядом с водой начало закладывать уши. Даже показалось, что продолжаю спать и видеть тот самый сон, а все это: утро, наша поездка, человек со странным взглядом — это все снилось. Наверное, я сейчас проснусь, будет 17 сентября, суббота, начнется обычный день, не особо отличающийся от вчера или завтра.

Мы вернулись к домикам, там было уже больше людей. Отец сказал: «О, какие люди в Голливуде», подошел к стоявшему около дверей человеку и стукнул кулаком ему в плечо. Тот недоуменно посмотрел на отца. Не узнал? Да ты что... Вскоре они обнялись. Отец подвел его к нам с мамой.

— Моя семья, знакомься. Пошли, посидим хотя бы.

Человек явно тоже обрадовался. Вообще, он чем-то был похож на отца — не лицом, а общим движением и тем, как смотрел по сторонам. Мы прошли в наш домик, мама занялась приготовлением чая, отец сел, обхватил голову и, улыбаясь, сказал мне:

— Знаешь, сколько лет? Знаешь, сколько дел?

Человек тоже улыбнулся, посмотрел на меня.

— Карты любишь?

Отец ответил за меня. Да.

— Смотри, жил на свете король.

Человек в мгновение достал из кармана колоду, вытащил оттуда крестового короля и положил на стол.

— Была у него дочь.

На столе появилась бубновая дама. Дальше начали появляться еще карты. Разыгрывалось целое представление. Только я не мог никак понять, как это возможно. Карты показывались, клались рубашкой вверх, а когда переворачивались обратно, становились совсем другими. Ничего подобного я никогда не видел, да и не думал, что это возможно. Дама вышла замуж за валета, они поехали в свадебное

путешествие, там ей понравился другой валет, она решила с ним сбежать. Их преследовали стражники короля — десятки, и находили, где бы они ни прятались в колоде. Человек разложил колоду веером, рубашками вверх, и велел выбрать любую карту. Я выбрал. Это была та же бубновая дама.

— Нигде не получалось скрыться. Казалось, что стражники знают все дороги. Как только они останавливались в трактире, стражники тут же появлялись. Стражники были везде.

В этот момент человек потрянул колодой, а затем ее пролистал. Во всей колоде оказались одни десятки. А больше никаких карт. У меня перехватило дыхание от удивления, я замер. Человек пролистал колоду еще раз, и там не было видно ни одной десятки, но не было также и дамы.

— Они их убили?

Я спросил нерешительно, еле слышно. Он даже не услышал, что я спросил, и закончил историю тем, что все пропали, и стражники, и сбежавшая дочь короля, а где и как пропали, никто так и не понял. Действительно, в колоде их больше не было. Могу точно сказать, это было самое удивительное, что я к тому моменту видел в жизни.

— Как это?

Человек засмеялся, и отец вместе с ним. Мама принесла чай, они сели втроем за стол, стали беседовать о своем. Я вышел из дома, пообещав, что далеко не пойду, буду рядом. Меня даже немного трясло от увиденного, я сел на ступеньки и замер. Жил на свете король. Была у него дочь. Я попытался вспомнить все, что только что увидел. Сколько это длилось? Наверное, две с половиной минуты. Первый странный момент. Откуда возник валет? Когда карты переворачивались, его там не было. Как десятки заполнили всю колоду? Как они могли исчезнуть? Он вряд ли мог подменить колоду, я бы заметил. Почему я выбрал именно даму? Снова показалось, что это сон. Сейчас проснусь, будет обычное субботнее утро. Жил на свете король. Каком свете? Может дело в освещении?

Вскоре родители вышли из дома вместе с тем человеком, сказали, что не прощаются. Он подмигнул мне и ушел. Я сразу же подскочил к отцу. Отец, увидев мое выражение лица, ответил, даже не дождавшись вопроса:

— Это просто специальная колода. Таких сейчас много.

— А ты так можешь?

— Да любой может. Это колода такая. Чисто с понтом под зонтом. Ну и еще он пару раз двойной подъем сделал, ты не заметил. А ты не заметил, потому что он хорошо это делает и отвлекает рассказом,

когда надо. Ты никогда такими колодами не увлекайся, надо работать с любой. Вот дали тебе незнакомую колоду, с ней и работай.

— А куда дама делась в конце?

— Никуда. Осталась там же, где была, просто ты ее не заметил.

Жил на свете король. 17 сентября. Ближе к вечеру народу собралось немало. Приехали крепкие и солидные люди. Женщины в красивых нарядах. Все стали сходиться в банкетный зал, занимать столики. Там был один огромный стол и много маленьких вокруг. Мы сели вместе с тем человеком, что показывал фокус за столом на четырех человек. По залу ходили официанты, разносили еду и выпивку. Отец огляделся и сказал «кого тут только нет». Тот седой человек сидел за большим столом, почти в центре, рядом с похожим на него. Из разговоров родителей я понял, что этот похожий человек — отец жениха. Но жениха и невесты не было, хотя ясно, что именно для них оставалось место в самом центре стола. Я поглядывал на карманы Фокусника, пытаюсь разглядеть его колоду, но он ее куда-то упрятал. Затем я набрался наглости и сказал ему:

— А можно еще фокус?

Он не расслышал, переспросил. Я повторил. Он ответил: конечно. И именно в этот момент двери в зал распахнулись. Мне даже

показалось, что это фокусник организовал. Именно после его слова «конечно», секунда в секунду. И в зал зашли жених с невестой.

Это то самое мгновение. То самое. Сколько раз я его восстанавливал в памяти во всех деталях. Показалось, что зазвучала музыка, хотя вряд ли это было, подул ветер, и этот ветер принес кружащихся ангелов. Или начался дождь, или мы все ослепли. Неужели кто-то думал, что я не понимаю, где пропал отец столько лет. Сидел в тюрьме. Неужели кто-то думал, что я не понимаю, кто эти люди вокруг. Да, не особо понимаю, но они как-то связаны с преступным миром. Но это неважно. Потому что теперь пошел дождь, закружились ангелы, и это не фокус как с картами, это удивительное благословение. И это никакой не сон, я не проснусь сейчас, не пойду жить обычной жизнью, теперь все будет по-другому. Никогда я не видел такой красоты и нежности. Время действительно замедлилось, она зашла в зал. Как же мне описать то впечатление. Я задержал дыхание и даже задрожал. На ней была белая фата, слегка прикрывавшая прекрасное лицо. Я не видел ничего подобного ни в фильмах, ни в журналах, и не думал, что женщины могут быть так красивы. Кажется, у меня даже выступили слезы — от волнения.

— Красавица, какая красавица.

Это прохрипел тот седой человек. Что я сейчас сделаю? Подойду к ней, возьму за руку, уведу отсюда, мы уедем, как в том фокусе про короля и его дочь. Мне девять лет. Мне девять лет. Не девятнадцать.

Если я подойду к ней, она спросит, тебе чего, малыш, я протяну ей руку, она даст мне конфетку со стола. Это беспомощное и унижительное состояние.

— Смотри, какая красивая невеста.

Мама повторила то же самое. Я сделал вид, что не смотрю на нее, а жду, когда мне покажут фокус. Фокусник достал колоду и начал что-то показывать. Не помню, что именно. Я думал совсем о другом. Я хотел заснуть, чтобы проснуться, когда мне будет хотя бы лет пятнадцать и не останется этой детской беспомощности. Ей будет, наверное, года двадцать три или двадцать четыре.

Встал человек внушительного вида, с тостом. И начал:

— Ах, какая красавица.

Они будто сговорились, чтобы устроить передо мной это представление. И так ясно, что красавица, зачем всем это повторять по сто раз. Вообще показалось, что все это устроено, чтобы посмотреть, что я буду делать. Они до этого здесь сидели и разрабатывали план. Вот, заходят в зал, мы делаем вид, что все нормально, а сами подглядываем за пацаном, смотрим, как он смущается, а затем ржем над ним.

Люди поздравляли, произносили сладкие речи. Там был и ведущий с микрофоном. В один момент он сказал, что теперь сюрприз для всех нас. Дверь в зал снова торжественно распахнулась и резко возник, вбежал, впрыгнул известный певец с растрепанными волосами. Я его много раз видел по телевизору. Он стал дергаться в ритм и петь одновременно. Жених с невестой, а также другие пары, даже мои родители, вышли танцевать, обниматься и медленно прокручиваться на месте. Тоже подозрительный момент. Слишком похоже на фрагмент какого-то фильма. Мы остались сидеть с Фокусником и смотреть на происходящее.

По общей окраске это походило на то первое воспоминание о Новом годе. Темно-бордовое, пронизанное светлыми лучами. Мы находились не в банкетном зале, а в задымленном ангаре, и внутри повисшего дыма были надписи: все обо всем. В этом воздухе — уплотнения, сгущения, похожие на куски чего-то, облепленного мхом. Как погасшие солнца, разбросанные по воздуху. Если подобное увидеть в лесу на земле, или на дне реки, ничего удивительного не будет. А здесь весь этот пылающий амбар заполнен тростником или бамбуковыми шторами, они стоят сплошным забором, как ограждение. Все говорят как шепчут, и говорят об одном: о ней и обо мне. Такого не могло быть, этот шепот чудился. Отчего же все тянулось и замедленно плыло — может быть, реально снимали фильм, а Фокусник сидел и управлял моим вниманием, чтобы я не заметил камеру.

Мы подошли к нашему дому, я попросил разрешить остаться на улице, чтобы подышать воздухом. Мама была против, уже темно, надо ложиться спать, а утром ехать обратно. Но я сказал, что такого воздуха нигде нет, у нас заводской, а в деревне он пахнет животными. Мама разрешила немного побыть рядом с домом, но чтобы никуда не уходил.

Вечером появился новый аромат. Ванильный крем с пирожных растекся по всему воздуху. Я сидел на ступеньках и вспоминал ее: каждый взгляд, каждый фрагмент. Отец был прав, когда говорил про память и внимание, они сцеплены. Внимание помогает памяти не заглушиться в себе, а остаться доступной. Ты можешь возвращаться в свое прошлое и вглядываться в детали.

Вдалеке, там, где вход в банкетный зал, показалась фигура в белом. Мое тело словно ударило жгучее солнце, я дернулся и замер. Не верилось, что это может быть она. Да и общее звонкое звучание усилилось. Может быть, это какие-то внутренние процессы, мое желание и стремление появляется перед глазами как мираж, и все это сопровождается слегка тревожным пением — природа намекает, что ничего этого нет, это как раз работа внимания и памяти, а не реальность как таковая.

Она свернула на ту дорожку, что вела к озеру. Я пошел за ней, держась на приличном расстоянии. Казалось, что я не дышу — дыхание исчезло из-за волнения. Еще звучала музыка — те самые

песни, что были внутри зала, только в других интонациях, — и я помнил все слова. Как так получилось, что я сходу запомнил слова всех песен? Или нет, это ведь происходило не в памяти, никаких слов я не запомнил. Дальше было уже темно. Луна разрывалась дорожкой по воде, а так ничего не разглядеть. Она подошла к берегу, скинула с себя белую фату, сняла всю остальную одежду и медленно погрузилась в воду. В этот момент звуки исчезли, как будто она забрала их с собой. Все как в том сне. Да, точно, этой ночью я уже был здесь и все это видел. Неужели это просто повторяющийся сон? Здесь и не холодно, и не тепло, воздух слишком плотный, все слишком оторвано от привычной жизни. Может быть, там, за деревьями, все за мной наблюдают. Подглядывают за тем, как подглядываю я.

Она вышла из воды, и в тот момент я смог разглядеть ее отчетливее. Луна касалась поверхности озера так, что выстраивалась подсветка. Она резко дернулась и взглянула в мою сторону. Заметила меня. Сердце заколотилось так, будто его внутри задержали нервной рукой. От страха и неловкости я испугался, что задохнусь. Она набросила на себя одежду, посмотрела на меня, сделала несколько шагов. Я боялся пошевелиться.

— Ну что, все видел?

Я покивал. Она подошла, улыбнулась, взяла меня за руку и повела обратно. Ее ладонь оказалась мягкой и нежной, как и все вообще, как и вся природа, как этот день, как воздух, мысли, и даже память.

Послышалась густая музыка, как из мультфильма. Наверное, мы идем, а про нас снимают мультфильм. За всеми деревьями сидят художники и рисуют наши шаги, наши взгляды. Мы идем в другое царство, в котором будем жить в вечной любви, здесь было тоже неплохо, но там будет еще лучше. Я так и знал, что сегодня что-то случится, и это случилось, я встретил свою возлюбленную, и мы с ней теперь никогда не расстанемся. Даже не будет никакой погони, лишних приключений, десятков в колоде, с понтом под зонтом, мы уже достигли всего, что было предписано.

Внезапно послышался голос мамы. Нет, это было не «вставай, уже утро». Я не спал. Родители бегали по соседним домам и искали меня. Мама плакала, звала, спрашивала у всех подряд, не видели ли меня. Когда увидела нас, сразу же подбежала.

— Вот ты где! Спасибо, Оленька, где ты его нашла?

Она улыбнулась, ничего не ответила и ушла в сторону банкетного зала. Мама меня долго ругала, объясняла, что больше никуда не отпустит, и вообще что я буду наказан за то, что не сдержал обещание и ушел далеко от дома. А я понял, что знаю, как ее зовут. И да, я не сказал пока что, как зовут меня, маму, отца. Раскрыл только одно имя. 17 сентября что-то произошло.

2. Книги

На заводе осталось несколько работающих помещений, они находились в отдалении от остальных, уже разбитых, и спокойно дымили. Дым и небо одного цвета и поглощают друг друга. Если рисовать картину, можно смешать серую, черную и желтую краски, случайно их вылить на лист бумаги, начертить пару коробок, к ним пририсовать трубы — получится то, что видится. Внутри этих коробок огонь, все тлеет и плавится, а внешне они кажутся застывшими.

Мне исполнилось пятнадцать. Наша жизнь сильно изменилась за последние шесть лет. Отца снова посадили, причем надолго. В этот раз никто никакие деньги не приносил, мама пошла работать, сначала продавщицей в магазин, а после на рынок. Первое время она плакала по ночам и в чем-то постоянно себя винила. А затем привыкла. Человек привыкает ко всему — я это уже давно понял.

Кстати, меня зовут Руслан.

Что произошло за эти годы? Не знаю, с чего начать. Например. Я пару лет занимался боксом. У нас был тренер — маленький, хриплый, с вдавленным носом. Звали его Гномом, он всегда недовольно ругался. Собирались в подвале, били по мешкам, затем бегали по природе. Он так и говорил: «Давайте теперь на природу». Мы, разогретые и ровные как солдаты, пробегали по лесу за новыми

домами, рядом с болотом. Так три раза в неделю. Гном был реально повернутым на боксе, объяснял, что ничего больше в жизни не надо, только четко чувствовать дистанцию и быстро реагировать.

Еще дискотеки.

Дискотеки устраивалась почти каждую неделю в Доме культуры уже закрывшегося завода. Снаружи это выглядело так. Отброшенное здание на краю города, рядом с закрытыми заводскими воротами. Иногда оно начинало трястись, звучала громкая музыка, в окнах все пестрело, сверкало. Ближе к темноте люди стайками сходились, заползали и распределялись внутри. Накрашенные, откровенно одетые девочки лет от тринадцати, а то и меньше, смелые подростки, а еще хмурые люди с кассетами, спрятанными в карманах.

Когда все происходит в полутьме или мерцании, кассет — самая удобная вещь. Можно не бросать соль в глаза, и без того ничего не видно.

В один момент что-то случилось, тебя скидывало волной, как при взрыве, и внутри месива уже непонятно, кто против кого, все выплескивали из себя гнев, затем расходились по сторонам, находили своих и с умом объединялись в боевые группы, выходили на воздух, во двор за здание, и разбирались со всей жестокостью. Химоз ходил и приговаривал «какие жестокие люди». Его никто не бил, если только случайно, у него бы тело не выдержало первого же замеса. Обычно

он в стороне ходил и глючил, а затем помогал добраться до дома. Мне тоже. Когда глаза не видят, харкается кровь, вся куртка вымазана — нужен кто-то, кто доведет до дома. Хоть Химоз. Иначе можно лечь под кустом и превратиться под утро в ледышку.

Часто я приходил в ночи избитым, мама кричала, качалась на стуле до утра, обхватив голову руками. Пила таблетки и выплывала на работу. Я ее пытался утешить, объяснял, что ничего страшного не происходит, мы просто так танцуем.

Химоз обычно сидел у подъезда в кирзовых сапогах. У него на голове был кусок седых волос, а остальные волосы вокруг толком не росли, он всегда был одинаково пострижен, хотя и не стригся. Вся голова в комках и проплешинах. Лицо жесткое, покрытое легкой коркой, загорелое. Один раз подошел к нему, он сказал, что сейчас происходит «существование воздуха». Такое случалось часто: когда смотрел на него, казалось, что он в ответ меня не видит, у него перед глазами пленки — целая череда, по этим пленкам что-то перемещается, как зажатые мошки, и он за ними наблюдает. А то, что перед ним — это то, что за пленками, мутное и неважное. Поэтому когда подходил к нему, он меня часто не замечал, продолжал сидеть и вглядываться в свои внутренние экраны. И в этот раз так же, только он еще и объяснил. Существование воздуха — это те самые перемещения в глазах.

У Химоза в руках привычно был целлофановый кулек с омерзительной на вид желтой субстанцией, смесью клея с чем-то, о чем неприятно думать. Как-то он протянул мне этот кулек и сказал «кайф». Ответил ему, что мне даже смотреть на это тяжело, не то что прикладывать к лицу. Не сказать, что я сильно брезгливый, но это уже перебор.

У Химоза полностью отсутствовала агрессия. Если кто-то ему говорил обидные слова, называл его Химозом и Дихлофосом, он никак не реагировал, а иногда хрипло посмеивался. Жил он с бабкой-алкоголичкой в маленькой захламленной комнате.

Еще персонажи из моей жизни. Митя и Алик — самые черти. Кальмар. Ласло. Про всех сейчас расскажу.

С Митей и Аликом мы ходили вместе на бокс, но они быстро оттуда ушли, сказали, что Гном — ушлепок, лучше просто самим заниматься в гараже, чем держаться этого ненора. А я ушел чуть позже, реально стало напрягать, что Гном впадает в крайняки. Обычно это Митя и Алик провоцировали махачи на дискотеках, затем разыскивали по району тех, с кем дрались, и разбирались. У них был какой-то переизбыток жизненности и агрессии. Иногда я радовался, что дружу с ними, а не против них, иначе жизни бы не было. Митя вообще вытворял дичь. Он мог идти и, заведя какого-то пацана, прогуливающегося с подружкой, подойти к ним, перегородить дорогу, достать свой шланг и помочиться, а затем закричать на всю

улицу «что вы тут нассали». Никто не хотел с ним связываться, считали психопатом. А Алик был более четким. Он объяснял, что надо делать дела, искать выходы на людей. Подозреваю, что он со мной сдружился из-за того, что слышал про моего отца и его биографию.

12 декабря. Митя с Аликом зашли ко мне, сказали, что есть кое-что «элитарное».

— Пошли закроемся, а то если здесь, вонизма начнется, на тебя мать наорет потом.

Мы вышли к гаражам, там у отца Алика стояла разбитая машина. Отец Алика был одним из многих, кто остался без работы после закрытия завода. До этого он был веселым и убедительным. Мог подзвать во дворе, демонстративно вручить какую-нибудь пластмассовую хрень типа паровозика и сказать громко при соседях: «Играй, ребетня, для вашей радости вкалываем». А после закрытия завода стал постоянно бухать. Садился на пол, обкладывался всеми этими желтыми и синими игрушками и сам играл — возил паровозики, перемещал уточек.

Зашли в гараж. Алик бережно, трепетно, медленно завернул растертую травку в бумажки, прикурил каждую и протянул нам. Митя втянул, подождал немного и прошептал «дерьмо». А со мной получилось странное. Травка, а это была не травка, а какая-то херь,

пролезла внутрь, через полоску дыма, и разошлась по всему телу. Я подошел к Алику и в легкой панике спросил, где мне лечь. Да ложись где хочешь. Можно я спрячусь под тем покрывалом? Не вопрос, прячься. Мы тебя не будем трогать.

Это был не кайф, а превращение в мочалку, в пористую дышащую среду. В один момент показалось, что я просвечиваюсь и покрывало не помогает. А они стоят и ржут надо мной.

— Русланчик, ты как? Пробей по груше, вот висит.

Там был старый истерзанный боксерский мешок, по которому мы колотили. Я каким-то образом поднялся на ноги, но тут же понял, что не имею четкого тела и ударить не получится, потому что воля разъединилась с телесными возможностями, я рассыпан по углам и стенкам гаража.

— Русланчик, не падай, брат. Кайф ведь.

Да какой там кайф. Это ад. Митя и Алик ржали, глядя на то, как я пытаюсь перемещаться по гаражу.

Стало страшно оттого, что теперь все время так будет. Я останусь раскиданной по разным частям света полумыслящей субстанцией. Она еще слегка шевелится. Там, в дальнем углу, лежу «я», размазанный как остатки пены по ванне, из которой слили воду.

— Элитарная тема.

Да. Вполне элитарная. Я встал на колени, уперся руками в пол. И вообще забыл, как двигаться. Как теперь лечь или встать.

— Слышь, Русланчик, только не мочись здесь, кто убирать это будет?

Ночью я понял, что херь так просто не оставит, залезет в сон. Так и вышло, мне приснилось, что еду в автобусе, только у меня внешность человека лет шестидесяти с наколками на лице, совсем не похожего на меня. Рассказываю людям рядом, что поменялся с ним внешностью, чтобы выехать за границу. Затем в автобус начинают заползать собаки с крысиными лицами. Я залезаю повыше и начинаю стряхивать их с себя. Стряхивать как пыль или грязь. Или болезнь.

Наутро ломало голову и шею, еще сильно тошнило. Но, к счастью, тело слушалось. К вечеру пришел в себя полноценно, нашел Алика и сказал, что да, кайф.

А теперь моя тайна.

У меня было несколько книг. Они у нас лежали сколько я себя помню. В детстве я их просто листал, затем читал, перечитывал. Не сказать, что они казались мне интересными — в них притягивали и удивляли картинки.

Книга «Венгерские народные сказки» с синей обложкой. В одной из сказок был персонаж Ласло. Много картинок. Синей краской на белом фоне. Ласло идет в лес, Ласло встречает духа леса, Ласло просит ему помочь. К Ласло прилетает большая птица и велит следовать за ней. Ласло находит сундук.

Желтая книга «Аладдин и волшебная лампа». Там Аладдин, Джинн и их приключения. Аладдин смотрит на лампу. Из лампы вылезает Джинн. Аладдин и Джинн собирают камни, разглядывают камни, куда-то летят. Аладдин, Жасмин и Джинн находятся в саду. Колдун пытается похитить лампу. Колдун стоит и смотрит большими глазами на появляющегося из лампы Джинна.

Серая книга военных рассказов разных авторов. Черно-бело-серые картинки. Военные сидят в окопах, наблюдают в бинокли за танками противника. Самолеты, бомбардировка. Стреляют из автоматов. Коварный шпион переоделся, прикинулся рассеянным крестьянином и переходит границу, типа ищет, куда забрела его коза.

Еще сказка про царевну.

В чем тайна? Не понимаю, как так вышло, но многих персонажей с иллюстраций в этих книгах я встретил в реальной жизни. Нельзя сказать, что они были просто похожи. Не похожи, а именно они. Точь

в точь. С теми же гримасами, прическами, контурами лиц — короче, они. Например, Кальмар.

Его звали то ли Ломар, то ли Ламар, но мы его понятно как называли — Кальмаром, по созвучию. Его семья перебралась в деревянные бараки за железкой и выбила статус беженцев. Кальмар говорил, что у них началась война, они и сбежали. А где именно началась война — непонятно. Где-то на юге. И кто он был по национальности — тоже непонятно. Мы никогда и не спрашивали. Явно южный. Кожа темная, оливковая, но не похож на цыгана. Джинн из книжки про Аладдина. Длинный, с нездешними черными глазами и дебильными усами. Как мы с ним познакомились? Когда он первый раз вышел из дома, не успел дойти до угла, его сразу прихватили — два пацанчика ниже его на голову, объяснили, что просто так здесь ходить нельзя, надо приносить пользу, или не пользу, а быть более приветливым, раз вышел и увидел кого-то, надо подойти и поздороваться. Непонятно, как они его так быстро повалили и вымазали. Даже собаки подбежали смотреть, как Кальмар плещется в поносной луже. Ничего, поднялся, отряхнулся, пошагал обратно домой. Сходил погулять, короче. На следующий день как только он вынырнул из подъезда, быстрым шагом обошел дом. Его догнали. Встал в смешную боксерскую стойку, расширил ноздри как дракон и сказал, что убьет, если подойдут. Митя увидел, что начинается интересное, подошел к дрожащему оливковому Джинну и ответил, что зря он так, теперь придется его научить общению. Общаться так нельзя. В общем, Митя умудрился стукнуть Кальмара доской по ногам так, что тот сложился

и упал на колени. Затем принялся бегать вокруг, харкать на него, приговаривая «ну что, сука, а». Кальмар стоял на коленях прямо на дороге с мокрыми глазами и дрожал. Митя заорал «я тебе не зверь, что ты, сука, дрожишь так». Подняли Кальмара, посадили на скамейку, спросили, кто он вообще и почему так неуважительно ко всем относится. Когда он сказал, как его зовут, все на мгновение замолчали. Митя выразительно посмотрел на него: «Ты, Кальмар, не обижайся». Конечно, это все не в обиду. Так познакомились. Еще про тот случай, когда он упал в лужу. Собака на него залаяла. Не на пацанчиков, которые его сшибли, а на него самого. Лежишь в луже, избитый ни за что, и на тебя еще собака ругается. Наверное, обидно. Приехал в новое место, вышел из дома, а на тебя набросились не только люди, но и животные. Такое гостеприимство.

В тот же день, когда мы познакомились с Кальмаром, я достал книгу про Аладдина, посмотрел картинки. Действительно, он. И не только лицо в цвет, даже тело. Если оживить того Джинна, он наверняка будет так же ходить и смотреть, как Кальмар. Такая же будет походка.

Кальмар позвал к себе. Мы поднялись на второй этаж. Все скрипучее и сырое. Повсюду развешано белье. Совсем мелкие дети — его брат с сестрой. И его мать движется между висящими на веревках полотенцами. Еле сочится из окна свет. Кальмар спросил, буду ли чай. Открыл кран. Воды сначала не было, она скопилась далеко и

пошла не сразу. Появились звуки, похожие на пение. Как будто пел целый хор. Когда вода полилась, пение затихло.

Кальмар сказал, что здесь им хорошо, а там, откуда они приехали, всех вырезают. Я ему ответил, что здесь свои проблемы, но уж точно его вырезать никто не станет, надо только правильных людей держаться.

23 марта. Мы сидели с Химозом, Митей и Кальмаром у дальних сараев.

Митя показал на окно угловой квартиры на втором этаже.

— Кто там вообще живет?

Мы вроде всех знаем из этого дома, а в той квартире непонятно кто живет. Ни разу не видели, чтобы оттуда кто-то выходил. Из соседних — да, каждый день, а из этой никогда. Окна плотно закрыты занавесками, и так было всегда, никто ни разу их не раздвигал. Наверняка внутри душно и тяжело. Если кто-то живет, то как он питается, как ходит в магазин?

— Может, там жмур отдыхает.

— Была бы вонь на весь подъезд.

Да, точно, скорее всего там просто никого нет.

В окне соседней квартиры появилась большая улыбающаяся голова. Человек начал бить по стеклу и мычать. Там жил гигантский карапуз, похожий на снеговика, его по ночам выгуливала старая мать. Сколько ему было лет? Тридцать, сорок? Он ничего не говорил из слов, выкатывался из подъезда, бегал, издавал пугающие звуки. Днем, видимо, ей было стыдно его показывать. А по ночам он резвился во дворе, подбегал к сараям, плевал на них. Когда это начиналось, мы замолкали, провожали взглядом мечущуюся тушу, здоровались с его матерью. Даже не хотелось шутить по этому поводу, все осознавали жуть происходящего.

— Ты что сделаешь, если Карапуз подбежит и харкнет в тебя?

— Если харкнет в тебя, ты таким же станешь.

Мать Карапуза, высушенная полоумная старушка, всегда пахла едкими лекарствами. Она часто орала на него, а когда не орала, ходила и шепталась.

Ночная осень, Карапуз плещется в опавших листьях как в воде, а она ходит по кругу и шепчется.

И вот появилась улыбающаяся голова Карапуза. Он начал бить по стеклу, видимо, подумал, что мы пришли специально к нему, стоим и

смотрим на его представление. Стекло дрожало, казалось, вот-вот лопнет. Наверное, так бы и случилось, но появилась мать и оттащила его в глубину комнаты.

Да, из этой квартиры никто никогда не выходил. Непонятно, почему мы раньше не задумывались о ней. Видимо, нужно было однажды подойти и взглядеться в окно.

Поднялись по лестнице, постучали. Естественно, никто не открыл. Митя сказал, что надо бы сходить за отверткой, попробуем вскрыть. Никто ничего не скажет, напротив только одна квартира — Карапуза, поэтому можно смело вскрывать. Вернулись через несколько минут с отверткой, открыли почти сразу, замок оказался хлипким. Митя торжественно оглядел нас и объявил: «Добро пожаловать».

Темный коридор, деревянный скрипучий пол, дальше комната. Все затхлое, тяжелое, с непрозрачным воздухом. Меня сразу затошнило от запаха. Митя смело прошел в комнату, открыл окна. Шкаф с книгами, диван, трюмо с тройным зеркалом. На кухне пустой холодильник, повсюду следы чего-то разлитого и разложившегося. Эта квартира долго гнила, так бы и осталась гнить, если бы мы не пришли.

В общем, мы захватили эту квартиру, почистили и сделали местом своего обычного присутствия. Принесли магнитофон, я перетащил

туда свой видак, и мы подключили его к тамошнему черно-белому телевизору.

Чарли сэз олвейз тел юр мами. Химоз танцевал под эту песню, смешно передвигаясь. Будто на полу что-то вспыхивало, и он туда сразу прыгал. Для него это была не старая скрипучая квартира, а модный клуб с мигалками и зеркальными шарами.

Алик часто приносил траву. Я его каждый раз спрашивал, не элитарная ли, он отвечал «не-не, ты чего, тогда был единичный подгон, больше не достать». Химоз говорил, что вообще не чувствует траву, как будто воздух дует. А мы нормально грелись. Митя каждый раз ржал, падал и складывался, а я закрывал глаза и уплывал в воспоминания.

12 апреля. Зашел Алик, сказал, что надо идти прямо сейчас, сладкий подгон. Ответил ему, что не буду ничего элитарного пробовать. Алик махнул рукой, чтобы быстрее собирался. Да это не то. Митю с собой не захотел брать, чтобы он не отчудил дичи, со мной решил поделиться. Около моего подъезда стояли две девушки. Когда мы вышли, они внимательно и несколько надменно посмотрели на меня.

— Двигаем, некогда залипать.

Алик повел всех нас на нашу общую квартиру. Мы расселись в комнате. Он как обычно достал третью травку, аккуратно высыпал ее на газету, положил на стол, принялся скручивать сиги.

Девушки милые, с нежными лицами, стройными ножками, из тех, кого видишь на улице и сразу оглядываешься. Не буду их описывать подробно, я же не эротоман, наслаждающийся детальными описаниями женской одежды и изгибов тела. Просто реально складные телочки, о которых мечтают все мужчины, но не душевно, а телесно. Сколько кентов мечтали бы махнуть со мной местами в то мгновение, оказаться на этой скрипучей хате, чтобы напротив сидели эти улыбающиеся девочки. У них свои жесты, переглядывание, поправление волос, ухмылки — вряд ли они этому учились, это часть молодой женской природы. Это селится в них само собой, вместе с источаемыми ими лучами. Мне было неловко и странно. Алик вывел на кухню и сказал, что моя темненькая, а его блонда. Что ей говорить? Я реально не очень опытный. У тебя что, телки никогда не было? Была, конечно, давно. Очень давно. У меня внутри все заколотилось, а тело слегка затряслось, сказал, что не буду дуть, а то совсем берега поплывут.

Мы вернулись в комнату, Алик сказал, что начинается киносеанс, достал кассету и вставил в видак. На черно-белом экране появились полосы, а внутри полос совокупляющиеся люди. Девушки задорно рассмеялись, сделали вид, что не интересуются порнухой. Алик вывел еще раз на кухню и сказал, что диван у нас один, поэтому

чисто по-братски не надо спорить, нам с темненькой отводится ванна с туалетом, а они с блондой останутся в комнате. Да что там спорить, Алик, давай не так быстро все это разложим, посидим сначала. Так раньше надо было сидеть, уже порнуху поставили, давай, бери ее и уводи. Мы вернулись, я сел на диван как раньше. Алик подошел к светленькой, смело взял за волосы и засосал прямо в губы. Вторая девушка посмотрела на меня, затем отвела взгляд, уставилась в экран. Подождав минуту, резко встала и сама ко мне подошла, села прямо на колени и посмотрела прямо в глаза. Я пробормотал:

— Слушай, я вмазался слегка, ты извини, если торможу.

Ничем я не вмазался. Она встала, взяла меня за руку и вывела из комнаты. Мы прошли по скрипучему коридору, зашли в ванную, встали друг напротив друга.

— Че стремишься?

Я обнял ее и поцеловал, сначала в шею, потом в губы. В глазах потемнело, показалось, что со светом что-то произошло, все видимое зарябило. Я оказался у того озера, в тот самый вечер, в то мгновение, когда она взяла меня за руку. Я тогда тоже взял ее за руку, обнял и поцеловал. Внутри застывшего мира мы сплелись всей телесностью, как прозрачные деревья, перетекающие друг в друга кровавые ручьи — теперь у нас одна сущность, и неважно, планировалось ли это реальностью, у нас теперь другие планы на жизнь, на жизненность и

смыслы, сегодня наша свадьба, там, в зале, для нас поет известный певец, все нас поздравляют. Оля, я тебя люблю. В тот момент она меня оттолкнула, сказала, что я реально вмазанный, а она не Оля вообще-то.

За стенкой тоже была ванная — соседская, и оттуда послышался животный стон. В деревянном доме излишне хорошая слышимость. Конечно, там был Карапуз, он услышал стоны в комнате и в телевизоре и принялся ублажать себя. И вместе с этим ломиться к нам, раскачиваясь и плюхаясь в стену. Девушка недовольно взглянула и спросила, что это. Сказал ей, что это один монстр дрочит. Короче, наше любовное свидание закончилось, не начавшись. Мы вышли на кухню, она закурила и уставилась в окно. Я попробовал ее как-то развеселить.

— А реально он может сейчас стену снести, вкатиться сюда и всех трахнуть. Это двухметровый слюнявый колобок.

Не лучшая была шутка в такой ситуации. Девушка резко вышла из кухни, набросила на себя свою куртку, обулась и хлопнула дверью. Что-то я сделал не так, а у Алика тогда все сложилось хорошо.

Алик изменился в один день. Мы сидели на хате, как обычно, он зашел, тоже сел с нами, ничего не говоря. А затем достал из кармана куртки пистолет. Митя сразу подскочил и начал разглядывать. Настоящий? Конечно. Полная обойма, если что. Алик покрасовался

перед нами и ушел. У него появились новые знакомые, он начал кататься с ними на машинах и делать серьезные дела.

Один раз он позвал меня с ними прокатиться, я целый день ходил и думал, как это будет. Когда они подъехали, сел на заднее сиденье, и мы отправились перемещаться по окрестностям. Это был первый раз, когда я ехал на такой машине. Она мягкая, плавная, показалось, что мы плывем по реке, а не едем. Меня почти сразу укачало. Они что-то говорили, но я ничего не понимал, боялся, что сейчас стошнит и я перепачкаю всю их машину. Что они мне скажут на это? Они сейчас тормознут, а из меня вырвется внутренность как из вулкана, все им тут заблюю. В голове уже все смешано, даже не могу сказать «останови здесь, я выйду», боюсь, что если скажу хоть слово, то вывернусь. Уже даже не стыдно ни за что, просто плохо.

Остановились, я выполз и лег на землю. Они подошли втроем, один спросил, вмазался ли я. Покивал. А что ответить? Да, вмазался. Не скажешь ведь, «меня укачало, первый раз на такой машине». Какая разница, что со мной, нужно прижаться к земле и полежать, вы ежайте, я сам доберусь. Сказали, что могут добросить до дома, раз так плохо. От одной только мысли, что сяду обратно в машину, тошнота увеличилась. Не надо ничего, оставьте лежать здесь, мне здесь хорошо. По-другому представлял этот день.

Раньше меня укачивало и в такси, и в автобусе. Садился и уже знал, что к четвертой остановке буду покачиваться с закрытыми глазами, на пятой выскочу. Начал даже прикидывать, что тошнота возникает

сразу, как только поворачиваем и видится зеленый деревянный дом. Возможно, из-за этого дома и становится плохо. Попробовал один раз сесть не на своей остановке, а на второй, все равно случилось то же самое — когда появился этот дом, в глазах потемнело.

Ситуация похожа на ту с девушками. Снова Алик мне что-то организовал, и снова я как-то не так поступил. Хотя непонятно, что я не так сделал.

Почему я ничего не рассказываю о картах?

Около пяти лет назад. Мама пришла домой в резких чувствах. Я сидел на полу и раскладывал карты. У меня уже были свои схемы, как играть, если соперник копит масть. Мама села рядом, тоже прямо на пол. Стало не по себе от ее взгляда, раньше такого не было. Затем она молча встала, пошла на кухню, взяла там зажигалку, вернулась в комнату, сгребла карты в кучку и подожгла их, также ничего не сказав. Мы молча смотрели, как догорает колода и загорается ковер. Не знаю, что было бы, если бы я не закричал «мы сейчас сгорим», тогда мама побежала за ведром с водой и быстро все потушила. А потом сказала, что хочет попросить кое о чем. Чтобы никаких карт в моей жизни не было. Я покивал тогда.

Несколько раз я пытался выяснить у мамы, что это были за люди, к которым мы ездили на свадьбу, чем занимаются, где живут. Но мама отказывалась о них говорить и даже вспоминать. Один раз сказала:

«Это проклятый мир». Не знал, как объяснить, что все эти воры в законе и катраны меня не очень интересуют, мне нужно понять, где найти Олю — ту невесту. Мне было очень стеснительно о ней расспрашивать. Один раз я набрался смелости и спросил.

— Помнишь, мы ездили на свадьбу?

— Ты снова об этом?

— Не, я просто хочу узнать про ту девушку, про невесту. Ты не знаешь, где она и что с ней стало?

— А что с ней могло стать? Ничего хорошего. Удивлюсь, если жива. За сына бандита тогда выскочила.

— За какого бандита?

— Ты правда хочешь знать?

— Да.

— Есть лопухи, глупые и доверчивые. Мелкие аферисты. Как твой папа. Им суждено мотать за других срок за сроком, гнить по зонам. А есть мрази. Они заправляют проституцией, наркотой, им ничего не стоит человека подставить или даже убить. Понимаешь?

— Ну понимаю, да.

— Раз понимаешь, больше не спрашивай о них.

Мама стала часто вести себя не очень привычно. Типа того сожжения карт. Она могла прийти домой с работы и застыть на час-два, а если я подходил и спрашивал, что такое, она отвечала: «Дай мне спокойно сдохнуть». Да, она привыкла к этой жизни, но все же приняла ее с тяжестью. Один раз случилось вообще стыдное. Мы стояли за сараями с Митей и Химозом. У Мити была разрезанная пластиковая бутылка — бульбулятор с фольгой, ну как всегда. Кто-то сказал маме, что я там за углом наркоманю. Мама прибежала с отцовским ремнем и начала хлестать меня пряжкой, а Мите и Химозу сказала, что если еще раз увидит нас за этим делом, всем гланды перережет и сама повесится. В определенные мгновения у мамы находились жесткие слова, она их складывала очень ловко и быстро, создавалось впечатление, что она только так и общается. Тогда Митя и Химоз заценили, серьезно покивали, сказали, что хорошая у меня мама.

Митя и Алик были нарисованы в книге военных рассказов. Алик как раз держал пистолет, поднятый вверх, и командовал «в атаку». Химоз — в венгерских сказках про приключения Ласло. Это был бродяга, которого Ласло встретил на пути. Не просто те же выражения лица, но и те же клоки волос. Когда последний раз раскрыл книгу про Аладдина и посмотрел на принцессу Жасмин, руки задрожали. Конечно, это та девушка из ванной, к нам с ней ломился сквозь стену

Карапуз. Да, сразу тогда подумал, что она мне кого-то напоминает. Что все это означало? Вопрос этот оставался чем-то страшным. Одно время хотелось отвечать на него «ничего». Ничего это не означает. Просто так случилось. А сказка про царевну? Несложно догадаться, кого они нарисовали в виде царевны. Там было рисунков двадцать. Самый классный — царевна в длинном белом платье, сидящая на берегу озера. Что это может означать? Ничего. Просто какой-то художник рисовал девушку из своего воображения, и она оказалась один в один на нее похожа.

Иногда я раскрывал эту книгу и с ней беседовал, рассказывая про свою жизнь и намерения. Папу снова посадили, мама сожгла карты, я ненавижу школу, сегодня я впервые попробовал травку, сегодня меня порезали на дискотеке, ничего, заживет, скоро я за тобой приду, где бы ты ни была.

А если это что-то означает? Тогда получается, что мир прошит тревожными связями. Примерно то же, что с картами. Ведь когда показалось, что от их раскладов может что-то меняться, я сказал «нет». Карты могут влезать в жизнь человека через азарт или удивление, но никак не через потаенные структуры. Хочется так думать. Эти картинки — не совсем карты, непонятно, как в них играть, их можно перелистывать и разглядывать, но все равно. Это некое огромное пугающее предсказание.

5 июня. Три раза просыпался ночью и каждый раз от переполняющего сна. Сначала приснилось, что нахожусь в деревне, мою бабушке ноги, а у нее нет стоп, только обрубки. Подхожу к зеркалу и вижу себя. Неопределенный возраст. А на голове платок, как у сельских женщин. Там присутствует некто, просит рассказать о моих основных занятиях. Раскрываюсь, показываюсь ему и объясняю, что мою бабушке больные ноги — это и есть основное занятие.

Проснулся, пришел на кухню, посмотрел в черное окно. Попробовал снова заснуть. Поднялся на второй этаж. Все квартиры как отдельные раскрытые дома — с коврами, диванами. Пока поднимался, проходил по ним. Там был человек, который меня узнал и добродушно поприветствовал, подбежали его дети и тоже порадовались, что я пришел. Мама показала на пол. Он покрашен бордовой краской, в нем выступы. Сказал, что помню этот пол, каждый бугорок, и что вообще это хорошая квартира — мы в ней жили. Мы в ней когда-то жили!

Снова проснулся, стал лежать и смотреть в потолок, вспоминая детали сна. Уже под утро увидел старый подвал, засыпанный песком. Люди плавают в песке как в воде. Ныряю, пытаюсь провалиться в знакомые лабиринты, с какого-то раза получается. И становится понятно, что этот песок — моя память.

Утро раннее, в пять утра уже светло.

Подошел к окну и вздрогнул. Прямо под окном, стоял и смотрел на меня Ласло. Мой друг. Единственный человек, которого я считал своим другом и кому мог хоть что-то доверить. Я знал, что он должен скоро выйти, но без точных сроков. Больше полгода в больнице не держат. Он будто ждал, что я в пять утра подойду к окну. Интересно, а если бы я встал в семь, в девять? Ласло улыбался и показывал видом, что рад меня видеть.

Я вышел на улицу, мы обнялись и пошли гулять по пустому утру.

Это я его когда-то назвал Ласло, понятно почему, и это погоняло к нему прилипло, все стали так его называть. Я ему не рассказывал про картинки в книгах, но почему-то казалось, что он обо всем догадывается. Иногда я его проверял, задавая неожиданные вопросы по той сказке, типа нашел ли он сундук, как там птица, и он им совсем не удивлялся.

— Нашел сундук?

— Давно.

— Как там та птица?

— Отдыхает.

Когда мы с ним общались, ловил себя на мысли, что не могу предсказать не только то, что он дальше скажет, но даже тему, в которую его выбросит.

«Еще раз так посмотришь, я нырну в твои глаза как в море».

«Зачем ты загрязняешь мир, в котором живешь?»

«Дождь идет, а я не мокну, я сохну».

«Почему у твоей двери нет коврика?»

Он мог интересно и четко что-то рассказывать, а затем внезапно:

«Мой тебе совет: не слушай прогноз погоды на завтра».

Отец и мачеха Ласло по возможности скидывали его в больницу, он им явно мешал жить. После больницы он обычно гулял несколько недель — ходил по всевозможным местам, целыми днями. Алик не очень любил, когда Ласло находился с нами, говорил, что он сводит всех нас с ума, но при этом все равно относился к нему с сердечностью.

Мы прошлись по пустому утру. Он молчал и улыбался.

Расспрашивать про больницу не хотелось, так и промолчали час.

Затем он сказал, что у него дела, надо идти, а вечером он зайдет. Какие дела? Я точно знал, что он до вечера будет бродить по рельсам, по болоту, около завода, и даже ничего не поест.

Под вечер он снова появился. Все то же самое, что утром. Я подошел к окну, а он там стоял и улыбался. Мы пошли на хату. Он еще не знал, что мы ее захватили, что у нас теперь есть свое место, и не отсыревший гараж, а полноценная квартира, хоть и скрипучая.

Химоз как увидел Ласло, сразу поставил ему песню. Айм гонна сенд хим аут оф спейс. Сказал, что ему эта песня подходит и почему-то начинает играть у Химоза в уме каждый раз, когда он вспоминает Ласло. Как там в больнице? Тихо и сыро, как на фронте. Не успела закончиться песня, как в квартиру ввалился Алик с двумя девушками — другими уже, но не менее впечатляющими. Увидев Ласло и Химоза, он поменялся в лице. Немного не та компания. Девушки зашли, уселись на диване.

— Ласло, проведешь медитацию?

Ласло кивнул. Алик достал прозрачный пакет с мелкими цветными бумажками, протянул всем по очереди. Мне досталась красно-черная.

— Ласло, начинай медитацию.

— Она уже давно началась.

Я положил бумажку на язык, подержал во рту, а затем проглотил.

— Один знакомый бандос рассказал. Он со своей телкой под кислотой начал сосаться. Языки превратились в провода, по которым типа идет информация. Потом они трахались внутри черных дыр. Кайф, не?

— Это что, реально марки?

— Ну. Подгон от пацанов.

Алик вывел меня на кухню и сказал, что приход еще не скоро, мы можем час посидеть со всеми, а потом он просит меня увести Ласло и Химоза, сам могу вернуться, но они тут не нужны сегодня.

— Ничего против них не имею, но они не по этой теме. Посмотри, классные девочки ведь.

— Ну да.

— Просто проводи их, скажи, что покажешь Ласло что-нибудь. Тут типа что-то построили неподалеку. Новый дом. Он точно пойдет, и Химоза с собой заберите. А сам если хочешь потом возвращайся, как раз начнется.

— Ладно.

Химоз крутил одну и ту же кассету. Как заканчивалась, переставлял на другую сторону, и так по кругу.

Зе хорнс оф Джериho,

Фил зе бас кам даун он ми бэби.

Винд ит ап, винд ит ап.

Что-то там про иерихонские трубы.

Девушки сидели, прижавшись друг к другу, и хихикали. Алик их постоянно смешил. Ласло молчал, Химоз танцевал. Сколько это продолжалось? В один момент Алик дал мне знак, что пора уходить. Точно помню, что играло в этот момент. Сначала прогноз погоды на английском, а затем торжественные звуки, как будто гимн. Алик строго посмотрел на меня, настаивая видом, что я должен сделать, как договаривались. Я все понял, кивнул ему. После гимна начались тонкие тянущиеся звуки и постукивания, а затем из глубины полилась нежная мелодия. И в то мгновение, когда я раскрыл рот, чтобы сказать Ласло, пошел жесткий бит:

— Пойдем, покажу новый дом.

Зря, наверное, я это произнес. Пойдем, покажу новый дом.

Пойдем, покажу новый дом.

Вы думаете, я буду наслаждаться описанием того прихода, описывая в деталях то, что началось? Следующие несколько страниц текста заполнятся психоделическим абсурдом? Я просто скажу вам: пойдем, покажу новый дом. И замолчу. Мне очень стыдно за то, что там происходило следующие часы. Давайте представим, что я все это рассказал, записал, а затем взял, вырезал и сжег. Представьте, что вы все это прочли и посмеялись, но потом забыли. Просто вырежем этот фрагмент из памяти. Сразу перескочим в четыре часа ночи.

Ласло и Химоз привели меня за руки к моей квартире, постучали в дверь. Мама открыла и сразу спросила криком, где я шатался до середины ночи. Ласло ответил за меня, что я был на работе. Мама как это услышала, взглянула по-орлиному, приблизилась и проговорила по слогам «на ка-кой ра-бо-те». Ласло ответил, что в ординаторской. Я уже не слышал, что мама им говорила, прошел в комнату, взял книгу — сказку о царевне, открыл на первой попавшейся картинке и заплакал. Я стал просить ее простить за все, что сегодня натворил. Мама зашла в комнату и заорала «что происходит». Ласло ответил:

— Он очень расстроен.

— Из-за чего? — мама смотрела то на меня, то на моих друзей, стоящих в коридоре.

— Расстался с девушкой.

Ответ Ласло подействовал. Мама сказала «ладно», закрыла перед ними дверь, пришла ко мне в комнату.

— С какой девушкой? Я не знала, что у тебя есть девушка.

Я рыдал, вымазывая слезами страницы книги. Даже если бы захотел, не смог ничего ответить. Мама обняла меня, и от ее объятий я еще больше растрогался, заскулил как жалкий зверек.

— Ложись спать.

Я покивал, дополз до кровати на четвереньках и, не снимая одежды и даже кроссовок, забрался под одеяло. Так закончилось пятое июня.

Никаких снов не было в ту ночь. Их и не могло быть. Шел дождь как общий шорох. Мое тело завернули в темную простыню. Иерихонские трубы. И протяжный звук, идущий из прошлого в будущее. Все звуки идут из прошлого в будущее, но этот — из совсем прошлого в совсем будущее.

Утром к маме зашла соседка. Постучала в дверь. Просто постучала. Но меня от этого стука подбросило на кровати. Я открыл глаза и понял, что ничего не закончилось, приход почему-то держится.

Необычно болела голова и шея, во рту был незнакомый привкус. Я все прекрасно помнил, весь вечер и всю ночь. Зашел в ванную, чтобы умыться, и понял, что не должен смотреть на свое отражение в зеркало, подставил голову под холодный кран, простоял так с минуту, вытер голову и выбежал на улицу. На хате был один Алик, увидев меня, он сразу заржал. Сказал ему, что сильно извиняюсь за то, что устроил ночью и спросил, когда закончится.

— Что закончится? Тебя торкает еще что ли?

— Ну да. Все то же самое.

— А меня давно отпустило.

Так. Может это и не закончится. Никогда. Зеркала. Новый дом.

— А если я поселюсь в новостройке, в новом доме, как там будет по свету?

Алик упал в смехе на диван. Я вроде понимал, что не надо это говорить, но почему-то само вырвалось. Да, я мыслил как мыслил, как всегда, но как будто в мышлении проявлялись «иные интонации». Они цеплялись за то, что обычно проносилось как неважное. Где-то далеко был склад с пустыми каркасами, из которых строят новые дома. «Иные интонации» обычно там парили как утренний туман, могли в любой момент войти в каркас и наполнить его смыслом.

Смысл оказывался заливкой, краской, мякотью. Когда срезаешь ветку дерева ножом, стругаешь ее, смотришь на то, что внутри ствола — та же самая мякоть. И с кровью так же, и с дыханием. И еще я все понял про карты.

— Слушай, перед телками неловко.

— Да ты че? Они кайфанули. Спрашивали про тебя, кто ты вообще и где. Особенно та, которой ты новый дом всю ночь показывал.

— Реально?

— Ну а че, у них жизнь такая — обычные перепихоны, а тут типа кислотная романтика началась.

Зашел Химоз, спросил, как вообще. Я покивал, типа нормально. Он включил музыку — все ту же. Как только она заиграла, эти «иные интонации» ожили и поднялись — как змеи перед факиром, играющим на флейте. Понял, что они всегда там жили, просто проявляли себя в разной интенсивности. Обычно они спят, поэтому мышление не цепляется за формируемые продукты. А когда просыпаются, начинают плескаться и работать. Я собрал силы и воздух внутри и прошептал «выключи, пожалуйста».

До этого мне было тяжело включать «Зодиак», потому что сразу же, с первых звуков, наваливались детские воспоминания. Как болезненная

ностальгия. Как железо по стеклу. Еще усугубило, что один раз поставил эту пластинку, мама услышала и заплакала. А с этого дня я больше не мог слушать «Продиджи». Вернее, мог, но это выбрасывало в подobia, пусть и тусклые, того состояния — в новый дом.

Вскоре я понял, что «это» не пройдет как обычно, оно будет медленно затухать. Так и вышло, пару недель держались темы, я ходил и трогал солнце, слушал музыку, понимая природу ее возникновения, гладил траву на улице. Алик сказал, что больше не будет мне ничего подгонять, иначе скоро стану хуже Ласло.

Мы пошли на дискотеку. Первый раз в жизни я протанцевал несколько часов. Когда там началась привычная канитель, я даже не пошел со всеми разбираться. Уже после мы с Химозом подошли посмотреть на результаты боев и удивиться жестокости людей. Митя кому-то отбил голову, приехала скорая, менты, спросили у нас, что произошло, мы ответили, что танцевали и ничего не слышали.

Алик со своими серьезными друзьями попал в серьезные проблемы. Митя сказал, что подробностей не знает, но там можно надолго сесть. А дальше так и вышло, уже в августе был суд, мы на него съездили. Неужели реально случилось то, что там говорили? Про какие-то вымогательства, убийство комерса. Они отвезли в лес комерса, привязали к дереву. Что они с ним сделали! Было жутковато даже от зачитываемых слов, возникали эти картины, не верилось.

Алик грустно сидел в клетке, как в зоопарке, вместе с тремя бритоголовыми крепкими пацанами. Увидел нас, кивнул. Семь лет. Как самому молодому и без прошлых судимостей. Остальным больше.

5 сентября. Ночью раздался стук в дверь. Я находился в нервной дреме, такое сложно назвать сном. Лежишь с закрытыми глазами, нет сил встать и начать полноценно жить, и при этом не получается заснуть. Иногда даже возникали картинки, похожие на двери в сон. Казалось, что вот уже сплю, надо сделать последнее усилие, нырнуть в появляющееся изображение, тогда получится расслабиться и отключиться часов на шесть-семь. Но ничего не получалось. Появился альбом с фотографиями, перелистывающий сам себя. Проматывалась черно-белая хроника. Ни одного знакомого изображения. Если открыть глаза, это явно исчезнет. Фотографии людей и мест. Никого раньше не встречал, нигде не был. И тут стук в дверь. Подумал сначала, что это уже сон, что получилось уснуть, но нет, открыл глаза, прислушался. Снова постучали. Встал, подошел к двери, спросил, кто там. Ответили «открывай». А кто это? Это я. Кто-кто? Ну чего ты, открывай.

Алик стоял, улыбался. Он ведь должен был выйти еще нескоро.

— Тюрьма сгорела, вот я и вернулся.

— Как сгорела?

— Как бумага.

Алик прошел на кухню, сел, посмотрел в черное окно. Сказал ему, что не спал, просто лежал с закрытыми глазами и видел перелистываемые незнакомые фотографии. Вообще не знаю этих людей и места. Но по общему виду они похожи, будто у них был один фотограф. Кто-то отснял, проявил пленку и мне все это показал, непонятно зачем. Алик сказал, что ему пора, он зашел чисто попрощаться.

Утром зашел Митя и сообщил, что Алик умер в тюрьме. Мы даже не стали выяснять, что случилось. Не ехать же к бандитам с вопросами. И уже ничего не поделать. Ласло сказал, что Алик умер от старости, стал слишком старым.

Вспомнил, как мы сидели еще недавно у гаражей, открывался вид на железку, ползали поезда. Там склон и лестница, ведущая в никуда. У него был пистолет, когда возникал поезд, он в шутку прицеливался и будто стрелял. Мы стоим на холме и ждем, как древние гангстеры, когда появится товарный состав. Дождемся и побежим, захватим его. Там гигантский склон, если мы побежим, то сразу расшибемся, а если даже приблизимся к поезду, он нас не заметит. По нему можно стрелять, он не перестанет ползти. Но представить можно.

В школу больше не надо было ходить. Радовало, что наконец-то избавился от этой никчемности — от пустого и бессмысленного нервного тика. Как будто долго болел тягучей болезнью и вдруг вылечился. Я устроился на рынок помогать маме, а затем пристроил туда Кальмара. В основном мы разгружали товар. Рано утром приезжали машины, привозили продукты, мы все это раскидывали по точкам. Вечером загружали в машины остатки. Остальное время шатались рядом, были просто при деле, вдруг кому понадобится помощь — что-нибудь перетащить или починить.

Надо ли говорить, что все эти годы я думал о ней? Каждый день, а может и вообще каждое мгновение. Она существовала внутри практически всех моих мыслей. Как постоянное незримое присутствие или навязчивая мелодия, тревога или предчувствие.

Один раз я увидел сон. Электричка подъехала к нашей станции, мы вышли из вагона толпой. Было четкое видение ступенек, я спустился, встал на землю и пошел вместе со всеми. Из-за желтых домов навстречу толпе выскочила полоумная женщина с растрепанными грязными волосами. Она раскинула руки и закричала «это любовь, это любовь». От нее отшатывались. Когда мы поравнялись, она заглянула мне в лицо и крикнула еще сильнее «это любовь». От ее крика я проснулся и застыл в ночи, пытаюсь понять, к чему все это. Конечно, это любовь, а как иначе. И без лишних слов все понятно. Можно не стеречь у вокзала и не орать в лицо.

Кальмар рассказывал жесть за жестью про его старую жизнь. Про какие-то этнические разборки с гранатами, пленными, оцеплениями. С одной стороны, появлялась легкая зависть, что он побывал в таком пекле, с другой — там была совсем какая-то дичь. Его тоже держали в плену вместе с другими несколько месяцев и заставляли работать. Они ночевали в подвале, сваленные как туши, питались похлебками и еле передвигались от отсутствия сил. Тело стало «мятным», не твердым, а скорее жидким. По ходу рассказа вспомнил картинку, где Джинн вылезает из лампы. Кальмар тоже, оказывается, был узником, но не лампы. Он сказал, что когда сидишь на подвале и не знаешь, завтра тебя расстреляют или отпустят, появляется другое чувство момента, даже при пленке в глазах и мятном теле.

Еще я вернулся к Гному, попросил, чтобы он меня взял обратно. Там было много новых людей. Одного я сразу же узнал, как только зашел в зал. Аладдин. Он должен был рано или поздно появиться в моей жизни. Гном его очень ценил, ставил всем в пример. Аладдин тренировался с лютой отдачей, иногда даже оставался после тренировок, чтобы поколотить по мешку. Он напоминал Алика по общему движению, только был явно посерьезнее, приезжал на тренировки на своей машине, общался там с парой пацанов — хороших боксеров. Когда мы бегали по округе, они держались вместе. Остальные хотели как-то с ними закентоваться, но ничего не получалось, могли разве что перекинуться шутками, но не более того.

Ко мне Аладдин отнесся тепло, почти сразу принял — не сказать, что в свой круг, но. Часто помогал по ходу тренировки, мог похлопать по плечу проходя мимо или сказать «не ленись». Он был старше года на четыре. Очень крепкий, с четкими движениями и взглядом.

Захотелось кое-что проверить. Каким-то образом свести Аладдина и Кальмара и посмотреть, не узнают ли они друг друга. Я сделал самое простое, взял Кальмара после работы с собой на тренировку, сказал Гному, что он тихо посидит, посмотрит, что тоже хочет заниматься в будущем. Кальмар сел и стал смотреть, как мы занимаемся. А Аладдин как будто специально не пришел на ту тренировку. Ничего не вышло. Второй раз нелепо было делать также, снова приводить Кальмара и просить, чтобы он посидел, посмотрел, как мы тренируемся. Спросил Кальмара, будет ли заниматься, он ответил, что у него тело не выдержит, лучше не надо пробовать.

Ну а чего, собственно, я ожидал? Что Аладдин увидит Кальмара и скажет ему «привет, Джинн»? Или смутится? Или позовет куда-нибудь?

Произошла другая встреча. Было утро, начало обычной торговой недели. Утро на рынке всегда сонное, молчаливое. Никто ни с кем не хочет разговаривать, все без слов знают, что делать, слышны шуршания, переваливающиеся коробки, подъезжающие машины. Когда холодно — еще у всех пар изо рта. Из людей выходит пар, как из домов с печками. И то утро было зыбким. Мы с Кальмаром как

обычно разгружали коробки. В один момент там, где рыночные ворота, появились две девушки. Одну из них я сразу узнал. Жасмин. Они прошли вдоль рядов, приблизились к нашей точке. Жасмин меня увидела и явно узнала, даже дернулась. Или дернулась не оттого, что меня узнала, а из-за встречи с Кальмаром? Я так и не понял. Она демонстративно отвернулась и ушла резким шагом со своей подругой.

Одна из картинок в той книге: Аладдин, Жасмин и Джинн находятся в красивом саду. Подумал, что если собрать их втроем? Это сложно. Не получилось пока свести даже Кальмара и Аладдина, а здесь надо к ним привести еще и эту девушку. Но, может быть, картинка намекает на такую возможность? Явно же это они. Не могут люди, живущие в одном районе, быть столь похожими на вымышленных персонажей.

У нас не было никаких садов, ни яблочных, ни других. Только там, где огороды, но это тоже не сады, а заросшие грядки с редкими деревьями. Конечно же, я обратился к Ласло. Решил ничего не объяснять, ни на что не намекать. Четко и просто сказал:

— Мне нужен сад.

Ласло совсем не удивился сказанному, показал видом, чтобы шел за ним. Мы прошли вдоль заводского забора — гигантского, нескончаемого, отделяющего житейские будни от индустриальной жути. Этот серый бетонный забор был как перевернутая и

поставленная на бок извилистая река. Затем повернули в лес. Там явно не могло быть никакого сада. Тупо лес, дальше уже болото. Ласло вел уверенно, ничего при этом не говоря. Я уже начал мысленно подбирать выражения, как бы ему объяснить, что не надо дальше идти, лучше вернуться, когда раскрылось совсем неожиданное. Деревья стояли не как в остальном лесу, а красиво прилегали друг к другу, будто их специально так рассадили, и да, там были и яблони, и еще красивые кусты — не знаю, как они называются. Я прошелся, посмотрел, погладил руками листья. Реально сад. Ласло провел чуть дальше. И там. В месте. Меня будто пронзило током, дрожью, мелким дождем. Белый шум из телевизора пронесся в глазах. Это было то самое место из книги. То же расположение деревьев, склоненные ветки. Конечно, я помнил ту картинку в деталях, разглядывал ее накануне. Совпадало все-все-все. Я закрыл глаза, а когда открыл, Ласло понимающе смотрел и кивал. Хороший сад. Да. Хороший сад.

11 декабря. Снилось, что иду по лесу. Под ногами высокая трава или даже не трава, а одуванчики. Говорю кому-то, что долго здесь жил. Он спрашивает, когда я тут жил, нормально ли сохло белье на улице. Отвечаю, что нормально. Он говорит, что здесь не у всех оно сохнет, есть люди, которые не могут ничего высушить.

В этот день Аладдин позвал меня посидеть с пацанами в баре, сказал, что не переносит алкоголь, чисто посидим, сока попьем. После тренировки зашли в бар на углу. Мы все были одинаково одеты — в

кожанках, спортивных штанах и белых кроссовках. Хотя моя кожанка была не кожанка, а дермантин.

— Ну что, как сам вообще? Давай, рассказывай о себе.

А что мне рассказывать? Давно занимаюсь боксом, но не особо претендую на что-то. Аладдин сказал, что я вполне хорошо держусь на тренировках, и если нужна помощь по жизни, ну если кто напрягает, могу не стесняться. Да никто не напрягает. Ну мало ли, если что. Хорошо.

Да, я понял, что Аладдин из братвы. Почти те же люди, с кем общался раньше Алик.

Мы посидели и разошлись, они прыгнули в черную машину и исчезли.

Ну, Кальмара я могу привести в тот сад без лишних уговоров, чтобы привести Аладдина нужен какой-то повод, скажу, что мне стрелку забили и попрошу помочь разобраться, а вот Жасмин — непонятно, как ее разыскать на районе, и даже если разыщу, она ведь не захочет со мной говорить. И что будет, если я их приведу туда? Они узнают друг друга, обрадуются, обнимутся? Скажут, спасибо тебе, мы жили и ждали, когда это произойдет.

Конечно, меня все эти годы волновало, почему я не нахожу на картинках себя. В книге про царевну было много персонажей, но ни один на меня даже отдаленно не походил.

На следующий день Ласло сказал, что его скоро снова закроют и посадят на колеса. Он уже достал и отца, и мачеху, и всех вокруг. А он не хочет возвращаться в дурку. Там рыб по венам пускают. А он умеет делать из проводов для капельниц разных животных.

Еще Ласло рассказал, как ходит по больничным коридорам. Теми же маршрутами, что здесь. Завод, лес. Там внутри коридоров есть и свои новостройки, и свои гаражи. Просто все не такое просторное.

Понял, что скоро Ласло пропадет еще на полгода. Мы стояли с ним под моими окнами, там же, где встретились, когда он только вышел в начале лета. Моя внутренность от напряжения содрогалась как стальная пластина — я хотел собраться с силами и рассказать ему свои тайны. Кому еще, как не ему? И если не сейчас, то когда? Его скоро закроют. А он стоял, внимательно смотрел и ждал. Ждал, когда я решусь. По виду еще раз показалось, что он все давно знает, только ждет, что я ему сам расскажу. Сколько так простояли. Он смотрел и мысленно убеждал, что ничего страшного не произойдет, я могу довериться. Конечно, ничего не произойдет, должен же я об этом хоть кому-то рассказать. Я набрал воздух, закрыл глаза, затем выдохнул и сказал:

— Ладно, пойдем, покажу кое-что.

Ласло внимательно пролистал все книги. Заняло это, наверное, час. Он вглядывался в картинки, листал дальше, возвращался к уже просмотренным, иногда еле заметно кивал сам себе. Когда дошел до картинки с садом, строго посмотрел на меня.

— Не надо их туда вести.

— Почему?

— Все может схлопнуться. Весь мир.

— В смысле?

— Это как атомная бомба.

— В смысле?

Ласло начал объяснять что-то совсем непонятное. Когда они придут в сад, все остальное, то, что вокруг, станет вклеенным в ткань, они начнут втроем эту ткань наматывать на руки, и весь лес и город сомнется. Он сказал, что все можно размять, взаимоотношения, например, или привычки, или порядки. Представилась эта картина. Аладдин, Жасмин и Кальмар стоят в том лесном саду и что-то наматывают на руки, и из-за этого рушится привычная жизнь. Такое

может привидеться в болезненном сне или во время кислотного прихода. Но здесь? Я почувствовал, что это не просто бред Ласло: существует нечто основательное за этими образами. Это даже не действие «иных интонаций», а жуткая причинность, которая таится в мире как спрятанный нерв и обычно пребывает в виде безучастности. Спрятанность роднит ее с «иными интонациями». А остальное по-другому.

Листая книгу о царевне, Ласло в один момент посмотрел на меня с ухмылкой. Видимо, обо всем догадался. А когда смотрел книгу венгерских сказок и дошел до картинки с Ласло и лесным духом, залип на ней минут на пять. Лесной дух был изображен как человеческое подобие, только из листьев, веток. Спустя пять минут неподвижного созерцания Ласло показал пальцем на лесного духа и издал звук типа «ж-ж-ж-ж-ж-ж-ж».

Ласло закрыли в начале года. Пару раз навестил его в больнице. Первый раз нормально. Посидели, поговорили, он сказал, что хочет поскорее выйти. А второй раз его вывели в каком-то то ли сонном, то ли обдолбанном состоянии. Он сидел и смотрел мимо меня. Я его спрашивал обо всем, а он никак не реагировал. Только когда уже собирался уходить и встал, он выдал тот же самый звук, что и у меня дома, «ж-ж-ж-ж-ж-ж-ж», и показал пальцем на стену, как тогда в книгу.

Конец зимы и начало весны я провел на работе и в тренировках. Днем шатался по базару с Кальмаром, а вечерами бегал с Аладдином и остальными, спарринговался, колотил по груше. Гном даже сказал, что выставит меня на городские соревнования, надо сделать нормальную капу. Хотя мы все это время тренировались без кап и шлемов, чисто в перчатках, сериями по телу и по голой голове. Насколько я понимал, Гнома в городском боксе не любили, хотя у него и было официальное спортивное прошлое, считали, что он отбитый и тренирует всяких бандитов и шпану. Гному, кажется, было все равно кого тренировать. Он стоял в центре круга, вдоль которого мы бегали и крутили плечами, и командовал, входил в какой-то транс, может быть, вспоминал свою молодость и ностальгически в ней плавал. Меня он стал ставить в спарринг с Аладдином, я всегда проигрывал, но не сказать, что позорно, вполне мог зарядить ему точную двойку или достать дальним. У меня оформилась нормальная фигура, даже с кубиками на прессе. Бывало стоял дома перед зеркалом и играл мышцами, складывал руки, чтобы напрягались бицаки, пробивал серии в себя же отраженного.

Аладдин стал довольно часто приглашать меня проводить время с пацанами, сидеть в баре, кататься на машине. К его машине я как-то привык, стало меньше укачивать. Мы болтали обо всем, о спорте-погоде-природе. От них исходила четкость и сила, я радовался, что держусь их. Они рассказывали, что часто ходят в баню — у их кореша есть своя просторная баня, туда каждый раз подъезжают

офигенные девочки. Звали с собой. Но мне было как-то стремно, под разными предлогами отказывался.

Митя устроил на хате целую лабораторию. Сначала варил винт, потом еще что-то, предлагал попробовать, говорил, что это как ягодный сироп, но после того трипа я остерегался. К нему приходили новые люди, часто оставались ночевать, причем ложились рядками на диване и под батареей, как селедки. Вообще винтовые — на движении, с ними интересно. Как раз от винтового я словил узнавание себя. Он лежал на диване с закрытыми глазами. Внезапно подскочил к шкафу с книгами, вывалил их на пол и начал внимательно и монотонно пролистывать. Мне показалось, что стою и смотрю в зеркало. Только это зеркало расположено между хатой и моей квартирой. Он отражает меня, но не «сейчас», а «обычно».

А один раз Митя привел жить на хату свою подругу. Она была совсем отброшенной, гасилась всем, что приносили или готовили. Ей, наверное, было лет пятнадцать, хотя если судить по лицу и телу — плотно за двадцать, а по опыту жизни с разными мужчинами и потреблению веществ — вообще за сто. Это сучка Светочка. Так представил ее Митя первый раз. На это она сразу хорошо ответила. А это мудачок Митечка.

Конечно, я ее сразу узнал. Одна из служанок царевны. Они с царевной путешествовали в поисках волшебного сосуда. Их как

одеялом укрыла собой река. Они сидели под рекой и ждали, когда пролетят мимо зловещие птицы.

По внешности Света была очень. Если бы она как-то берегла себя и ухаживала за собой, если бы не было этих синяков на руках и ногах и было лицо посвежее, то вообще. Но все равно она цепляла. Наверное, если посмотреть ее детские фотографии, или даже не детские, а двух-трехлетней давности, там будет нечто ангельское. Света — потертый ангел с выжженными, перекрашенными множество раз волосами. Стройная и резкая по движениям. Она могла прийти с кухни, плюхнуться со всеми на диван, залипнуть в телевизор, при этом положив голову кому-нибудь на плечо или на колени — неважно кому, только не Химозу. Со мной это случилось на следующий день после знакомства, мы смотрели старые клипы, она пришла и прильнула ко мне, будто мы с ней встречаемся или живем вместе, и это при всех, я дернулся от неожиданности, она, увидев мое смущение, заглянула мне в лицо и задорно рассмеялась.

3 апреля. Аладдин сказал, что есть небольшое дело, надо съездить с пацанами в одно место, чисто прогуляться. Будет здорово, если составлю компанию, но он не настаивает. Конечно, согласился. Как только я сел в машину, Аладдин протянул пистолет, сказал, что это тэтэшечка, чисто для вида.

— Бери, бери, и не парься, стрелять не придется. Чисто постоишь с пацанами. Не стремайся.

Я взял пистолет, положил в карман. Там сидели еще двое, я их часто встречал в компании Аладдина — четкие, бритоголовые. Мы поехали. Фактически я оказался в ловушке, отказаться было невозможно. Как бы это выглядело? Увидел ствол и перессал. От переживания стало холодно — словно погрузился в ледяную воду.

Аладдин воткнул во встроенный магнитофон кассету. Началось мяуканье, а затем «Чарли сэз олвейз тел юр мамми». Меня дернуло. Пацаны даже посмотрели в мою сторону. Один сказал, чтоб я расслабился, никто не собирается меня подставлять. Просто прогуляемся и встретимся с одним кентом, постоим для вида.

Опять же, было неловко попросить сменить музыку. Что я скажу? Хорошо, прогуляемся, только поменяй кассету?

Во рту появился специфический привкус. Вспомнил, как в младших классах нас водили на экскурсию по заводу, и в одном из цехов был совершенно новый запах, не похожий ни на что. Здесь так же. Как будто жуешь пластмассу. Этот привкус приходил из музыки, точнее, из определенных партий синтезатора. Там были явные музыкальные фрагменты, которые выдавливали его. Понял, что когда мы дойдем до «Везер Экспириенс», проснутся «иные интонации», машина превратится в новый дом, и все покатится как тогда. Начнется бит, и я увижу их мысли.

Конечно, это был далекий отзвук того прихода, но все равно. Я вдавился телом в сиденье и все в том же холодном оцепенении закрыл глаза. Внутри зрения появился альбом с незнакомыми фотографиями, как во сне, когда приходил Алик. Показалось, что этот привкус, звуки синтезатора и черно-белая хроника событий или не событий — одно и то же. Иерихонские трубы. И мы. У нас же обязательства перед всеми. Перед тобой и тобой. Надо выполнить обязательства. Собственно, эти звуки об этом и говорят, эти песни об этом и поются.

Машина плавно притормозила. Но показалось, что мы все еще движемся, продолжаем течь телами вдоль дороги. Хотя уже не было никакой дороги, мы приехали на пустырь. Только в этот момент заметил, что у пацанов в руках по калашу. Аладдин показал видом, что надо выходить. Мы вышли и встали в пустом пространстве.

Холодная весна. С ознобом. Немного отпустило и дошло, где я оказался. Появилась другая машина, похожая на нашу, она остановилась в стороне, из нее тоже вышли четверо, тоже со стволами. Аладдин спокойно пошел к ним, а мы остались стоять и наблюдать. Один из пацанов подбадривающе кивнул мне, мол все под контролем. Они поговорят, мы сядем и поедем обратно. Просто так принято. Те, что приехали, смотрели на нас, а мы на них. Я тоже достал ствол и встал как остальные — четко и уверенно. Аладдин действительно быстро закончил беседу, они о чем-то договорились, резко сели в свою машину и уехали.

Аладдин похлопал по плечу, сказал, что я молодец. Тут не было ничего опасного, все это бутафория, обсуждали бытовые вопросы. Конечно. Так и было. Я совсем не волновался. О чем волноваться? Повода нет. Обстоятельства и обязательства. Залезли в машину, поехали обратно. Вернул ствол Аладдину.

По приезду сразу побежал на хату, чтобы дунуть и расслабиться. У нас всегда были небольшие запасы, каждый мог прийти и отдохнуть. С телом происходило что-то необычное — нервные судороги. Возможно, от перенапряжения, или из-за синтезатора и пластмассы. В комнате никого не оказалось, я быстро заскочил на кухню, скрутил сигу. Не успел закурить, как в дверях появилась Света — она была в ванной, когда я зашел. Практически раздетая, в одних трусах и свисающей майке. Увидев меня, она совсем не смутилась, даже наоборот, подошла, взяла мою сигу, зажгла, затянулась, протянула мне. Затем села прямо на мои колени и положила голову на плечо, обхватив спину нежными руками.

— Не представляешь, где я сейчас был.

— Где?

Она встала, взяла меня за руку, проводила в комнату и толкнула на кровать. Опять же, я не буду все это описывать. Света стала моей

первой женщиной. Милая наркоманка. Сучка Светочка. Прекрасная служанка моей царевны. 3 апреля.

Как же все изменилось со времени тех ощущений. Те пепельно-серебристые моменты, поездки по санаториям, шепчущее море, пластинки, карты, «Зодиак», та свадьба — может, это было с кем-то другим?

Одним майским вечером вернулся с тренировки. Мама сидела на кухне и улыбалась. Кинул сумку на пол, подошел к ней.

— А давай что-нибудь из тех пластинок поставим?

Как-то это было неожиданно. Я пошел к проигрывателю, достал пластинку «Зодиака», поставил. Мама встала и начала кружиться, слегка посмеиваясь. Немного стало не по себе. Но вскоре она подошла, взяла меня за руки и все с той же молодой улыбкой сказала:

— Амнистия. Понимаешь? Амнистия.

Прошло несколько дней.

Действительно, это напомнило тот светлый день из детства, лучи и звон колокольчиков. Отец стоял в коридоре с мокрыми глазами, обнимал нас с мамой. Все как тогда. Мама ездила к нему в колонию несколько раз в год, а я не видел все это время. Он изменился, высох,

постарел. Я его помнил совсем другим, без седых волос, веселым, постоянно рассказывающим разные смешные истории. Все равно это он. Ничуть не изменился, не высох и не постарел.

Что произошло со страной?

Да ничего. Все нормально.

Все то же самое.

Какой ты вырос — все такое. Как только остались с отцом наедине, сразу же спросил про ту поездку на свадьбу. Он наморщился, вспоминая детали.

— Да, ездили, помню, конечно. У Васи Винограда сын женился. Ты тогда слинял куда-то в ночи, мы с мамкой бегали, всех на ноги поставили. Ты мелкий такой был, тихий, смотрел волчком.

— А где сейчас тот Вася Виноград и его сын?

— А что ты за них спрашиваешь?

— Да так, просто интересно, что с ними стало. Роскошно жили.

— Про Васю люди говорили, что передел был, он без шума легализовался. Фабрика какая-то своя в области. И по политике пошел.

— А где они живут?

— А я знаю? А что ты за них-то? Не виделась столько с тобой. Ладно, теперь все по-другому будет.

Конечно, по-другому.

Интересно, кстати. Тот день, 17 сентября, я восстановил в памяти до деталей, до запахов и случайных взглядов. Но не мог вспомнить лицо жениха. Когда восстанавливал то, как они вошли в зал, у него не виделось лица. Словно невеста шла рядом с обезличенным манекеном. И даже ревности никакой не возникало. Этого человека как бы не существовало.

Я рассказал, как мама сожгла карты, отец посмеялся, ответил, что может и правильно сделала. Лучше увлекаться чем-то более солидным, из чего можно сделать профессию. Компьютерами, например. Компьютеры — это важно, да, скоро все будет на компьютерах.

Кстати, моего отца зовут Владимир. Или Вова Инженер. Откуда тогда, на классном часе, возникла мысль сказать, что отец работает

инженером? А ведь это след того самого первого воспоминания. Темно-бордовый Новый год, мягкий звон от телевизора. Кто-то из гостей так обратился к отцу. Инженер. Затем это забылось, а позднее в школе всплыло само собой.

Сколько отец всего рассказал за первые же дни. Больше всего впечатлило описание так называемых «спектаклей». Появляется новый человек, а раз появляется, то сразу с ним приходит информация о том, кто он на воле, а если молодой, кто его родители. Если нищеврод — ну и ладно, разговора нет. Если узнают, что у родаков бизнес или приличная квартира, начинают готовить спектакль. Подготовка может занимать несколько месяцев. Его будут греть, поддерживать. Однажды втянут в карточную игру, совсем ненароком. У него очень хорошо пойдет карта. Никто не будет особо заострять на этом внимания, ну выиграл и выиграл — повезло. Затем подогреют еще немного, скажут, что на редкость хорошо играет. В один день он сядет за стол, сыграет на копейки, у всех выиграет. Через пару месяцев он будет ходить и думать, что реально фартовый — повсюду люди у него в долгах, он кому-то прощает, с кого-то собирает, знает, кто против кого играет, кто кого ненавидит. Все знает, все умеет, и еще золотая рука. А настоящая игра будет впереди, и ее подготовят с медицинской тщательностью. Он никогда не догадается, что все находящиеся в камере или бараке будут против него. Если за столом окажутся шестеро, пятеро будут участниками спектакля, а он — единственным зрителем. Будет приготовлено все: ты можешь быть даже со своей колодой, изощренно играть, владеть

всеми муляжами и прибрлудами — не поможет ничего. И те, кто якобы друг друга ненавидел, кто всегда за или против играл, все они окажутся на одной стороне. В нужный момент кто-то покашляет, у кого-то упадет стакан, даже менты ввалятся с обыском. Вряд ли можно заподозрить, что менты — часть спектакля. Игра будет вестись так, что это случайно не свезло, но сейчас придет нужная карта, и все отыграется. В итоге бизнес родителей или квартиру придется продать, чтобы расплатиться с долгом.

Спектакль медленно заканчивается крахом надежд и обновленной картиной реальности.

Какая жуть. Ты живешь и не представляешь, что вокруг тебя выстраивается продуманная карусель. А твои новые друзья и твои новые враги работают по четко выстроенному сценарию. Хлопаешь глазами и думаешь, что понимаешь, как устроены взаимоотношения. А на деле все крутится вокруг твоей наивности.

Ночью не мог уснуть, от мнительности. Закрывал глаза, виделась выстраиваемые картинки. Большое пустое помещение, только стол и стулья. Захожу, а там сидят все. Аладдин, Алик, Химоз, Митя, Кальмар, Ласло, Жасмин, Света. Говорят, чтоб проходил и присаживался. На столе книги. Смотрят на меня. Аладдин говорит, что никто меня подставлять не собирался, так принято просто. Смотрю недовольно на Ласло, видом говорю ему, мол хотя бы ты мог рассказать, что это все карусель. А он так же видом отвечает, что все

нормально, так принято. Заходят мама с отцом, отец хохочет, а мама злится, говорит, что предупреждала, чтобы с ними не играл. А во что я с ними играл? Тут они начинают успокаивать маму, говорят «зато он нашел свою любовь». Появляется Оля в белой фате, улыбается, садится со всеми. А вот и свадьба. Давайте не откладывать на будущее, что там впереди — никто не знает, справим свадьбу прямо здесь. Папа с тем же хохотом подходит и говорит, что сам не понимает, разводятся ли они и что вообще происходит. Но явно все это долго готовилось. Аладдин смотрит на собравшихся и заявляет, что в это время обычно передают прогноз погоды. Сразу после его слов звучит радио:

«Уэльс сетанли ин зе мор сентрал энд сауферн партс итл би э файн драй дэй».

Отец радуется, говорит, что он инженер по образованию и знает английский, сейчас для всех переведет.

В центральных и южных частях Уэльса будет ясный день без осадков.

Ласло строго смотрит, я вспоминаю его слова: «Мой тебе совет: не слушай прогноз погоды на завтра». А что теперь?

А что теперь? Послушал вроде бы. И что будет?

3. День рождения

Приснилось, что поселился на высоком этаже. Смотрел в окно. Там росли красивые высокие вьющиеся деревья. Решил взять одно из них, схватил за ветку и потащил к себе. Дом стал из-за этого содрогаться.

Если вы живете в многоэтажном доме, то привыкли смотреть сверху на землю. А этот вид не для всех привычен. Вообще я только в тринадцать лет поднялся выше третьего этажа. Один раз зашел в ближайшую новостройку, поднялся на лифте на последний этаж, вылез на крышу и посмотрел вниз. Голова резко закружилась, я лег и ползком подобрался к краю. Увиделись все десять наших домов и сараи. Дома расположены неизвестным иероглифом, воткнуты в землю как штрихи нечитаемой надписи. Конечно, высота напугала. Даже появился внезапный холод, но не от ветра, а от взгляда с неожиданной точки.

Сверху видны не только постройки, но и наши перемещения. Столько лет я ходил между этими домами, а кто-то мог наблюдать и отмечать. Когда приходят такие мысли, сразу успокаивает, что никому ты не нужен. Никто о тебе не станет столько думать, как ты сам. Или станет? Это может быть не человек. Или он может не отмечать, но просто наблюдать, без выводов.

Тогда я решил спуститься по лестнице, а не на лифте, и только пошел, как почувствовал на себе чей-то взгляд. Никого не было. Спускался и наполнялся ужасом все больше, казалось, за мной идут, почти дотрагиваются, этаж за этажом. Это прошло, когда выскочил на улицу.

Аладдин часто упоминал в разговорах «дядю Сережу», обещал познакомить при случае. Насколько я понял, дядя Сережа — человек, который выкупил по дешевке закрывшийся завод. И те части, что остались дымить и что-то производить, — его собственность.

Даже не знаю, надо ли описывать все эти процессы последних лет, кто что захватывал, что закрывалось-открывалось. Так всегда и везде — когда перестраиваются порядки, появляются активные люди, захватывающие ресурсы. На самом деле выбор происходит постоянно: ты либо совершаешь усилие, либо деградируешь. Никакого среднего варианта нет. Есть природные удовольствия, без них тяжело, типа отдохнуть после тренировки или понежиться с телкой, а остальное — типа наркоты — не туда. Если постоянно совершаешь усилия и укрепляешься, ресурсы сами к тебе приходят. Есть нормальные пацаны, которые это понимают и держатся друг друга. Вот и все. И не надо вешать всякие ярлыки типа «братва». Да, братство, сообщество тех, кто не хочет пахать за копейки на унижительных работах, кто не дает себя иметь во все щели. Примерно это объяснял Аладдин про дядю Сережу и всех остальных.

Все это было понятно. Я постоянно кивал, когда слушал все эти размышления о жизни как цепочке волевых захватов ресурсов. Аладдин не сводил эти ресурсы к чему-то примитивному, нет, он убедительно увязывал внутренний рост и внешний, говорил о «становлении» и волевых практиках. Если у тебя есть сила и воля, проблемы сами решатся. Поэтому. Поэтому «поехали в лес постреляем».

Пару раз съездил с ними пострелять. Они выставляли консервные банки и бутылки рядком, отходили на приличное расстояние и расстреливали их. Такой полигон. Собиралось человек по десять-пятнадцать, из них все так или иначе имели отношение к спорту, в основном боксеры и борцы.

Еще Аладдин не любил разговоры о блатной романтике, шансоне, рассуждения о понятиях, говорил, что все это шлак, рассказывал истории, как разбирался с «блатняком» — вставлял ствол в рот без лишнего трепета, и проблемы всегда растворялись. Ну и в плане музыки. Не так много было точек, где слушали трип-хоп, а в машине Аладдина постоянно что-то такое играло. Мы покатались пару раз под эту музыку по городу, и в моем восприятии весь этот грузный и слегка депрессивный, но уверенный ритм связался с Аладдином, когда я видел его, музыка начинала играть сама по себе. На тренировках, в тишине — где угодно. Давящий трип-хоп.

Ну да, я кивал, когда он все это объяснял. Хотя понимал, что все устроено не совсем так. Моего малого опыта было достаточно, чтобы понять: человек — не набор волевых импульсов и не «преодоления» или «становления». Реальная жизнь куда ближе к трипу с вылезающими из тайников змеями, «иными интонациями», которые никак с твоей волей не связаны, с новыми домами, а Аладдин так рассуждает до поры до времени, пока не потеряет лампу. Хотя нет, я же отрицал все эти надчеловеческие влияния карт, раскладов, предсказаний. Или не отрицал? А чему я говорил «нет»? То было другое, власть пустых карточек над человеком. Не знаю... Если бы не все эти картинки в книгах, не все эти совпадения, я бы может и принял его объяснения. А так. Мне казалось, что у Ласло больше силы, чем у Аладдина. Просто Аладдин еще не сталкивался с настоящими проблемами, которые не решаются смелыми движениями типа «вставить ствол в рот». А Ласло сталкивался. С тем «ж-ж-ж-ж-ж-ж-ж» на больничной стене, с лесным духом, например.

Нет, снова я что-то не то описал. Есть многослойный пирог, в разных слоях которого — разные присутствия. В одном из них преодоления, становления и захват ресурсов. В другом — распознавания. В третьем — просто красота.

Отец как-то увидел меня на улице с Аладдином и его друзьями, вечером побеседовал. Спросил, знаю ли я, что такое тэтэ. Ответил ему, что знаю, стрелял по банкам. Нет, тэтэ — это тупые торпеды. А тупые торпеды оказываются рано или поздно в грядке. Все

оказываются, конечно, но тэтэ — раньше остальных. И перспектив никаких там нет и быть не может. Конечно, я взрослый человек и сам должен понимать. Он посоветовал просто присмотреться.

Как все устроено «на самом деле»? Меня этот вопрос уводил в головокружение. Казалось, что оказываюсь в мягком автобусе, плавно и бесшумно заворачивающем за угол. А там — зеленый деревянный дом, из-за которого тошнит. Это повторяется снова и снова. Каждый поворот — «на самом деле». Сейчас мы повернем, и на самом деле откроется зеленый дом. И ведь это происходит со всеми. При встрече они объясняют, как все устроено «на самом деле», а когда остаются в себе — закрывают глаза, чтобы не видеть, как все принятые суждения ввинчиваются в воронку.

А еще надо как-то зарабатывать — это такой нюанс взрослой жизни, сильно усложняющий существование. И ясно, что лучше не на рынке грузить коробки.

В один день Аладдин сказал, что дядя Сережа попросил съездить пообщаться кое с кем. Сейчас все заняты, поедem вдвоем. Ничего особенного. Там какие-то видеосалоны давно не платят, а им услуги оказываются. Мы зашли в видеопрокат. Нас явно уже ждали, трое крепких. Скорее всего владельцы позвали своих друзей. Дальше все произошло быстро, и я даже не понял, почему так отреагировал. Аладдин перекинулся несколькими словами с ними, после чего зарядил одному из них хуком, от чего тот громко шлепнулся на пол.

В то же мгновение я выхватил незаряженный ствол, направил в сторону остальных двух, попеременно целясь то в одного, то в другого, и сказал, что сейчас разложу их мозги по витрине. Эта фраза, как и действие, случились сами, без продумывания и замедления. Даже Аладдин не ожидал, с ухмылкой оглянулся. В общем, они вернули долг, мы сели и поехали. Аладдин отсчитал несколько купюр и протянул мне «на чипсы». Примерно мою недельную зарплату на рынке.

Дома подошел к зеркалу и покрасовался в спортивных штанах и дермантиновой куртке, приставляя невидимый ствол к своему отражению.

16 июля. Середина лета. Через два дня мне исполнится семнадцать.

Где-то в час дня зашел на хату. Там была какая-то новая девочка, видимо, подруга Светы, и двое уже подгашенных типов. Кто там уже жил, что варил — я не представлял. Ни одного из них не знал по имени. Кого там Митя подселил за последние месяцы? Один из типов постоянно чесал и тер лицо. Он набрал какую-то муть в шприц и протянул мне. Сказал ему, что вообще не представляю, как они все эти адские смеси себе в вену запускают. Можно и выпить если что. Но мне было как-то не очень — что за понос они туда налили? Они предложили покурить, сказали, что все готово, уже скручено и лежит как конфетка на тарелочке. Мы покурили, включили видос. Спустя минут десять в хату вломились. Куча резких ментов. Нас уложили на

пол, животом на ковер, головой на бок. Меня немного дернуло, что это может быть из-за того случая в видеосалоне. Но нет, конечно, кто-то напел, что здесь винтовая хата. Слышимость хорошая. Менты постучали в квартиру напротив. Типа будьте понятыми. Я представил, что сейчас сюда ввалится Карапуз, распихает ментов, растопчет нас, эта мысль породила сначала легкий смех где-то в глубине горла, а затем уже и не легкий — я принялся ржать, лежа на полу. Остальные типы и девочка сходу заразились и тоже захохотали. Недовольный мент пнул одного из типов ногой в живот, тот закашлял, а у остальных от этого смех только еще больше разошелся. И в этот момент я, лежа на полу, посмотрел на полку в шкафу. Куча книг. Они все время стояли здесь. Потянулся к ним, мент заметил, пнул и меня в живот, завопив при этом что-то невнятное, я показушно заскулил типа ты ребро сломал, затем он подошел к шкафу, взял книги и начал их пролистывать обложками вверх, пытаясь вытряхнуть содержимое. Эта картина — мент, вытряхивающий из книг пылинки и крошки, усилила приступ смеха. Даже стало не хватать воздуха и полились слезы. Менты судорожно шерстили по кухне и комнате, а я так же судорожно трясся от нервного внутреннего веселья. Действительно, все происходящее казалось крайне нелепым и смешным. В шутку сказал типам, что зря они прятали гер под ковром. Менты нас спихнули с ковра, подняли его, проползли по полу будто с лупой. Они вежливо, по-мусорски, объяснили, что теперь нам конец. От этих слов нервный смех затряс еще сильнее. Они с той же вежливостью рассказали что-то про боевых гомосексуалистов в камерах и обрисовали наше будущее,

типа мы покончим жизни изощренными самоубийствами. Реально, показалось, что все это крутится на зажеванной кассете, и звук идет не от ментов, а из телевизора. Вспомнил рассказ отца о том, как менты вваливаются со шмоном и что это часть спектакля. Усомнился, что все это происходит «на самом деле». Скорее всего я соблазнился ягодным сиропом или еще какой-то дрянью, лежу на полу и произвожу вслух всякий бред.

Следующие три дня я провел в комнате без окон, сначала лежал и сплевывал кровь, потом ходил от стенки к стенке, вспоминая, как Ласло рассказывал о долгих прогулках по коридору — можно гулять по лесу, вдоль завода, поворачивать и останавливаться, где надо, обходить заборы. Меня избили не сильнее, чем на дискотеке — ничего страшного. Думал, что такого дня рождения еще не было, и это хороший опыт. Но всеми силами захотелось оттуда выйти. Замкнутость и беспомощность показались частью нервной болезни, следствием того нездорового хохота. Наверняка из таких мест сбегают, нужна лишь внимательность.

К концу третьего дня зашел мент и махнул головой, чтобы я выходил.

Аладдин сказал, что меня вытащил дядя Сережа, что он не бросает хороших людей. Подвез до дома. Договорились, что на днях свидимся, а пока отлежусь дома, отдохну. Представлял, что скажет мама, каким криком будет объяснять, до чего я докатился. Отец скорее всего будет просто улыбаться и доверительно кивать, типа

надо по-другому жить. Когда подошел к дому, с радостью и легкостью выдохнул. Ласло стоял у подъезда и ждал меня.

Попросил его пойти со мной. Потом расскажу обо всем, что произошло за последние месяцы. А пока зайдем, и когда мама начнет кричать, Ласло что-нибудь придумает, чтобы сбавить ее гнев.

Так и вышло. Как будто я заранее все увидел, промотал в воображении. Мама с порога строго высказала «ну, с днем рождения, Руслан», а дальше погнала. Отец же растолковал, что нужно серьезно поговорить, так нельзя, судя по моей разукрашенной наружности — дело времени, когда меня убьют.

Ласло стоял в коридоре и молча выслушивал этот маленький судебный процесс. Когда мама начала кричать, что я стал бандитом и что она надеялась на другую участь, Ласло, наконец, высказался:

— Он не бандит.

Мама подскочила к нему и крикнула ему в лицо: «А кто?»

— Научный сотрудник.

Мама замолчала, они с отцом переглянулись. Отец подошел к Ласло и переспросил. Кто? После чего отвел меня на кухню и спросил про Ласло, что за кент. Ответил ему, что мой хороший друг.

Мама отошла от Ласло и начала орать на отца, обвиняя его почему-то в том, что я стал наркоманом и все друзья у меня тоже наркоманы. Отец успокаивал как мог, повторял «погоди», недовольно на меня поглядывая. Подумал, что надо как-то разрядить обстановку, ни к чему хорошему этот разговор не мог привести:

— А я решил жениться.

Родители одновременно дернулись и посмотрели на меня. На ком? Я ответил, что ее зовут Оля. Мама спросила:

— Наркоманка?

— Нет.

Тогда она подошла к Ласло и спросила у него. Ласло тоже сказал «нет».

— Ты бы хоть познакомил с родителями.

Сказал, что скоро познакомлю. Подумал про себя «а вы знакомы», но не стал говорить, чтобы не пугать лишний раз. Отец тем временем захохотал на кухне, повторяя «научный сотрудник», подошел, похлопал Ласло по плечу. Классные у меня кенты, да? А потом обратился ко мне серьезно:

— Ну правда, познакомил бы, если реально невеста. Не самые чужие люди. Приводи, не стремайся.

— Конечно.

— С днем рождения, сынок.

Вечером спросил отца, не хотел ли он сбежать из колонии. Он ответил, что думал об этом практически каждый день, но это нереально. Даже если сбежишь, полноценной жизни не будет. Находиться в розыске — это значит, что не сможешь прийти к жене и сыну, придется постоянно гаситься где-то, таиться. Ради чего? Общался ли с теми, кто сбегал? Да. Была интересная история. К ним подселили деда. Ну как, деда — лет шестьдесят на вид. Дед как дед, запрыгнул и стал тихо жить. Молчал, никому ничего не рассказывал, никто и не докапывался. Мало ли, случайные попадают. Ну, могли там перекинуться обычными фразами, ничего не значащими. По какой статье — никто даже не интересовался. И вот в один день все встали на уши, приехал знаменитый вор — хочет поговорить с одним из арестантов. Все об этом воре слышали, думают, к кому он приехал-то? И менты отводят этого деда. Они о чем-то перетирают с этим вором, много часов. Всем стало ясно, что этот дед не такой простой. А как-то раз пошли в баню. И оказалось, что у этого деда лицо старое, а тело — как у гимнаста, все в мышцах и кубиках, как будто живет в спортзале. Вот это уже совсем подозрительно. Кто

такой — так никто и не понял. Вот у него и было две попытки побега. Первый раз быстро поймали. А второй — никто не знает, что с ним дальше вышло.

Ты сидишь в закрытой комнате. Людям платят деньги, чтобы они за тобой присматривали и никуда не выпускали, охраняли, не давали сбежать. Тебя изолировало общество из-за несоответствия его ожиданиям. Эти ожидания могли быть совсем разными. Ты как-то не так играл в карты — как отец или не так мыслил — как Ласло. От тебя ждали другой жизни. А теперь держат на поводке как зубастую собаку.

У подъезда сидел на табуретке жирный дед с первого этажа. Спал, запрокинув голову и приоткрыв рот. С мокрым от летнего тепла лбом. Когда выдыхал воздух, шумел внутренностью. Мы остановились посмотреть на деда. Мухи садились на его липкий лоб и прилипали. Это стражник, охраняет вход. Вход куда-то. Стражник и его насекомые.

Дверь опечатана — приклеена бумага с надписями. Наверное, это означало, что нельзя заходить. Замок сменить не успели.

Запах сгоревшей пластмассы, смешанный с чем-то сладким. Когда мы лежали на ковре, ничего подобного не чувствовалось. Может быть, менты остались здесь и варили сироп несколько суток? Представил, как это происходило. И для кайфа, и для отчетности.

Они не поняли, как и что варить, достали из холодильника все что там было, и микстуры от кашля, и едкие растворы, залили в пластмассовое ведро. Оно стало плавиться, менты подумали, что так и надо. Наверное, они еще подумали, что чем страннее запах, тем гуще кайф. Конечно, они ничего не варили. Они перемещались по концентрационному лагерю, приглядывая за порядком. Порядок как-никак нужен.

Кажется, что я слишком бегло и небрежно рассказал о тех трех днях в закрытой комнате? Сейчас еще расскажу. Мне сразу показалось, что это не ментовской участок. Где обезьянник? Где все эти прохаживающиеся по коридорам мусора? Еще. Я прекрасно помню, как мы лежим на полу, как они ходят и задают вопросы. Но не помню, как нас выводят, запихивают в машину, допрашивают, записывают. Лежу на полу, затем следует щелчок, и я сразу оказываюсь в той комнате. Там подобие умывальника и слив в углу, приваренная к штырям в стене кровать. Еще дверь с окошком. И ничего больше.

Подумал, что меня никуда не забирали, не увозили, не оформляли, оставили лежать на квартире. И три дня я провел именно здесь. Квартира приняла ту форму и опустела. Я ходил, лежал, стоял, сидел, встречал день рождения. Пытался вспомнить все дни рождения. Пять лет. Приехали бабушка и дедушка, привезли торт. Дедушка показал, как надо задувать свечи — не дуть в одну точку, а водить головой по кругу, выдувая воздух. Уже пять лет — подумать только. Шесть лет,

семь лет — все происходит в темном провале. Почему-то в комнате темно, хотя лето, за окном должно быть светло, но каждый раз, когда садимся за стол, все тускнеет.

Рассказал все это Ласло. Он ответил, что это ничего не значит, и спросил, какой мы смотрели видос, когда вломились менты. Я зашел примерно в час дня, отметил, что не знаю никого из тех, кто там находится. У них были скрученные косяки, как будто меня ждали. Как будто меня ждали... Мы включили видос. Кто именно включил? Один из типов. Кассета была уже подготовлена. Я не помню ничего из видоса. Дальше вломились, я начал ржать, когда представил, что они позовут Карапуза понятным.

Ласло тоже захохотал.

В тот момент снова вернулось ощущение «происходит что-то не то». Может ли такое быть, что они завернули не траву, а некие пропитанные опилки, и все что происходило и тянется до сих пор — жесткий трип? Очередной раз я пролетел по элитарной дряни. Есть тот пластмассовый вкус во рту? О, да! Тогда скорее всего так.

Чем больше восстанавливал в памяти деталей того дня, тем больше казалось, что все произошедшее — «спектакль». Не мог вспомнить, что было вокруг, когда выходил из помещения, будто снова щелчок: мент открывает дверь, а дальше я уже стою на улице, Аладдин

встречает, сажусь в его машину не оглядываясь. Между событиями — гудящая пустота. Не тревожная, а никакая. Ничего и гул.

Вообще человек болтается между событиями.

... июля. Мы ехали по городу с Аладдином. Играл «Массив Атак». Казалось, проплывающие мимо люди тоже слышат эту музыку и слегка покачиваются в такт. И там, у дальних ларьков, словно танцую, появились две девушки. Одну сразу узнал — Жасмин. Сказал Аладдину, что хорошо бы познакомиться. Он посмотрел в их сторону и неопределенно покрутил головой. Типа можно знакомиться, можно не знакомиться. Остановились. Девушки, увидев машину Аладдина, заулыбались. Затем Жасмин увидела меня и сказала «блять». Мы вышли из машины. Вторая девушка с готовностью улыбалась, а Жасмин явно пребывала в противоречивых чувствах. Аладдин сказал, чтоб прыгали на заднее сиденье, прокатимся чисто по городу, посидим где-нибудь. Жасмин закатила глаза, типа устала от таких подкатов, но ее подруга быстро и уверенно запрыгнула, и ей ничего не оставалось, как последовать. Мы поехали вчетвером. Под ту же музыку. Ну что, куда? Есть нормальный бар неподалеку, просто посидим, поболтаем. Подъехали к зданию бара, девушки вышли, а мы с Аладдином чуть задержались в машине, я его попросил на пару секунд. Он понял, что хочу разложить, какая из них понравилась, чтобы сходу забиться и не поднимать этот вопрос потом. Но я сказал, что есть одна тема, потом все объясню. Надо сейчас заехать к одному корешу, срочно. Вспомнил, что у него проблемы, надо с собой

забрать. Куда с собой? С нами же телки, ты не мог чуть раньше это вспомнить, куда телок теперь спихивать? Все вместе поедем, возьмем его с собой. В смысле с собой? Ты что, групповуху затеял? Не, я вообще не об этом, надо его взять сейчас, он на проблемах. А телки куда? С нами. Нахуя? Потом все объясню. Что ты объяснишь? Сам сказал, давай телочек покатаем, какой нахуй кореш? Мы зашли в бар, сели за столик. Жасмин сделала вид, что мы не знакомы — правильно, так лучше. Сказал Аладдину, что надо отойти, пошептаться. Мы отошли к стойке, Аладдин непонимающе посмотрел. Там кореш с войны только что. Какой войны? Ну там, на югах. И что? Надо его подтянуть. Не вопрос, подтянем. Прямо сейчас надо к нему подъехать. Ты что сегодня, удалбался уже? Нет. Ладно, поехали. И их надо взять. Сука... нахуя я спрашиваю. Ну там обстановка такая. Какая еще обстановка? Есть вещи, которые сложно объяснить. Понял, что не смогу убедить поехать прямо сейчас за Кальмаром и взять его с собой. Сказал, что быстро сам сгоняю, решу с ним вопрос, а затем вернусь. Аладдин недовольно махнул головой, сказал, что долго ждать не будет, вернулся к девушкам. Я побежал на всей скорости. Там минут десять если по дворам. К счастью, Кальмар был дома. Понял, что если приведу его сейчас в бар, Аладдин совсем расстроится и мы никуда не поедем, надо по-другому. Попросил Кальмара прямо сейчас отправиться к лесу и ждать нас, объяснил, где именно. Я дам денег на такси, но надо это сделать прямо сейчас. Он спросил, случилось ли что-то. Ничего особенного. Но надо туда приехать. Он покивал. Побежал обратно. Аладдин и девушки сидели в баре и перебрасывались шутками. Увидев меня, все немного

напряглись. Сказал им, что хочу показать отличное место, нечего здесь сидеть, выезжаем прямо сейчас, расплачиваемся по-скорому и едем. Теперь уже Аладдин отвел меня пошептаться, сказал, что если я угасился, то лучше, чтобы он отвез меня домой, а девушек сольем. Ответил ему, что нужно ехать прямо сейчас, всем вместе. Если сливать, то можно только одну, веселую, а грустную надо брать с собой. Чего? Это я зря сказал. Нет, нельзя никого сливать, едем вместе. Он ответил, что я сегодня вызываю недоверие и он не хочет никуда ехать. Спросил, помнит ли он, чтобы за все наше знакомство я хоть раз попросил о чем-то? Не помнит. А здесь прошу, и он сразу отказывается. Вот тебе и братство, нормальные пацаны, подтягивающие друг друга. Поддержка. Где она, эта поддержка, когда тебя просят о пустяке, а ты не можешь корешу помочь. Куда едем? Давай в тачку сядем, я покажу дорогу. Ладно. Мы снова сели в машину, Аладдин объявил девушкам, что я собираюсь показать какое-то угарное место. Кальмар стоял у входа в лес, этот вход в лес — как вход во дворец, деревья похожи на гигантские двери. Надо войти, пройти по коридорам, дальше раскроется сад. Мы остановились, вышли из машины. Девушки испуганно огляделись, Аладдин недовольно посмотрел на меня. Я подозвал Кальмара и представил всем, сказал, что он мой хороший друг и нам сейчас надо пойти всем вместе в одно место. Девушки посмотрели по сторонам, сделали несколько шагов назад. Жасмин сказала, что я ебанутый и они уходят. Я попросил их не уходить, сказал, что все объясню, но не сразу. Жасмин заорала, что я конченный мудака, развернулась и быстро пошла в сторону города. Я закричал в ответ, что просто хочу

показать всем красивый сад, и больше ничего. Кальмар молча стоял и смотрел на происходящее. Я плюхнулся на колени и завопил на всех, что они не могут просто помочь человеку — человек тупо просит пойти с ним в сад, ногами пройтись по саду и больше ничего, и это типа мы не можем сделать, надо чтобы он объяснял, зачем. Там красиво. Аладдин, не сказав ни слова, сел в машину и уехал. Один. Девушки ушли, выкрикивая по дороге что-то не очень приятное. Мы остались стоять с Кальмаром и молчать, глядя им вслед. Кальмар нерешительно спросил, все ли он правильно сделал и не из-за него ли вся эта буза. Да, все правильно сделал, это я не смог объяснить. Почему всем надо что-то объяснять, за что-то оправдываться? Какой тяжелый день. Проводил одного Кальмара в сад, сказал, что эту красоту и хотел всем показать. И за это надо оправдываться теперь.

4. Луна и алоэ

Дядя Сережа. У него была такая выправка, будто он полжизни служил в армии и ходил строем с ровной спиной или спал на жестком полу. Так он и двигался по жизни, кроме моментов, когда ради прикола собирался в комок, поднимал руки к лицу типа в защите и высыпал связку ударов как юркий паучок: левый боковой, правый, левый в корпус, и еще раз то же самое. На вид лет сорок, но четкий по движениям, если с ним попасть в спарринг, можно нахаваться. Разговаривал он так же, как и ходил — метко и прямолинейно,

иногда связываясь в клубок и высыпая одни и те же фразы. У него было несколько слов, из которых он лепил длинные темы и характеристики людей и ситуаций: гондон, параша, залупень, контора. Моча по трубам — значит, дела не очень. Как параша напوماжен — на дешевых понтах. Дядя Сережа — скорее всего, бывший мент, так мне показалось сразу, как его увидел.

Когда мы зашли впервые в его кабинет вместе с Аладдином и еще одним, дядя Сережа сидел на стуле, смотрел в окно на заводские развалины. Звучал тоже трип-хоп, поэтому дядя Сережа у меня сразу соединился с Аладдином в единый поток, мы вышли из машины, зашли в кабинет, а музыка почти не сменилась. Он даже не спросил, как меня зовут, кто такой и вообще, сказал, что сейчас проводит вниз, там у них что-то вроде бара, можем посидеть. Я — просто подопечный Аладдина, на его ответственности. Когда спускались по лестнице, дядя Сережа пнул ногой по двери и сказал, что в прошлом году какие-то малолетки вскрыли и там все разворотили, злоба до сих пор кипит, если узнает, кто, их жопы на эти перила натянет. Мы заходили в бар, а я вспоминал в деталях, как где-то год назад с Митей и Химозом ночью пролезли на завод, вскрыли первую попавшуюся дверь и устроили там ревизию. Ходили, светили фонариком и поражались, сколько всего ненужного. Там оказался склад, куда сбрасывали все подряд. Груды жуткого барахла. Одежда, горшки с растениями, папки с бумагами, посуда, перегоревшие телевизоры, сундуки, конечно же, в больших количествах пластмассовые ведра,

желтые утки, лейки. Кстати, мы ничего тогда не взяли, просто посмотрели.

Когда зашли в бар, немного удивила музыка. Примерно тот же трип-хоп, что был и в машине, и в кабинете, только с легким женским вокалом. Все это пространство: наша поездка сюда, подъем по лестнице в кабинет, а затем спуск в бар, сшивалось одним ритмом. В красноватой полутьме стояли низкие столики, окруженные пышными креслами. Мы сели. Даже не сели, а провалились в мягкую субстанцию как в пуховики. Дядя Сережа начал рассказывать, но уже не резко, а слегка шепотом. Аладдин и остальные кивали. Я тоже покивал. Хотя поймал себя на ощущении, что ничего не понимаю. Он же щебечет. Это не человеческая речь, а заволакивающий щебет, идущий под монотонную музыку. Дядя Сережа — шуршащий черный ворон, все его звуки рисуются прямо сейчас, как вязаный свитер, окутывающий нас, сидящих и слушающих. Поэтому трип-хоп с вокалом.

Аладдин сказал, что надо поехать всем, чтоб не было лишних сюрпризов. Мы отправились на четырех машинах, по пять человек в каждой. Мне впервые выдали калаш и сказали все то же, что это чисто для вида, будут переговоры, нужно соответствовать правилам — стоять и смотреть. Сел на заднее сиденье справа, у окна. Вообще почувствовалась сила и направленность. Нас много, и мы делаем одно дело — едем и ждем. Как быстрые и жуткие животные.

Дорога звенела как залипшая в дрожании струна, натянутая на моменты. От момента когда мы расселись и до конца. Я открыл окно. Один раз Ласло пришел с замотанной головой, как араб. Тряпка на голове. Сказал, что это от ветра и песка. Когда едешь с открытым окном, лицо соприкасается с пробегающей местностью. И тогда было так — неважно, куда мы ехали.

Вся эта напряженная нечисть.

В области много дорог, на которых не видно ничего, и слева, и справа провалы в землю. Кажется, что проносишься сквозь куски небытия. Дальше обрывки леса, мосты, связывающие зудящие бездны.

Ближе к центру начинаются богатые дома, огороженные владения работающих людей. Кем и как они работают, что отстраивают себе такие поместья, — непонятно. Даже если прикинуть, что барыжат чем-то. Бензином, смолой.

Мы остановились рядом с покрытым туманной пенкой полем. Когда вышли, увидели, что это не туман, а белые цветы. Дядя Сережа пошел вглубь, в самую густоту, нырнул. За ним вошли остальные.

Ветер раскачивал травы, мы в них плескались как в волнах. Захватывая под себя охапки стеблей, вдыхая рябой простор. Над нами перетекали пышные облака, похожие на наше цветочное море — такие же мягкие и бескорыстные. Что наверху, то и внизу.

Мы едем на свадьбу, все они — друзья жениха, мы наберем цветов, приедем, окажется, что все время ехали на переговоры с тем манекеном без лица. А дальше найдется она, просто выйдет невзначай из дома или из тачки, мы с ней возьмемся за руки, и все-все-все начнут осыпать нас лепестками.

На небе появилось зарево, а раз на небе, то и на земле, белые цветы окрасились в красный цвет. В таком плескаться не по себе, похоже на кровь. Даже если и не кровь, все равно тревожно.

Да, мы сидели в баре. Щебет дяди Сережи перешел в нормальную речь. Они собирались куда-то ехать, Аладдин поглядывал на меня, не особо понимая, стоит ли брать с собой. Никто никуда не взял, мы не поехали на четырех машинах и не остановились около цветочного поля.

Утром раздался женский крик во дворе. Высунулся из окна с головой посмотреть, что там происходит. Была пустая улица, никого, крик из ниоткуда. Смотришь, кто вопит, а никто, это общее звучание.

Несколько раз посмотрел в окно, пытаюсь разглядеть хоть что-то необычное. А необычное если и было, то в тяжести, а не в людях.

Уже днем стало ясно, отчего. Ночью нашли Митю на заводской свалке. Ко мне пришли менты, расспросили, с кем Митя общался последнее время. А я не знал, что ответить. Не рассказывать же как есть, как он жил последний год, как он появлялся и исчезал с

затекшими людьми. Позже выяснилось, что он лег головой в грязевую пену и уснул. А я провел весь вечер дергаясь и плача. Даже не из-за Мити. В памяти сами по себе всплывали моменты, как мы с ним и с Аликом ходили по рельсам и делились сокровенными ощущениями. Я им тогда рассказал про тоннели между событиями. Встречаешь какого-то человека, случайно, заходишь в магазин, например. И у тебя внезапно вспыхивает фрагмент из фильма или другая встреча, или не встреча даже, а незначительный и неприметный эпизод. И если смотреть на разумную связь, ее не найдешь. События связываются какой-то нитью, незаметной для ума. Этот человек в магазине совсем не похож на людей из фильма. Тогда Митя лег на рельсы, прижался головой, сказал, что дорога дрожит, можно не успеть соскочить. И в тот вечер. Алик и Митя, нарисованные солдаты, теперь не здесь. Каждый по-своему. В других обстоятельствах они бы реально сидели в окопах, шли на танки с громкими возгласами. У них были и тайны, и мечты. Теперь они вылетели и стали общим ожиданием мест, по которым ходили. Кто-то может пройти по тем же рельсам и уловить странное и чистое, о чем лишь мечталось и что никогда не было озвучено.

За последний год у Мити почернели ноги. Один раз на квартире увидел, как он вводит себе тонкую иголку. Все затертое, это не укусы комаров, а некая обыденность. Когда сидели с ним и Химозом, смотрел на их тела и малость сжимался в брезгливости. Лучше же быть бессмысленным спортсменом — ходить и бить по мешку день за днем. Почему тело так расплачивается за потоки тепла по венам,

сохнет и гниет? Скорее всего, Митю привели на завод те затекшие демоны. Он не мог полноценно идти, шел и останавливался, залипая в ночном воздухе. Его положили головой в пену, как тогда на рельсы, все темное пространство задрожало и разорвалось. Когда Света обо всем узнает — начнет метаться и кричать или тихо сядет и застынет? Мы не пошли на похороны, ни Химоз, ни Света, ни я. Он сам бы не пошел. Может и сказал бы, что придет. Вместо этого сходили к свалке, на то место, где его нашли.

Смотрел на места и думал о последнем его впечатлении. Изогнутая бетонная стена, гора отброшенных и сгнивших вещей. Чем это хуже больничного потолка?

Что еще произошло летом? Отец сказал, что нам на рынке не нужно работать, уж на жизнь он заработать сможет. Где и как он зарабатывал — непонятно, но какие-то деньги появились. Одним вечером он пришел домой и позвал на кухню, посидеть. Достал колоду карт. Вытащил крестового короля. Жил на свете король. Дальше появилась бубновая дама, а за ней и вся история. Со стражниками, погонями. Как много лет назад. Отец протянул мне колоду. Это был первый раз за семь лет, когда я взял в руки карты. И как взял, так чуть сразу не выронил, не ожидал такое увидеть. Никогда не представлял, что карты могут быть такими. Разные половинные картинки — полудамы, полудесятки, пустые карты, карты с двойной рубашкой. Не подклеенные, а напечатанные. Отец засмеялся и сказал, что может достать много подобных колод. Можно

на этом заработать. Найти тех, кто хочет показывать фокусы, продать им.

На следующий день показал этот фокус Химозу, он ничего не понял. Тогда нашел Ласло, показал ему. Ласло сказал, что десяток может быть еще больше.

Удивительно то, что эти карты напечатаны на фабрике. Этот обман готовился заранее, в другой стране, просчитывался в деталях, продавался как нечто, способное произвести впечатление.

Еще пообещал отцу, что в ближайшие дни съезжу в центр, в техникум, и узнаю насчет подачи документов.

5 сентября — день двух странных знакомств.

Ехать полтора часа, решил, что возьму с собой Ласло, чтобы не так скучно. Зашел к нему. Долго стучал, никто не открывал, затем открыл его недовольный отец. Ласло показался в коридоре и, не спрашивая, куда и зачем, сразу вышел.

Мы сели в электричку. У Ласло была специальная карточка об инвалидности, по которой можно ездить без билета на любом транспорте. Он часто катался на автобусах и электричках просто так, смотрел в окно.

Появились заводские заборы, а затем заброшенные склады, плывущие под стук железок.

Что обычно проносится мимо окон и под какие звуки — всем известно.

Ласло рассказывал про больничные лифты. Там тоже низкие домики, этажа по три, но есть лифты, чтобы перевозить тяжелые вещи или людей, или капельницы. Они ползают за мелкими косыми решетками и издают вздохи.

Черная, белая и серая луна.

Черная луна. Алоэ — колючее растение. Я даже старался специально не слушать, что он рассказывал. То ли иногда появляется черная луна и алоэ быстрее растет, то ли наоборот — появляется алоэ и луна растет. Показалось, если прислушаюсь, что-то опасное зацепится за мысли и заставит о себе думать.

В словах Ласло есть провалы. Все эти «черные луны» и «алоэ» — дыры, в которые можно проваливаться.

Внутри черной луны есть привычки. Преодоление привычек — то, чем мы все время занимаемся.

Растения, помогающие от болезней, связаны с разными лунами.

Внутри серой луны находятся алхимические ключи. И я точно не хочу их знать.

Техникум коричневый. Почти пустой. Мы зашли, огляделись, постучали в кабинеты — никого. Лишь раз на пятый дверь оказалась не закрытой. А когда вошли, чуть не дернулись от впечатления. За столом сидела офигительная красотка. Она пахла морем и сексом. Черные волосы падали на стол как покрывала. Она нам улыбнулась, пригласила присесть. Мы сказали, что хотим учиться в техникуме и приехали узнать, как подать документы. Она ответила, что сейчас принесет формы для заполнения и вышла. Опять же не буду описывать все эти эротические нюансы, как встала, как вышла. Ласло тоже посмотрел ей вслед и шепнул, что знает ее. Откуда? Она работает медсестрой в двадцатом отделении, только там она немного меняет внешность. И еще она опасна. Чем опасна? А ничего, что в пустом огромном доме больше никого нет, она одна здесь сидит? Ласло встал и показал видом, что нам стоит валить. Чем она может быть опасна, просто секси-секретарша, работает в техникуме, принимает документы. Ласло ответил, что знает, о чем говорит, она сейчас вернется не одна, и нам отсюда не выбраться. Представил, как расскажу вечером отцу, почему не стал подавать документы в техникум. Потому что там пустой дом и опасная женщина. Ласло повторил еще раз, что надо уходить. И в этот момент что-то произошло. Показалось, что я уже был здесь и прекрасно знаю эту комнату. А затем уже на уровне разума дошло: в ней же нет окон. Я

резко вскочил и выбежал. Мы выбежали вместе, сначала в коридор, а затем на улицу. Когда отбежали на приличное расстояние, посмотрели назад. Спросил Ласло, что это было? Он ответил, что обстоятельства.

На этом день не закончился.

Мы стояли на станции, смотрели на рельсы. Не сразу заметили, что кто-то наблюдает за нами из-за столба, а когда заметили, решили подойти и спросить. Но он быстрее спросил, нет ли у нас мелочи для одного дела. Так мы и познакомились с Леонидом.

Леонид. Когда думаю, как должен выглядеть лицом интеллигент, то сразу представляется он. Как-то по телевизору шел сериал про Клима Самгина. Он ходил в тумане под тягучую музыку и что-то оценивал. И вот Леонид — чисто как в сериале, только без очков. Худой, в потертом свитере и куртке-ветровке. По возрасту — вообще непонятно, может, двадцать пять лет, может, тридцать пять. Не сомневаюсь, что он никогда не был женат, женщины таких не любят — у них во всей внешности и движениях показана слабость и неуверенность. Да еще и скрытая истеричность. Глядя на Леонида, легко представить, как он ходит по квартире и кричит в пустоту. У интеллигентов обычно все движение строится на связях, на вписавшихся в жизнь родственниках, образовании, культурных слоях, а у Леонида ничего этого нет. Кажется, если его накурить, он сядет, прижмется к стене и начнет дергаться.

Он сказал, что здесь близко, за углом, мы спустились вниз, с платформы, вышли из вокзала, прошли несколько улиц. Леонид радовался и показывал видом, что нас удивит, надо пройти еще немного. Вскоре стало ясно, куда он нас вел. Зал игровых автоматов, с мигающими лампочками, с вишенками, семерками, барабанчиками. Леонид сказал, что у него есть система, как выигрывать в покер, мы сейчас можем поставить мелочь и неплохо заработать. Ни я, ни Ласло, не были раньше в таком месте. Оно прокуренное и мерцающее как новогодняя гирлянда, похожее на дискотеку, только по-другому подвижное. Когда красные комки воздуха мигают и звенят, это что-то напоминает.

Ласло сказал, что здесь рентген. Все прислоняются и делают снимки внутренностей.

Людей было немного, в основном за барной стойкой. Леонид уверенно подошел, купил жетоны, махнул нам, чтоб селились и смотрели. Проиграл он все наши деньги удивительно быстро. Если бы мы посадили играть кого угодно, можно было бы продержаться подольше. Когда закончились последние жетоны, Леонид навис над мигающим автоматом и заорал на него. Из-за стойки встал жирный человек, подошел к Леониду и, взяв за шею, толкнул в сторону выхода.

Уже на улице Леонид объяснил, что все сложилось по плану, деньги он вернет вечером. Он специально подкармливал автомат, чтобы заманить на нужную комбинацию. Вспомнился композитор из санатория. Но Леонид выглядел куда более жалко и беспомощно.

Его трясло не только от обиды. Те рентгеновские лучи задели какую-то болезненную внутренность. Азарт присутствует как пульсирующий зуд, но дело не только в нем. Азарт может расплескаться, и есть нечто, его удерживающее. Предчувствие или отношение.

Леонид сказал, что живет неподалеку, и позвал зайти к нему.

Квартира была не сказать, что захламленная, это не хлам, это потоки. Провода в основном, мелкие детали, лампочки, несколько телевизоров с вывернутыми наружу кишками. По полу так просто не пройти, надо изыскивать тропинки, а эти провода как растения. Не квартира, а лес. Или взорванная электростанция. На стенках списки, на столе списки — результаты спортивных матчей. Даже Ласло когда все это увидел, удивленно поморгал.

Леонид предложил вернуть долг, только не деньгами, а чтобы мы забрали один из выпотрошенных телевизоров, и добавил, что послезавтра будет важный футбольный матч, он уже заранее знает результат.

Клим Самгин попал в наше время и стал Леонидом. Что теперь делать?

Когда вернулся домой, перелистал книги. Ни ту секретаршу, ни Леонида, не нашел.

Этим же вечером спросил отца, что нужно, чтобы открыть у нас зал игровых автоматов. Он заценил идею, но ответил, что для старта нужны неплохие деньги и связи, но это сейчас крайне выгодно. На следующий день рассказал про случай с Леонидом Аладдину. Оказалось, что я попал прямо в тему. Дядя Сережа планировал открыть у нас игровую точку и уже договаривался с центром о поставке автоматов в один только что отремонтированный бар. Аладдин сказал, что был не в курсе, что мне такое может быть интересно, но раз так сходится, то я могу устроиться туда охранником, они как раз недавно прикидывали, кого из своих поставить. Уже через месяц все откроется и заработает.

5. Восточный театр

У нас было три игровых автомата.

Первый автомат. Три барабана. Изображения: семерка, вишенка, лимон, колокольчик и стопки с надписью BAR — от одного до трех. Второй почти такой же. Но вместо лимонов арбузы. Третий — покер.

Снизу металлические корытца. Они выгнуты так, что если падает хотя бы одна монета, раздается звон как от чего-то увесистого, а если падает десять, звон усиливается и кажется, что их бесконечно много и это звенящий водопад монет.

Опускание ручки происходит как серьезное движение, сопровождаемое механическим звуком. Барабаны встают на место тяжело и последовательно, карты выкладываются с шелестом. Когда выбрасываются монеты, автомат ревет, ликует и мигает.

Наверное, внешне так же устроена работа за заводскими аппаратами, а по ожиданию — блуждание по рудникам.

На экранах есть центральная линия, по ней и считываются комбинации. Если выпадает хоть одна вишенка, ставка как минимум возвращается. Если придут три колокольчика, машина в оргазмическом порыве выплюнет кучу звенящих монеток. Есть еще несколько сочетаний: бары, тройки лимонов и на них похожие. А три семерки не придут.

Азарт появляется от повторений и чередований. Как искры от трущейся материи или плотское удовольствие от однообразного

движения тел. Если бы карты выкладывались сразу, без шуршаний, не было бы затягивающего ритма, провоцирующего ожидание. Самое приятное в игре — секунды ожидания, пока еще результат не раскрыт и он может оказаться каким угодно. Могут быть лимоны, колокольчики, семерки или ничто. Потоки комбинаций сливаются в шепот, в послание, звучащее на непонятном языке. Каждый следующий ход — высказывание мерцающей машины. Ты сидишь и слушаешь весь этот торжественный бред, надеясь расслышать хоть что-то знакомое.

Работа оказалась ненапряжной. Проблем ни с кем из посетителей не было, за редким исключением. Изредка кто-то напивался и буянил, приходилось выставлять на улицу. А так приходили одни и те же, и они прекрасно знали, что это место принадлежит дяде Сереже, а я работаю на него.

Работали мы вчетвером. Сменщик — тоже когда-то тренировался у Гнома, крепкий, коренастый. И две барменши, тоже сменяющие друг друга. Моя смена почти всегда приходилась на смену Иры.

Что про нее рассказать? Секс с Ирой случился в третью смену. Удивительно, насколько все было спокойно и бесстрастно. Уже после я стоял, смотрел в окно и понимал, что если выйду на улицу и меня собьет машина, Ира не обратит на это внимания. Или таки посмотрит в окно и закроет руками лицо? Я ей полностью безразличен, как впрочем и она мне. Просто так вышло. Затем это повторилось еще

несколько раз. И напоминало не любовную игру, а посещение тренировки, привычную физическую работу, которую совершаешь с непонятной целью. В отличии от того случая со Светой. Тогда было все по-другому: мы сплелись как укуренные змеи на убитой хате, в хохоте и страсти, и после я вспоминал детали снова и снова, ее холодные стройные ноги с комариными укусами и запах ее волос, перемешанный с запахом анаши. И Света иногда поглядывала с легкой ухмылкой, напоминая о том случае. Да, Ира и Света — две служанки царевны. После знакомства с Ирой подумал, что теперь у меня будут отношения со всеми служанками из той книги, перелистывал страницы, пытаюсь разобрать, сколько их всего. А это непонятно. Две точно, а на остальных страницах — в таких позах, что лиц не разобрать, это могли быть они же.

У нас все время играло радио. Каждый час они повторяли одни и те же песни. И так до ночи. Ночью ставили что-то необычное.

Интересно было ловить ощущение, что час назад, два часа назад, было то же самое. И по свету, и по звучанию, и по людям. Час назад те же люди сидели за автоматами, Ира так же стояла за барной стойкой, я находился в том же месте.

Теперь о наших постоянных посетителях. Прежде всего, Коля-таксист. Он заезжал почти каждую ночь, скидывал одну и ту же сумму. Говорил, что ожидание падающих монеток заменяет ему бухло. Баба Валя — сухая обезумевшая старушка. Она сплавляла пенсию за пару дней, а остальные дни месяца ходила и побиралась у

вокзала, при этом почти каждый день подходила к нашему окну посмотреть на огоньки. Паша-комерс — самый дерганый, по поведению напоминающий Леонида, только более агрессивный. Мог орать на автомат, ходить вокруг и недовольно зыркать. Остальные — не такие постоянные.

Казалось, что заработать хотел только Паша-комерс, а для Коли и бабы Вали это были нервные ритуалы, без которых они не могли обходиться. На второй месяц я попробовал раз не пустить бабу Валу, чисто из жалости, чтобы она сохранила деньги. Она села у окна и начала жутко скулить. Лучше пустить. Зашла, выбросила треть пенсии, ушла.

Один раз бабе Вале выпали три колокольчика. Монеты со звоном падали, автомат ликовал, а баба Валя подпевала. Сгребла монетки, положила в стаканчики, демонстративно и важно. Получила деньги и ушла. Пришла на следующий день.

Повторения и чередования выстраиваются так, что можно просидеть несколько часов, сплавляя средства совсем понемногу, но в итоге все равно ничего не останется — это дело времени, а не везения.

Когда под утро возвращался домой, в голове продолжали звучать сыплющиеся монеты и вой автоматов. Они же переходили в сны и становились постоянным навязчивым звучанием. Днем мне часто снилось то же, что происходило ночью. Мельтешения колокольчиков,

лимонов, семерок и шелест раскладывающихся карт. Те же люди, те же звуки.

За эти месяцы я сам не бросил ни одной монеты в автоматы. Что-то запрещало. Как с книгами на хате. Когда вернулись туда с Ласло, я потянулся к ним, но что-то одернуло. Показалось, что это линия раздела, жизнь сильно изменится, если посмотрю. Так и здесь, если сыграю хоть раз, во мне поселится другая личность, и никаких шагов обратно не останется. Уже была понятна жизнь этих автоматов, казалось, что чувствую все их ритмические конвульсии и моменты, когда они должны разразиться звенящими водопадами. Дело даже не в том, что я что-то выиграю или проиграю, а в том, что войду с ними в тесное соприкосновение.

Ведь я ни разу не играл в автоматы, но казалось, что играл очень много. И этот запрет касается встречи со старым знакомым. Если сыграю хоть раз, вспомню ненужное, дремлющее прошлое.

Отец сказал, что я устроился на работу для идиотов. Быть охранником где-либо — самая тупая работа. В общем-то да.

5 декабря. День ключей. Когда шел на работу, обратил внимание, что на заборе около старого дома появилась надпись Massive Attack. Кто-то взял баллончик и написал красной краской на черно-сером фоне — криво и быстро. А когда пришел, в баре суетились менты. Утром кто-то выбил окно и бросил в бар гранату. Явно кто-то сознательный и

сострадательный, он подождал, когда мы уйдем и бар опустеет. Сразу подумал, что Паша-комерс.

Приехал дядя Сережа, недовольно походил среди раскрошенного стекла, поговорил с ментами, сказал, что сегодня будет веселый вечер. Веселый вечер — дядя Сережа с друзьями поедет гулять в лес.

Ласло ходил в дырявых кроссах по выпавшему снегу, кашлял, останавливался. Я ему что-то вынес из своей теплой одежды. Он рассказывал, как зимой снег переходит в духоту, чем белее на улице, тем тяжелее дышать внутри. Зима в больнице отличается от другого времени давящим теплом.

Надпись Massive Attack связана со взрывом в баре. Как она может быть связана? Но так подумалось. Ласло тоже подтвердил и сказал, что это день ключей.

Дни ключей — это когда ключи высвечиваются. Так-то они постоянно присутствуют, но остаются незаметными. Ты проходишь мимо надписи на стене полуразрушенного дома и не связываешь ее с происходящим вокруг. А в эти дни надпись проступает и заставляет обратить на себя внимание.

Ласло пытались пристроить в психиатрический пансионат навсегда, но что-то не складывалось с бумагами. Его отец бесился из-за сложившейся ситуации, ходил по социальным и медицинским

инстанциям, договаривался. Место в пансионате не так просто получить. Надо неофициально проплачивать. Отец вроде даже и проплатил. Собралась комиссия, Ласло внезапно как-то на редкость разумно пообщался, и она, несмотря на его богатый опыт пребывания в больницах, не решилась определить его в пансионат. Здесь у Ласло несмотря ни на что была своя комната, одна на всю жизнь, и он не хотел переезжать в пожизненное заключение.

Дальше было полгода какого-то бреда. Бар так и не открылся. С Аладдином пересеклись всего пару раз. Как будто в жизни возник туман и поглотил полгода. Я занимался ничем.

18 июля. Мне восемнадцать лет.

Приснилось, что иду по двору, рядом с домом. Там большая собака, прикидываю, как ее обойти. А она даже не перемещается, а вспыхивает то там, то там. Никак ее не обойти, она может вспыхнуть рядом в любой момент. Все же прохожу к своему подъезду. А подняться по лестнице непросто, нужно цепляться за железки на перилах, лестница, ведущая к квартире, изогнута. Вообще это не первый раз снится. Ни тревоги, ничего, просто мерцающая собака во дворе, странная лестница. Каждый раз просыпаюсь, так и не дойдя до своей квартиры во сне.

Пришел на кухню, уставился в окно. То же самое, что только что видел во сне, только с другой стороны. И во сне все золотистое,

всегда если не лето, то теплая осень, и не ночь, а особое время. Если собрать вместе все время, что я провел, глядя в это окно, может получиться немалое ожидание.

Отец тоже зашел на кухню, спросил, чего не сплю, сел рядом. Сколько мы так молча просидели? Затем он тихо как задорная тень нырнул в комнату и вернулся уже с другим выражением лица — в мгновение помолодел. Он принес шесть колод карт, взял два коробка спичек, лежащих рядом с плитой, высыпал на стол, а колоды с прежней ловкостью перетасовал. Спросил, помню ли я, как играть в двадцать одно. Конечно, помню. Ну вот, блэкджек не намного сложнее.

Что он мне рассказал?

В общем, по всей стране начали появляться казино. Их открывали и обычные комерсы, и братва. В целом легально и без особых рисков. За последний год они проросли как грибы в лесу. И мелкие на пару столов, и мощные — с кучей работников.

Основные игры — рулетка, покер и блэкджек. В рулетке можно играть на том, что броски не сильно различаются, и ставить на только что выпавшее. Ну и еще когда случаются счастливые часы и сектора становятся особо ценными. В покер лучше играть, если ты не один за столом и у вас налажена система маячков. А блэкджек — другое: сухое, скучное и возможное.

Главная работа — считать вышедшие карты. После каждой раздачи колода меняется, а с ней меняется и общая стратегия. Есть мягкие и жесткие раздачи и колоды. Тузы смягчают все. Считать карты несложно, у каждой есть маленькое значение, ты складываешь все, что видишь. Если получается теплая колода, повышаешь ставки, если холодная — играешь налегке. Подогретая колода дает неслабые ожидания.

Момент, позволяющий оценить, есть ли выигрышная стратегия — сарендо на туза. Есть ли возможность уйти в половину ставки, если у раздающего выпал туз. Если можно, то все тип-топ. При правильной и хладнокровной игре ты рано или поздно выйдешь в плюс.

Спросил, почему казино не понимает, что при четкой игре оно окажется в проигрыше. Отец ответил, что счетчиков по стране еще не так много и про них не все знают. В любом случае, их выигрыш не сравним с проигрышем бухих комерсов. Рано или поздно начнется выискивание счетчиков, их перестанут пускать, начнут рассылать их данные. А пока этого нет. Приходишь, работаешь, уходишь. Главное — никакого азарта, сухой счет, без нервяка, будто ты не играешь, а грузишь коробки на рынке.

28 декабря. Отец достал свой старый пиджак, сказал, чтобы я примерил. Подошло. Надо взять паспорт, в техникуме могут спросить. Расспросим про вступительные экзамены. Мы поехали на

электричке, затем на автобусе. Прорвались через перемешанный снег с грязью, подошли к большой гостинице с прозрачными стенками на первом этаже. Отец сказал, что ему дальше нельзя идти, он останется ждать здесь, сколько надо. Скорее всего это займет часа три-четыре.

На первом этаже, сразу за сидящими строгими людьми, открылся неоновый коридор, а дальше тяжелая дверь. Показал паспорт. Уже есть восемнадцать, все нормально. Они все записали. Фиолетовый рентген повсюду. И мерцание. Как в баре. Только больше и тяжелее.

В окошко при входе я протянул все деньги, что дал отец.

Там было два стола с рулеткой, один с покером, один с блэкджеком. Я сел за последний, покидал мелкие ставки. Колоды вскоре обновились. И я начал считать. Триста двенадцать карт, колода меняется с каждой раздачей, то нагревается, то остывает, на каждом уровне есть своя четкая стратегия, и никакой суеты. Сложность здесь в том, что надо помнить довольно большие таблицы стратегий, каждую для своего счета колоды. Ну это надо зазубрить, как непонятное стихотворение в школе. И дальше строго его придерживаться.

Рядом потел и просаживал нажитое толстый комерс в полосатом пиджаке. В рулетку и даже в покер можно играть, как чувствуешь, вполне может получаться, а в блэкджеке все настолько зажато и сухо, что если не понимаешь происходящего, будешь проигрывать.

Вскоре комерс слил все, что у него было, ушел ворча и шатаясь.

Через четыре часа у меня был на руках выигрыш, примерно равный трехмесячной зарплате на рынке. Не жуткая сумма, но все же. Молча собрал все выигранное, обменял обратно на деньги.

Отец встретил на том же месте, где мы расстались, спросил, ну как. Ну как? Никогда бы не подумал, что деньги можно так легко заработать.

Понятно, чем мы занимались с отцом следующие месяцы? Ездили по небольшим городкам, играли в разных казино. Если я и проигрывал, то немного, обычно выходил в плюс. Отец был одним из первых людей в стране, кто попал в списки. Когда приезжали в город, где его знали, он сам не играл, а ждал, когда я сыграю. В столице открылась сеть казино, в которой правила блэкджека оказались более продуманными, без сарендо. Туда мы не заходили — нет смысла.

Раньше не мог даже представить, что разные казино так сильно отличаются друг от друга. По правилам, устройству столов. Даже игроки в рулетку отрабатывают эти различия. Бывают несбалансированные столы, и опытные люди выстраивают сектора, делают ставки за мгновение до закрытия. Не все хозяева небольших казино регулярно тестируют столы. И серьезные игроки это сразу замечают.

Счетчики узнавали друг друга быстро. По четкой и правильной игре. Заметил, что у некоторых системы счета слегка отличаются, видимо, они по-другому оценивают выбывшие карты. У кого лучше, у кого хуже — непонятно, главное выходить на дистанции в общий плюс, в районе одного процента.

Сколько же в казино паслось откровенных неадекватов. Бухие, нервные, дерганые, плачущие, бледные, ставящие на все подряд. Молчаливые люди суровой наружности, скидывающие напряжение через игру — бандиты всех мастей. Старушки с тетрадками, с рисунками рулетки, со списками магических чисел. В полнолуние в полночь семь раз подряд на красное.

Раз на десятый почувствовал, что нет никакого волнения, что еду в казино на работу. Как когда-то ходил на рынок или в бар. Там не будет ничего непредсказуемого. Волны невезений похожи на плохую погоду. Нужно спокойно переждать, они закончатся, как заканчивается дождь на улице.

Вскоре возникла совсем неожиданная проблема. Мне пришла повестка в армию. Как раз шла война, и перспектива оказаться на ней не порадовала. Отец сказал, что это решается быстро и определенно. Поедем вместе в военкомат, он договорится с кем надо. От таких денег не отказываются.

Мы приехали пораньше. Здание из крупного камня, наверное еще из прошлого века. На улице стоял человек кожаной куртке, сапогах, с висевшим на шее то ли мелким магнитофоном или радиоприемником. Звучал какой-то военный гимн, тоже из старины. Он смотрел вдаль и проникновенно слушал. Подумалось, что он все время воюет, даже здесь, даже утром.

Товарищ майор. Так отец обратился к сидящему внизу человеку. Нам бы поговорить с главным. Майор спокойно посмотрел на нас, сказал, что надо записать паспорта, а главный нас уже ждет. Ждет? Ну да. Полковник ждет.

Мы прошли по узкому коридору. Отец постучался, улыбаясь зашел, я за ним. За столом сидел крепкий человек лет пятидесяти с суровым взглядом. Сразу понял, что знаю его, вернее не знаю, а встречал. Где? Да недавно, в казино. Он стоял у рулетки. Стало немного тревожно.

Мы сели напротив него. Отец без лишних церемоний достал конверт и протянул, проговорив при этом, что ценит работу военных и что государство недостаточно их бережет. Полковник раскрыл, пересчитал, затем положил деньги обратно в конверт и вернул отцу. Это просто поощрение и знак внимания, не стоит рассматривать как взятку. Само собой. Они уставились друг на друга. Полковник посверлил взглядом отца, затем меня. И первое, что он сказал, было «ты хорошо считаешь», а затем обратился к отцу.

— Вова, привет. Помнишь Ялту?

Отец побледнел, начал прокручивать конверт пальцами, как будто это карта.

— Я тебя искал тогда, связи поднял. Думал, кто это меня так ловко раскатал. Так это же Вова Инженер. А вот как жизнь свела. И сына ты хорошего воспитал. Видел на днях, как он играет. Молодец. Вы ко мне по какому вопросу?

Отец уперся взглядом в стол.

— Видимо, хочешь служить. Исполнять гражданский долг. Вы пришли об этом рассказать.

В комнате ведь не было окон. Я снова оказался там же. Серые стены, стол, лампа. Это та же самая комната, что была раньше. В этой комнате особое чувство времени. Может растягиваться и сжиматься. Будет непонятно, сколько времени прошло: пять минут или час.

— Нолик надо приписать к этой сумме. Тогда сможем обсудить и гражданский долг, и ценит ли государство наш тяжелый труд. Вы ребята способные. Справитесь. Три недели хватит? Хватит, конечно. Рад был снова повидаться.

Полковник встал и похлопал отца по плечу.

На улице стоял все тот же человек. Как стражник перед входом в пещеру. Слушал ту же музыку. Видимо, она у него по кругу крутилась на кассете.

— Вот сучара, а. Я этого гандона когда-то раскатал на югах. Ты его тоже встретил? Он старый игроман. Теперь по принципу пойдет, мстить будет. Ничего, соберем, бабло хоть и серьезное, но можно собрать. Надо в Москву сгонять. Там есть пара точек с хорошими правилами, можно по-крупному играть. Все легально. Они скоро просекут эти лазейки и прикроют. Поедешь?

Сказал, что поеду. А что делать? Можно и на войну, конечно, но лучше сначала попробовать в Москву.

Москву я видел только в телевизоре и во сне. Причем во сне — как кремлевскую стену, стоящую на берегу моря. Можно долго плыть на корабле, смотреть на пустой горизонт и в один момент заметить, что вот она — Москва. Красные стены рядом с водой. Представил, как мы приплывем, зайдем в огромные ворота, затем еще в одни, сядем за шикарным зеленым столом. Боярин в пышной шапке будет раздавать карты. У меня блэкджек. Пиковые туз и король. Хорошо. Вот тебе сундук с золотом. Мы снова сядем на корабль, поплывем обратно, с заработанным золотом и переполняющим чувством сложившегося приключения.

Поздно вечером мы все рассказали маме, как есть. Она заревела, сквозь слезы зашептала, что же это за мир такой, невозможно нормально жить. Мы ее успокоили, объяснили, что ничего страшного, мы не занимаемся ничем нелегальным.

В тот момент, в тот самый момент, когда я рассказывал про счет карт, в дверь постучались. На словах «ты просто считаешь». Это был Ласло. Он спросил, может ли зайти посмотреть книги. Конечно. Мы позвали его за стол с нами. Мама все в тех же расстроенных чувствах за минуту все ему выложила зачем-то. Что мир так устроен, надо ездить по санаториям и обманывать, иначе тебя заберут на войну и убьют. Ласло испуганно посмотрел на меня, спросил, правда ли, что меня забирают на войну. Да никто никуда не забирает, просто обстоятельства неожиданно напряглись. Съездим в Москву и все разложится.

Прошли в комнату. Ласло залип на книге венгерских сказок на час. Перелистывал вперед-назад, разглядывал картинки. Ласло и птица. Начался ветер, птица укрыла Ласло своим крылом.

Затем он сказал, что поможет, и в Москву можно не ехать. Только мне надо познакомиться с одним алхимиком. С каким алхимиком? Хранителем сокровищ? Нет, просто влиятельным человеком. Надо сейчас пойти к нему, он уже спит, но все равно. Прямо сейчас пойдём и поговорим с ним.

Мы вышли в теплую ночь.

Теплая она или на самом деле холодная. Кто-то ночи считает, как колоды. Возможно, те, кто следит за прогнозом погоды. В центральных и южных частях Уэльса будет ясный день без осадков. А у нас приятная ночь. Пахнет сладкой гарью, карамелью. Кажется, по округе разведены костры, на которых запекаются изделия из сахара.

Мы пошли в сторону новостроек. За железную дорогу. В это время никаких поездов, рельсы дрожат чисто по памяти.

Поднялись на лифте на десятый этаж. Подошли к двери, позвонили. Послышались шаги, затем кто-то за дверью остановился, посмотрел в глазок. Не разобрав нас, спросил, кто там. Ласло ответил «я». Кто я? Я.

Нам открыл полный человек лет шестидесяти, с сонными прикрытыми глазами, с клоками волос на отполированной голове, в ободранной майке и семейных трусах.

— Эдуард Петрович, это я, — сказал Ласло.

Мы зашли. Квартира — не как у Леонида, но похоже. Разбросанные обрывки газет, книги, изрисованные обои. Мы сели на кухне. Эдуард Петрович сразу спросил:

— Какой чай предпочитаете?

Ответил, что любой. Тогда он взял табуретку, сел напротив и сказал, что чай — это чай, любой — не чай, если уж пить, то настоящий, он сейчас заварит, правда, требуется время. Я сразу понял, что это какой-то знакомый Ласло из больницы.

— Ласло сказал, что это вы его назвали Ласло. Да?

— Да.

— Ласло сказал, что у вас есть ключи.

— Какие?

Они переглянулись. Ласло объяснил, что меня забирают на войну и нужно помочь. Эдуард Петрович ответил, что это не проблема, он поможет. Завтра утром надо приехать к нему, взять с собой все необходимое и ключи. Он заварил какую-то пахучую жидкость и сказал, что это и есть настоящий чай. Лучше выпью в другой раз.

— Ласло все объяснит. Не волнуйтесь. Приезжайте завтра. Не забудьте ключи.

Мы вышли на улицу. Спросил Ласло, кто это такой. Он ответил, что большой и важный человек. Мне нужно собрать необходимые вещи, взять паспорт, он будет ждать около моего дома завтра в восемь утра. Лучше объяснить родителям, что уезжаю на заработки в Москву на пару недель. Вскоре все решится. И еще важный момент. Хорошо бы взять с собой те книги.

— Ты ему все рассказал?

— Нет. Сам расскажешь, если захочешь. Просто сказал, что у тебя есть ключи. А он мне доверяет.

От слов Ласло всегда приходило это ощущение. Сначала казалось, что он несет полнейшую чушь. Но затем, когда останавливался мыслями и пытался осознать, что вообще происходит, возникало некое понимание, что это вовсе не чушь, а некий взгляд не отсюда. Он подглядывал за прошлым и будущим из другой точки, разбирался в якобы неважных правилах игры. Как сарендо на туза. Рассказать кому-нибудь правила блэkdжека и отметить, что сарендо на туза решает что-то существенное. Никто не поверит.

Ночью я разбудил отца и сказал, что поеду в Москву один. Он поморщился, спросил, почему. Ответил, что чувствую необходимость. Это как испытание на взрослость. Отцу явно понравился ответ, он рассмеялся, ответил, что родительское благословение дает, а если не получится заработать, то что-нибудь

еще придумаем, в конце концов и не такие деньги крутили. Он сел за стол, вырвал бумагу из блокнота и начал составлять список в дорогу. Адреса, название казино, телефоны людей, которые могут помочь в случае проблем. Все по памяти. Еще час он давал напутствия, рассказывал про столичных счетчиков, про отличия больших казино от мелких. В конце объяснил, где мне остановиться, там на окраине живет его старый приятель, у него большая квартира. Все получится.

Ласло стоял там же, где обычно — под окном. Мы молча пошли по утреннему району, на вокзал, сели в электричку. Куда едем-то? Куда-то. За окном утренняя дымка и узнаваемые обрывки. Куда-то едем. Вышли, сели на автобус. Вскоре подошли к воротам с охраной и надписью «Областная психоневрологическая больница № 1». Мы приехали в реальную дурку.

Даже речь потерял, когда понял, что Эдуард Петрович — главврач. По виду и дерганым движениям он гораздо больше походил на постоянного пациента. Эдуард Петрович встретил нас у себя в кабинете в строгом белом халате. Добро пожаловать. Нас вместе отведут в «двадцатку». Нормально? Ласло ответил, что нормально. Колеса по желанию, если захочу отдохнуть, то без проблем, а так можно и выплевывать, никто в двадцатке за этим не следит.

Ну, добро пожаловать. Предстоит интересное путешествие. Это как длинный поезд с разными вагонами, внутри каждого вагона своя

жизнь, мы будем в двадцатом. Там проводницы, чай в стаканчиках, запах движения.

Эдуард Петрович сказал, что после всего он напишет мне такую бумажку, что никакой военкомат и близко не подпустит, еще и группу можно будет получить, все-таки бесплатный проезд и небольшая пенсия.

Двадцатка — это. Опять же, стоит ли все это описывать в деталях. Удивительно, как можно жить и не подозревать, что неподалеку за стеной складывается такой мир.

Ласло знал об этом мире все, и его тоже все знали. Там внутри своя река, озеро, лес, системы окон, взглядов. Распределение работ по столовой. Палаты с вязками. Дед, собирающий на полу зубы как ягоды. Колдун под двумя одеялами. У всех по одному, а у него два.

Дверь ординаторской была распахнута, за столом сидела очень симпатичная медсестра. Ласло махнул головой в ее сторону и спросил, узнаю ли я ее. Та самая, что пахнет морем и сексом. Она принимала документы в техникуме. Сначала хотел на автомате ответить «это же не она», но резко сложилось иное ощущение, ответил, что узнаю. С ней нельзя начинать романтику, она откусывает голову тем, кто в нее влюбляется. Опасная.

Эдуарда Петровича слушались все. Когда он заходил в отделение, санитары, медсестры и врачи затихали. Он перемещался размашистыми шагами, его халат развевался волнами как рыцарский плащ. Первая же наша беседа впечатлила. Он попросил рассказать о себе все, что считаю нужным, начиная с первых воспоминаний. Я рассказал про тот самый Новый год и темно-бордовых ощущениях. Затем про отца, про карты. Пожалуй, это был первый раз в жизни, когда меня кто-то так внимательно слушал и задавал вопросы, касающиеся деталей. На второй встрече он расспросил про время, как я его вообще понимаю, про память, про волю. Память уходит в прошлое, воля в будущее, где они встречаются? К третьей встрече я понял, что нужно рассказать про картинки в книгах, никто иной мне не объяснит происходящее. Я принес книги и молча протянул. Он живо их взял, раскрыл, проговорив: «А вот и ключи». Это кто? Это Аладдин, он бандит, мы дружили одно время, это Жасмин, живет у нас на районе, а Джинн приехал с юга. А это кто? Ира и Света, у нас были отношения. А это моя возлюбленная, у нас еще все впереди.

Эдуард Петрович раскрыл венгерские сказки, увидел Ласло и захохотал. Там была картинка, где Ласло встречает бедного крестьянина на дороге и дарит ему волшебное зерно, из которого прорастают нескончаемые колоски. Главврач вскочил, махнул рукой, чтобы шел за ним, мы подбежали к закрытой палате. Там в окошке сидел человек, очень похожий на того крестьянина. Даже не похожий, а именно он.

Вернулись в кабинет. Как это все объяснить? А зачем объяснять?
Просто так принято: все объяснять, сводя к простым законам.

Рассказал про те странные трипы, про «иные интонации»,
«Продиджи», новый дом. Эдуард Петрович на это сказал, что есть
люди хитрой чувствительности, и кислота в моем сознании способна
сплести опасные гнезда, лучше ее не принимать.

На следующую нашу беседу Эдуард Петрович позвал Ласло, сказав,
что он уже давно здесь не как пациент, но как друг и соратник. Они
вместе ищут разбросанные ключи и рады, что теперь я с ними. Что
мне оставалось рассказать? Про утро субботы, 17 сентября, про сон,
про озеро. А дальше про свадьбу. Во всех деталях. Раскрыл книгу про
царевну и положил перед ними. Ласло сказал, что она тоже меня
ищет, и однажды мы встретимся. Эдуард Петрович покивал. Как
ищет? Просто чувствует, что ее кто-то так сильно любит, и ищет.
Сама потом все расскажет. Она понимает, что у нее была вторая
свадьба, алхимическая, но не может прояснить, с кем и когда. А
оказывается, тогда, у озера, с тобой. То, что ты был ребенком —
ничего не значит, ты мог вообще еще не родиться, или она могла не
родиться, а свадьба уже произошла. Это ведь вопрос времени.

Поинтересовался, какие ключи они уже нашли. Эдуард Петрович
оживился, ответил, что теперь его очередь рассказывать.

— С чего бы начать?

Он подошел к полке с книгами. Взял одну из них, в цветастой обложке, с надписью «Энциклопедия восточного театра». Открыл на странице с закладкой.

«Человек просыпается в пустом мире. Нет ничего и никого. Он вспоминает последние дни и понимает, что сам виноват в том, что все исчезло. И он не помнит имен. Как что называлось, как кого звали. Ему кажется, что все появится снова, если он вспомнит имена. Мир нужно искать внутри памяти».

— Это сюжет традиционного спектакля, который ставят на одном из индонезийских островов. Удивительно вот что. Я слышал это от одного пациента почти слово в слово. Он об этом рассказывал как о своем глубинном переживании, в которое погружается снова и снова. Его выбрасывает туда в приступах. Он бродит по пустому миру и вспоминает имена. Я сначала услышал от него, затем прочел в книге. А дальше начало происходить примерно то же, что с тобой. Я расспрашивал своих пациентов о снах, видениях, необычных состояниях, и некоторые описывали сюжеты из восточных спектаклей. Здесь ключевое слово «спектакль». Ты сам рассказал о сомнении. Когда начинается «спектакль», когда заканчивается, никто не понимает. Идет ли он сейчас? Даже казалось одно время, что они разыгрывают меня, прочитали эту книгу и выдают прочитанное за свое. Я уже много рассказывал Ласло про сюжеты.

Ласло покивал, и сказал, что еще бы послушал. Эдуард Петрович предложил приходить ежедневно к нам в палату и рассказывать про один из спектаклей восточного театра. Как рассказчик сказок, как Арина Родионовна или Шахерезада. Перед сном, например. Конечно, это интересно.

На следующий вечер Эдуард Петрович зашел, улыбаясь, сказал «тук-тук, можно к вам». Как веселый доктор Айболит, немного приболевший сам. Сел рядом с нашими кроватями и стал рассказывать. О сюжетах, методах постановок, подготовке к костюмированным представлениям.

1 вечер. Человек возвращается с долгой войны в родное селение. Он хочет поскорее забыть военное время, заняться прежними делами. Никто не спрашивает, где он был и как воевал. Он сам также не поднимает эту тему. Только однажды во время беседы со старым другом он понимает, что тот не знает, что была война. Это его крайне удивляет, ведь война коснулась всей страны. Дальше выясняется, что не только друг, но и все вокруг — никто не знает, что была какая-то война. Более того, никто не заметил его отсутствия, все считают, что он жил как жил и никуда не отлучался. Была ли война? Может быть, ее действительно не было, а может, это заговор селения, помогающий человеку забыть увиденные ужасы и вернуться к привычной жизни.

Во второй вечер картина повторилась. Новая история оказалась не менее содержательной.

2 вечер. История о человеческой жестокости. В одном селении случилась засуха. Жители решили, что в этом виновата женщина, живущая на окраине. Она колдунья. Одним днем все собрались, вывели ее на центральное место и подожгли. В ту минуту, когда женщина перестала дышать, с неба пошел дождь. Ликованию жителей не было предела. На самом деле небо заплакало от человеческой жестокости.

3 вечер. Любовь царя и куртизанки. Однажды царь переоделся в простолюдина и пошел по улицам своего города. В одном из мест он увидел куртизанку. Ее красота лишила царя речи, он онемел и как во сне пошел за ней. Когда к нему вернулся дар речи, решил не рассказывать ей о том, кто он на самом деле. Это начало повторяется во всех версиях истории. А вот продолжение варьируется. Царя и ее возлюбленную ждет немало приключений. Практически все остальные персонажи творят коварства и пытаются их разлучить. Как подруги куртизанки, завидующие ее участи, так и окружение царя. В итоге когда они сталкиваются с непреодолимыми обстоятельствами, в историю вмешиваются обитатели небесных миров, они ценят любовь, прощают все слабости и глупости и помогают разрешить ситуацию. Во всех версиях царь остается вместе со своей возлюбленной. Правда, момент вмешательства высших сил можно воспринимать и как перенос героев в пространство посмертного путешествия.

4 вечер. Этим вечером Эдуард Петрович рассказал об особом театре, распространенном на одном из островов. Ряды лесок, к которым прикреплены плоские фигуры. Чем-то напоминает настольный футбол, в котором игроки крутят ручки и управляют футболистами. Фигуры скользят и дергаются — больше ничего. Когда дергаются, у них болтаются части, например, ноги, и получается, что они танцуют. На лесках играют как на струнах, создавая из этих двух типов движений целые симфонии. Управляющих двое — с разных сторон. Они работают так, чтобы фигуры не перекрывали друг друга, были видны зрителю.

И еще о театре того острова. В дни приливов они выставляют на берегу большую конструкцию из бамбука, похожую на строительные леса. Со стороны суши натягивают ткань — получается сцена, направленная в море. В сумерках начинается спектакль. Девушки острова поют нежные песни, освещение выстраивается так, что на ткани появляются плавающие силуэты — развевающиеся плавники, формы, очертания которых похожи на корабли с пышными парусами. Медитативный теневой театр, растягивающийся от нескольких часов до целой ночи. Но где находятся зрители? Оказывается, эти спектакли играют для рыб. Основной сюжет и смысл песен — повествование о рыбьем рае, месте, в которое попадают души пойманных рыб. Этими спектаклями рыбаки острова показывают морским обитателям, что не стоит их бояться. Если попасть в сети, ничего страшного не произойдет, наоборот, начнется долгое приятное путешествие души, сопровождаемое протяжным пением. И

это не только корысть и обман. Жители острова этими спектаклями также воздают благодарность рыбам за то, что они жертвуют свои тела ради пропитания. Эдуард Петрович сказал, что долго пытался понять, есть ли в спектакле конкретный сюжет. И понял, что присутствуют общие правила, из них и формируется сюжет, но он каждый раз разный. Этим песням матери с рождения обучают своих дочерей, а отцы и дяди раскрывают мальчикам мастерство производства и управления плавающими фигурами. Нет набора пьес, разыгрываемых во время спектакля, участники входят в общую медитацию и существуют спонтанно, поддерживая общий ритм. Это близко к жизни под водой — там тоже ничего не повторяется, нет резких движений, а если прислушаться, услышишь похожее пение.

5 вечер. Миф о великой ночи. Однажды наступила ночь. Когда она пришла, никто ничего не заподозрил. Но утром, когда должно было взойти солнце, ничего не изменилось. Та же темнота. Люди ходили, удивлялись, спрашивали друг друга, что это такое. И на следующее утро так же. Через несколько дней старейшины собрались и попробовали отыскать причины происходящего. Они решили, что кто-то натянул на видимый мир покрывало. Чтобы снова стало светло, нужно доплыть до горизонта и сдернуть покрывало. Добровольцы отправлялись один за одним, сопровождаемые ликованием жителей, огоньками от факелов на берегу. Но как только они оказывались в полной темноте, на них нападал непреодолимый страх, и они поворачивали обратно. Конечно же, по общей драматургии должен был найтись кто-то, и это должна была быть

девушка. Так и случилось. Увидев, что все отчаялись, дочь старейшины села в лодку пока никого не было на берегу и поплыла к горизонту. Что случилось дальше — непонятно. Утро наступило, свет снова появился, но обратно она не вернулась. Запуталась в гигантском темном покрывале? Похоже на метафорическое изложение истории женщины, умершей при родах. Этот сюжет лежит в основе одной из самых популярных пьес, разыгрываемых на сценах региона. Действие начинается глубокой ночью и заканчивается с наступлением утра. Утро драматургическое совпадает с утром естественным. Зрители оказываются внутри великой ночи, вместе с актерами надеются и провожают добровольцев к горизонту, выкрикивают напутствия, радуются приходу светлого времени суток.

Я вернулся домой с ценной справкой и массой удивительных впечатлений. Это было сильнее элитарного трипа. Скрывать от отца, где был, я не стал. Он молча выслушал, а затем задорно захохотал, сказал, что я повзрослел и начал разбираться в жизни. Действительно, справка сработала. Я принес ее в военкомат. Там был какой-то медосмотр, полковник сказал, что я симулянт и никто в такие загоны не поверит, врач при нем позвонил в больницу и поговорил с Эдуардом Петровичем. Да мне не то что на войну нельзя — вообще никуда нельзя. Я должен сидеть в больнице вместе с Ласло и слушать о спектаклях на островах. Полковник подошел и сквозь закрытый рот выжал что-то неприятное. Типа сучонок, ты еще попадешься, я тебя с говном смешаю и батю твоего. На это я ответил, что очень хочу на

войну, прямо сейчас, умею стрелять, пусть не слушают психиатров и дают мне оружие. Проблема была решена.

Так и не понял, последние дни были «спектаклем», трипом, игрой или чем-то еще? Было бы прикольно, если нет, это чистая реальность.

Выходишь из больницы, и начинается спектакль, а там внутри существуешь как есть. Там секси-медсестра оказывается самкой богомола, откусывает головы, пациентам снятся яркие представления с островов Фиджи, в конце коридора лес с растениями на подоконнике, черная-белая-серая луна, и все это — реальность как есть, не игровая. Никто тебя не обманывает, не выстраивает ложные впечатления, не заполняет тебя ненужными ожиданиями.

Проблема решена. Но не отменять же из-за этого запланированные московские гастроли. Отец сказал, что познакомит с интересными людьми, они играют в основном в покер, чистят большие казино. И еще сказал, что все это фуфло. Ты знаешь, что такое «интернет»? Нет. Ну вот. Скоро все будут играть, сидя у себя дома. Типа как в игровые приставки, только связанные между собой по всему миру. А кто будет раздавать? Кто-то будет. Если не видишь рук, как понять, что тебе не подкидывают карты, какие хотят? Непонятно пока что. А кто будет контролировать, что ты не созваниваешься с корешем, который сидит за тем же столом и вы не обсуждаете, какая у кого раздача? Тоже непонятно. Но как-то это будет организовано.

Отец объяснил, что всегда надо работать на опережение. Скоро счетчиков будет как дворовых котов, с ними начнут бороться, надо осваивать интернет. Вспомнил один случай, как крупье выкинул как бы по ошибке две карты, одну из них сразу отбросил, именно ту, которая ему не нужна — быстро и четко. Я тогда сделал вид, что ничего не заметил, было забавно, что такой простой и наглый обман возможен. Если все переместится в компьютерную игру, подобные обманы смогут совершаться каждую раздачу и никто их не разглядит.

6. Москва

Москва нас встретила дождем и движением. Я ее представлял как дремлющий Кремль, а не как бурлящий механизм. В ней не показалось никакой торжественности.

Поселились мы у старого отцовского приятеля. Звали его Толик Карьера. Он был депутатом Московской городской Думы, с шофером и флажком в машине. Отец не мог сначала поверить, думал, что его разыгрывают, но вроде нет. Подошел, спросил, а что, с судимостями берут в депутаты? А не было никаких судимостей, ты меня с кем-то спутал.

Толик дал нам комнату, сказал, что можем оставаться, сколько хотим, хоть навсегда. Там было всего четыре комнаты. В одной жили

помощники Толика по политической борьбе, во второй тетя Марина, в третьей мы, в четвертой сам Толик. Он напивался каждый вечер, собирал всех и излагал актуальную повестку, затем его уволокивали и клали на диван. Наутро все было четко и строго, никаких следов.

Вечерние спектакли Толика напоминали приходы Эдуарда Петровича. Регулярностью и неожиданностью. Мы сидели и слушали. Час, два. Он рассказывал про политические разборки, кто кого заказывает, кто как захватывает ресурсы. Начинал он всегда одинаково. Только не как Эдуард Петрович, «тук-тук, можно к вам», а с фразы «где я находил живое, там я находил и волю к власти». Она служила для Толика заводным ключом, он ее произносил и закручивался в словах как в вихре. Когда он говорил, был похож на шамана с закатившимися глазами, через которого вещают духи. Смыслы и истории. И так пока не уткнется головой в стол или в ковер.

Тетя Марина — самый загадочный персонаж квартиры. Они с Толиком иногда закрывались на кухне, и сквозь двери и даже стены доходил вопль тети Марины. Она орала на Толика, он покорно слушал и что-то нашептывал.

Толик пообещал сделать отцу новые документы, с новым именем, чтобы не возникало лишних проблем. Только это займет немного времени. Неделю-две. Но вообще сколько можно играть, надо двигаться дальше, в политику, сейчас самое время. Скоро выборы,

людям нужны подписи. Типа каждый кандидат должен представить для регистрации кучу подписей, никто не хочет париться, ходить, собирать по квартирам. Надо просто взять базу жителей и за них расписаться разными почерками и ручками. Но так просто это не сделать, подписей нужен миллион, а времени нет. Поэтому давай — это Толик сказал мне — езжай по общагам, организуй студентов, пусть по ночам пишут. А люди деньги платят.

Когда он назвал сумму, мы с отцом переглянулись. Работы ведь не так много, надо лишь правильно все устроить.

Следующие дней десять прошли в дурмане и постоянных перемещениях. Мы носились по общагам, организовывали бригадиров, а уже бригадиры собирали у себя пишущих студентов. Работа так себе, но совершенно безопасная. Вскоре у кандидатов оказались необходимые подписи, а у нас — деньги.

Толик сказал, что может устроить меня учиться, куда захочу, в любой универ. Отец очень обрадовался, надо браться за что-то перспективное, осваивать компьютеры, лет через десять все игры там будут, а обычные казино опустеют. Если даже не в универ, то все равно надо оставаться в Москве, нигде больше нет таких возможностей. Здесь деньги проступают из воздуха как влага, можно ходить с плотной корзинкой и собирать.

Вскоре подоспел новый паспорт отца. По внешности он тоже слегка изменился — отрастил нелепые усы и смешно постригся. Стал похож на персонажа советских фильмов, строителя сибирской магистрали. Такого можно встретить в поезде и, не сомневаясь, спросить, на стройку ли едет. Да, на стройку. Впереди много работы, прорабы, подъемные краны, обеденные перерывы.

Мы прошлись по хорошим казино. Отец так и обозначал их — «хорошие». Где можно спокойно считать и уносить малозаметные суммы. Никаких особых отличий от провинции, кроме разве что роскоши. А по игре — все то же самое, сиди и считай.

Рано или поздно это должно было случиться. Мы играли как обычно, за разными столами, только иногда пересекаясь и подбрасывая друг другу информацию. Ко мне подошел крепкий человек в строгом костюме и сообщил, что казино просит меня удалиться. На вопрос почему, он ответил, что это частное заведение и причины можно не объяснять. В тот день я выиграл совсем немного, недоуменно встал из-за стола и вышел. Подождал отца на улице. Он сказал, что по Москве уже давно начали выявлять счетчиков и, возможно, не были уверены, что я считаю, но подстраховались. Вряд ли они сразу перешлют мои данные по всем казино. Но если такое повторится раз пять-десять, могут и внести в общие списки. А что повторится? Слишком явно считал карты, видимо. Надо аккуратнее.

На следующее утро. Весь город лежал в тихом тумане. То ли это опустилось с неба, то ли поднялось с земли — от заводов и фабрик. Во сне было так же — никаких сюжетов, только перетекание по распыленному пространству. Открыл глаза — ничего не изменилось. В воздухе то же, что было во сне. И в окне.

Решил никуда не ходить. Голова не болела, но почему-то заставляла думать о себе как о болезненной. Будто боль где-то рядом. Сидишь, прислушиваешься к телу, ничего не болит. Но боль застыла рядом как пыль и при малейшем движении накроет. Поэтому лучше не двигаться.

На кухне суежилась тетя Марина. Сказала, что я слишком бледный, это, наверное, от «погоды». Нужно заняться медитацией, сейчас есть продвинутые методики.

Тетя Марина привела меня в комнату и посадила на диван. Сказала, что нужно положить руки на колени и расслабиться, а спину выпрямить. Она положила ладонь на мою голову и спросила, чувствую ли что-нибудь. Ничего, все как раньше, как во сне или в туманном дне. Только тонкий звон от посуды в серванте. Наверное, это тоже от погоды, посуда дрожит и производит этот звук. Мягкий и непрекращающийся. Как общий фон.

Из звона проявился шелест, распустился как цветок. Звон был ровным стеблем, а шелест — лепестками. Я начал считать карты.

Пусть и лепестки. Они идут в своем ритме, и их тоже можно считать, прикидывать, нагревается или остывает комната. Или даже не только комната. Это формирование погоды. Здесь все и происходит. Захотел спросить тетю Марину, колдунья ли она. Хотя можно не спрашивать, понятно, что да. Лучше задать более подходящие вопросы. Например, о книгах. Как так вышло? А иначе и быть не могло.

Когда произошло первое узнавание? Да вскоре после той свадьбы. Мы вернулись домой, я не мог отойти от впечатления, раскрыл одну из книг и увидел царевну. Я мог увидеть ее нарисованной на обоях или в каком-нибудь фильме. Возможно ли, что она на самом деле была ничуть не похожа?

Никто не знает, что такое схожесть, сказала тетя Марина. То, что сейчас за окном, и то, что сейчас внутри, — это все похоже или нет? Или одно и то же? Не надо задерживаться на этих вопросах, лучше пойти дальше. Алик и Митя. Здесь вопросов быть не должно. Это реально они. Алхимические ключи, с которыми непонятно что делать. Их нужно собирать, видимо. Найдутся двери, к которым они подходят, как в компьютерных играх. А сейчас нет смысла об этом думать.

Из большой комнаты донеслось: «Где я находил живое, там я находил и волю к власти». Так быстро наступил вечер. Толик начал свое представление. Мы перешли в комнату, сели слушать.

— Ты думаешь, политическая борьба — о распределении ресурсов?

Толик уже покачивался и крутил глазами. Реальный шаман.

— Нет, это о согласии с жизненностью.

Он проговорил множество слов как заведенный механизм. О гордости, радости и здоровье. Где мораль, где радость, где тяжесть? Через политическую борьбу проявляется особая жизненность.

А дальше Толик начал рассказывать про области. Главы областных администраций. Кто и где. Каждая область как простор, и за этим простором надо смотреть. Смотрящие контролируют движение воздуха.

Сейчас поставили Васю Винограда, и хорошо. Он придержит область и поделится, с кем надо. Вася Виноград. Сколько хорошего сделал. Всем. Нам, вам. Помню, сколько лет назад... Свадьба его сына была. Мы все съехались. Сколько уважаемых людей. Сидим с Васей и остальными. Тут дверь распахивается, входит невеста. Я аж задергался, какая сладкая девчушка, говорю Васе, где вы такую отыскали. Прикиньте, там весь зал сидел и слюни со стола вытирал, такая красоточка. Есть такие бабы, от них сок исходит и разливается, смотришь и не можешь ни о чем другом думать. Я тогда Васе сказал, что и завидую, и не завидую, с такими бабами жди проблем. Точно, так и вышло.

Что вышло? Кажется, это я спросил.

Ну как что? Нарисовался какой-то штрих, она с ним укатила. Вася все связи поднял, искал их, сын его лютовал, с братвой по городам катался.

Это же про меня. Я не мог понять, произносится ли это сейчас, было ли произнесено раньше, или сам договариваю это вслух. Это я приехал и ее забрал, мы скрывались, нас искали, как в том фокусе со специальной колодой.

А они будто растворились. И менты, и братки искали. И что за штрих, никто не понимал, как так четко к замужней телке подкатил и увез. И она не стреманулась, знала, что если найдут, кишки выпустят и съесть заставят. Не, покатила на легкости, на бабской надежде, невесть куда. Жалко даже ее, по глупости ведь. Все равно найдут и накажут. Дело времени. После такого лучше самим закопаться или внешность навсегда сменить, иначе никак. Да даже если внешность сменишь, все равно не поможет. Ведь целиком раствориться нельзя, какие-то следы да останутся, а со следами и все остальное. Ты не можешь исчезнуть — в этом проблема существования. Спрятаться полностью нельзя, все равно останется нечто, наблюдающее за тобой. Бытийность рядом. Она будет смотреть и тебя выдавать. Отражение в зеркале. Сидишь, скрываешься, как будто умнее остальных, а нет, все как в картах, все твои действия на самом деле понятны и просты.

Человек прячется от наблюдающего за ним мира. Мечется, ищет место, откуда его не будет видно. Где бы он ни спрятался, на него смотрят. Кто смотрит? Неважно. Кто бы ни смотрел, это оказывается обнаружением. Даже если не смотрит, но осознает. Такие спектакли занимают много часов. В конце концов кажется, что актер нашел место, где его не видно. Но все зрители смотрят только на него и осмысливают его уверенность. Никто не смотрит. А весь зрительный зал не в счет. Несколько часов наблюдали, как человек пытался укрыться на малом клочке пространства. Такой спектакль.

Эдуард Петрович улыбнулся, встал, посмотрел по сторонам. Завтра меня выписывают. Завтра вечером он не придет и не расскажет про спектакли. Или придет и расскажет, но уже кому-то другому, а я буду дома. Можно пойти попрощаться с любимыми местами, с лесом, рекой, секси-медсестрой, колдуном, рабочими железной дороги, связными, предсказателями. Дома меня ждет новая жизнь. Как много я узнал за последнее время.

7. НОВЫЙ ГОД

10 декабря. Вроде и зима, а в воздухе тепло. А на земле разлито так, что невозможно сухо ходить — ходишь по улице как по озеру, в любой обуви намокнут ноги, даже в высоких сапогах. Вся улица как

вытянутая грязевая ванна. Слышал, что раньше были санатории с грязевыми лечением, люди садились и обмазывались черной густотой — так сидели и исцелялись. У нас зимняя погода такая, можно бродить и лечиться. Если бы писал красивый роман, начал бы с фразы «зима была целебная».

Когда выстраивают новый район, наверняка сначала чертят план и располагают дома на листе как черточки или коробки. И вот, интересно, зашифровывают ли они послание в этом иероглифе? Они наверняка продумывают, как эти дома будет огибать ветер, откуда появится и где исчезнет солнце. А может такое случиться, что дома расположатся по схеме какого-нибудь древнего храма, с входами-выходами, жертвенниками, комнатами для дыма. Архитекторы могут прятать свои намерения, делать вид, что случайно рисуют карты. А там все будет совсем неслучайно.

Так и с нашими многоэтажками. Мне всегда казалось, что в них что-то зашифровано.

В этот день многоэтажки торчали из воды как гигантский тростник. Ласло сказал, что покажет что-то важное, надо забраться на последний этаж. Дом — из середины, рядом несколько таких же. Спросил его, почему именно этот, он ответил, что сейчас все объяснит, надо сначала подняться. Лестница пустая, серая, стены с идущей по изломам полоской, отделяющей краску от штукатурки. И

нигде никаких звуков, будто в квартирах все спят. Никто не ходит и не разговаривает по телефону.

Поднялись. Квартиры закончились, а наверху осталось одно окно, выходящее на двор. Ласло подошел к нему и замер.

Мы так простояли минут пятнадцать, потом мне надоело и я прервал молчание. Спросил, что мы здесь делаем. Мы смотрим. Хорошо. И что мы видим? В окне дом напротив — такой же, внизу непримечательный двор, заполненный грязной жидкостью.

Ласло сказал, что семь лет назад пришел сюда. Это был самый страшный день его жизни и он хотел выброситься из этого окна. Почему именно сюда? А не было никакой дороги, и слово «пришел» не совсем уместно. Был у себя, а затем сразу оказался здесь, а как шел — непонятно. Мог бы оказаться на последнем этаже любой новостройки, но почему-то оказался именно здесь. И простоял так долго у окна, представляя, как сейчас прыгнет из него и полетит по дождю. Там рядом со стеной мусоропровод. У него лежала растерзанная мягкая игрушка — серая лошадь, она практически сливалась со стеной. Есть же такие животные, смешивающиеся с общим фоном ради защиты. И в один момент она заговорила. Сначала шепотом, а затем во весь голос. И более того, весь подъезд поддержал этот голос эхом. Она не просто говорила, а звучала как общий гул. Первое, что она сообщила, это жуткие перспективы. Если ты сейчас прыгнешь из окна, то сольешься с грязным снегом, будешь

так же как сейчас все понимать, но не сможешь больше перемещаться, придется так лежать, растекшись по земле, и мыслить весь ужас существования. И сколько непонятно. Потом всосет вместе с остальной жижей невесть куда. Поэтому не стоит прыгать в окно. А дальше она сказала, что научит всему, объяснит, как устроено то самое существование.

Вспомнил, что на подоконнике в кабинете Эдуарда Петровича, рядом с экзотическим растением, сидел серый конь. Как будто отдыхал под пальмой после тяжелого дня. Можно даже не спрашивать, он ли это. И еще рисунок в книге — Ласло шел по темной дороге и увидел сливающуюся с дальними деревьями неподвижную лошадь.

Сколько суток тогда Ласло просидел на лестнице, слушая объяснения лошадки, он не помнит. После этого его забрали, отвезли. Кто-то заметил его и вызвал службы. Но того времени хватило, чтобы понять, как возникают и исчезают процессы, как рассыпаются причины, что такое «проявление», где хранится память. Как желания и воля проступают на стенах.

Ласло сказал, что здесь я могу хоть гадать, хоть загадывать, больше нет никакого безумия, а есть настоящая свобода. Не надо бояться, как выгляжу и о чем думаю. Некого бояться. Если есть что-то сокровенное, можно его приблизить. Почему именно здесь? Так вышло. Тогда я ответил, что есть одно желание, и оно касается той царевны из книги. Где она сейчас? Здесь. В смысле «здесь»? В этом

доме. Она здесь живет. А в какой квартире? В любой. Можно сейчас позвонить в любую квартиру, и там окажется она.

Меня словно выбросило из потока мыслей. Показалось, что это не бред, а скорее остановленные «иные интонации». Сейчас я могу выбрать этаж, квартиру на этом этаже, позвонить в дверь, и откроет она. Как это возможно? Примерно так же, как в многочисленных карточных фокусах, какую бы карту не вытащил, это будет нужная карта. Есть только видимость выбора, ты почему-то думаешь, что выбор совершается случайно, а все не так. И здесь так же. Выбор уже давно сделан: среди множества городов, домов, этажей и квартир.

Как там я говорил... Зачем вообще приводят детские воспоминания? Как распознать самое первое свое воспоминание? Нет, мое первое воспоминание — не празднование Нового года, а с месяц до этого. А может быть и 10 декабря. Я сижу и смотрю в окно. Там стройка, в воздухе плавают гигантские конструкции, строительные краны. Мама подходит и говорит, что это строят новый район, там будут многоэтажки, уже несколько домов готовы. Я машу строителям рукой. Кто-то высовывается из кабины строительного крана и машет мне в ответ. Вот этого явно не могло быть. Потому что эта стройка располагалась далеко, они даже если бы захотели, не увидели меня. Мама говорит, что мы можем забраться на уже построенный дом и посмотреть на наш район сверху. Мы идем, долго поднимаемся по лестнице, и оказываемся именно здесь.

Снова не могу понять, существовало ли то воспоминание до того, как мы поднялись на последний этаж. Кажется, что да. Воспоминания покрыты засохшей коркой, а когда эта корка срывается, они начинают ярко сиять. Да, мне два с половиной года, мама меня берет на руки, подносит к окну и показывает, как выглядит наш район сверху. Мне интересно и страшно. Так. Я же только в тринадцать лет впервые поднялся выше третьего этажа. По-крайней мере так казалось раньше. В общем, трудно понять, где находилось это «воспоминание»: в настоящей памяти или же оно создано и подселилось.

Никакого воспоминания не было, это резкий выброс неведь куда. Эта лестница, вид из окна, общая неподвижность — часть запутанной истории, внутри которой блуждают «иные интонации». И те триповые провокации про «новый дом». Как и прогноз погоды. Как и жидкий снег.

Ласло повторил еще раз, что могу выбрать любой этаж и любую квартиру. Могу позвонить в дверь, она откроет.

Когда и что я выбирал? Вообще по жизни. Может быть, ничего и не выбирал. Может быть, здесь в доме есть всего одна квартира, снаружи много дверей, а внутри все соединено, нет никаких стен, только лестницы между уровнями. Она сейчас ходит по этой бесконечной квартире и прислушивается, куда я иду. Она подойдет к

двери, откроет, и сложится впечатление, что я выбрал нужную квартиру. А квартира всего одна — огромная, извилистая.

Я спустился на пару этажей вниз, подошел к дальней квартире и позвонил. И в подъезде, и внутри квартир звучала музыка, или ветер, соединяющий все места. Послышались шаги. А дальше — звук ключа в замке. Никто не спросил, кто это, и зачем. Дверь распахнулась.

Если делать спектакль, в этом моменте можно поставить мерцающий свет, и создать застывшие в воздухе капли дождя. Чтобы возникло чувство остановившегося времени. Мысли связываются с дыханием, и есть попробовать ни о чем не думать, дыхание задержится, так и здесь. Нужно остановить то, что должно упасть, может это и не капля дождя, а кружащаяся пыль. Из музыки надо выбрать нежный хор, как будто поют не люди, и даже не ангелы, а само это состояние.

Дверь распахнулась. Она сделала еще один шаг навстречу и тихо спросила. Не кто я такой, нет, а где я был все это время, почему так долго не приходил. А потом мы слились в страстном поцелуе, прямо там, рядом с серыми стенами. Надо все это детально описать — каждое движение, прикосновение, и то, как весь подъезд превратился в мягкие заботливые ладони, бережно держащие нас в себе. Хотя можно ничего не описывать, сохранить эти ощущения как нечто скрытое и даже запретное. Когда ловишь мотылька, зажимаешь в ладонях, оставляя ему пустоту, чтобы нормально дышалось, подносишь к уху, послушать, как шелестит крыльями — кто-то

сделал это с нами, поймал и закрыл в полутьме, и спросил «вам хорошо?», конечно, хорошо. Даже если нас раздавят в это мгновение, мы не пожалеем о произошедшем.

Конечно, вы почувствовали, что. И наверное, подумали, что сейчас я окажусь в ординаторской, и это будет не Оля, а та секси медсестра, и все это предчувствие конца — не просто так. Мы займемся любовью, за нами сквозь решетки на окнах будут наблюдать больничные птицы, а после она мне откусит голову, как полагается. Да, что-то не то, конечно, все было не так. А где «было»? В памяти. Если бы нас расстреляли из калашей в то мгновение. Мы целуемся в подъезде, нас обступают четкие люди в черных одеждах и размазывают под звуки падающих гильз и грохот, разлетающийся эхом по этажам.

Нормальный был бы конец. Многие мечтали бы так закончить существовать. Но этого не будет, существование останется, как и тот мокрый снег. Лошадка все верно растолковала Ласло в тот раз. Мы останемся и будем ждать.

31 декабря. Волшебный новый год. Одна из самых безумных ночей вообще.

День начался как день. Проснулся поздно. Снилось, что еду домой на электричке. Было сложно выйти из вагона, что-то не пускало, а когда вышел, оказался за станцией. Возвращался к вокзалу по рельсам. Там было все красным, стояли вагоны без крыш, в них сидели люди — и вагоны, и люди красные. С вокзала направился к дому. Дорогу

перегородили, поставили непонятное сооружение типа турникета. Чтобы пройти дальше, надо сменить всю свою одежду. У кого нет сменной одежды, не может пройти. И раздеться, пройти голым, тоже нельзя, только в другой одежде. Начал копаться в рюкзаке, искать, во что одеться.

Днем встретил на рынке Химоза. Он реально засох и уменьшился. Как тело взрослого человека может так уменьшиться? Кости вжались в себя, лицо почернело. Химоз сказал, что сегодня все собираются на хате встречать новый год, там много новых людей и зря я так давно не заходил. Нас с Ласло часто вспоминают. И Митю, и Алика. И Митя к ним иногда заходит, появляется в зеркалах в трюмо, его уже несколько раз там видели, и рюмки тряслись в тот момент, он типа так с ними разговаривал. Хату уже раз пять запечатывали, приезжали менты, всех накрывали, затем снова начиналось, менты устали, запутались, кого арестовывать и зачем. А еще на хате теперь часто бывает Костя Филин. Да, я его раньше встречал на районе. Его называли Филином из-за головы и глаз. И непонятно, что не так. Вроде нормальная голова, чуть крупная, и глаза как у всех. Но когда он смотрел, чуть задерживался взглядом, а затем резко перемещался. Получалось как-то не по-человечески. Раньше его часто колотили Митя и Алик. Один раз видел, как после дискотеки они вдвоем его добивали ногами, приговаривая, что не надо так смотреть. Он злился, шипел на них, плевался, огребал еще больше. А последний год Филин поднялся на районе, связался с людьми из центра и стал приторговывать травой, смолой и еще чем-то.

Химоз по-быстрому рассказал смешной случай, что один раз, когда Митя появился в зеркале, Филин вскочил и начал туда плевать, как бы мстя за прошлое. Тоже можно кино снять. Сначала кадр, как Митя с локтя пробивает Филину за то, что тот не так смотрит, а затем кадр «мсть» — Митя появляется в зеркале, трясутся рюмки, и Филин во все это гневно плюется.

Вечером зашел за Ласло. Его семья явно обрадовалась, что я забираю его и они смогут нормально встретить новый год.

Как город создает праздничное настроение... Все эти северные олени на витринах, деды морозы, снежинки. Они не меняются год за годом. Летом хранятся на складах, а затем достаются и выставляются. Ласло сказал, что год назад здесь были те же самые картинки, кроме одной, где гномы. Дед Мороз сидит на санках, олени запряжены, они готовятся куда-то поехать, а гномы торопятся, грузят подарки — коробки с ленточками и мешочки. Деда Морозы — как камни или деревья, не реагируют на человеческую жизнь. Что бы ни происходило, они появляются в конце декабря как зимние грибы и поздравляют с одним и тем же. Спросил Ласло, что тащат эти гномы, он ответил, что «ничто». Там нет послания или кода. Гномы пусты, как и их подарки.

На хате были новые люди, почти никого из них не знал. Химоз всех представил. Филин со своим корешем явно всем заправляли. Еще

были две девушки в нарядных платьях с блестками, они организовывали стол — все как в семейных праздниках, с салатами и горячими блюдами. Будто это не хата, а застолье с родственниками. Сейчас еще телевизор включим и посмотрим с легким паром, затем послание президента, торжественно встанем и скажем «с новым счастьем». Кореш Филина подскочил ко мне, сказал, что его зовут Лешей Трубой, что наслышан, и если понравилась одна из снегурочек, могу не стесняться. И еще, что они с Филином начали делать нормальные дела, и можно вливаться.

Хата не изменилась по расположению вещей, но изменилась по запаху. Диван, шкаф, тройное зеркало — все такое же, как и в первый раз когда зашли. Тогда все пахло пылью и сыростью. Митя сказал «добро пожаловать», мы зашли, поскрипели. Позже начало пахнуть варевом с кухни. А теперь. Запах постиранных простыней или хлорки, отдающий больничными темами. Будто кто-то регулярно прибирается, стирает и сушит белье, живет полноценной жизнью.

Труба скомандовал, чтобы все рассаживались и угощались. Хорошая компания, волнительный вечер. Мы с Ласло сели к окну, дальше всех от входа. В этот момент зашли еще двое. Человек с отевающимся лицом и женщина. Труба обрадовался и прокомментировал их появление «о-о-о-о, какие люди». Они зашли, сели напротив. Я реально не сразу ее узнал. На вид ей было лет сорок, не меньше. Как будто для нее год это не год, а десять лет.

Покрашенные-перекрашенные волосы и почерневшее худое лицо. А

ее тело чуть трясло, как при постоянном ознобе. Было видно и по рукам, и по лицу. Света на меня игриво посмотрела и улыбнулась.

Все равно она была прекрасна.

Я поглядывал на отекавшего с ревностью, хотя из-за чего ревновать? Они просто пришли вместе. Не исключено, что Света каждый день приходит куда-то с кем-то, у нее своя жизнь и она ее быстро проживает. Если мы встретимся через год, ей будет на вид пятьдесят, а еще через год наверное уже вообще не встретимся. Но все равно она прекрасна.

Она играла взглядом и задевала меня как будто случайно. Это похоже на движения внутри отражений. Когда подвижный воздух видится в комнате, на стене или потолке. Все это смущало. Конечно, незачем смущаться. Сидим и смотрим друг на друга, никто не помнит, что раньше было, и было ли вообще.

Труба резко объявил, что начинаем праздновать. Будем играть в похороны. В смысле? По очереди представлять, что кто-то из нас умер, мы сидим на его похоронах или поминках и толкаем речи, каким был этот человек. Только честно, как на самом деле бы говорили. А после этого начнется волшебный новый год. Одна из девушек сказала, что это мрак, и в такое играть — портить себе праздничное настроение. На это Света ответила, что такая игра — самое то. А что еще делать? Можно укуриться и воткнуться в какой-

нибудь видос, и сегодня ничем не будет отличаться от вчера. Разве никому не интересно, как пройдут поминки, когда он отлетит.

Начали с Филина. Я с грустью сказал, что плохо его знал и сожалею, что не смог при жизни оценить его достоинства и человеческие качества. Филин сидел и напряженно выслушивал всех по очереди. Отекший в своей речи сказал, что наверное сейчас Филин летает вместе с ночными птицами над темным миром. Филин подумал, что тот издевается, вскочил и ответил, что отекший сука сейчас сам полетит, прямо здесь. Представить такое: что тебя всю жизнь стебут за то, что неправильно расположены глаза на голове, и вот, умер, и нет глаз и головы, все закопано, а едкие подколы продолжаются. Как неправильно? Все же правильно, все как у остальных. Труба выступил в свою очередь, сказал «спокойный был пацан», чем вызвал еще больше хохота.

Следующим был отекший, а потом очередь дошла до меня. Все замолчали и уставились. И стало реально не по себе, как будто и правда поминки. Труба повторил то же, что и про двух предыдущих: «спокойный был пацан». Наверное, это по принципу: говорить о других то, что хочешь, чтобы говорили о тебе на твоих поминках. Конечно, когда дойдет очередь до Трубы, все это и скажут. Ласло отстранился, прижался к стене и закрыл глаза, ничего не захотел говорить. Химоз толкнул торжественную и трогательную речь, как вел один раз меня избитого с дискотеки, как мы поражались жестокости мира, и заключил, что человеком я был добрым, и жаль, в

общем, что так. Света посмотрела на стол как на крышку гроба, сказала «я его любила» и засмеялась. Остальные тоже засмеялись, все, кроме Ласло, а меня физически встряхнуло, я дернулся от внутреннего разряда. От кончиков пальцев по всему телу пробежала холодная волна. Надо тоже рассмеяться, а никак. С телом стало явно что-то не то, да и не только с телом, все восприятие изменилось. Уже знакомое состояние. Ты видишь свой взгляд и чувствуешь, как формируются детали. Все неспешное и понятное.

Труба прервал смех вопросом «Кто ел салатики?» Тоже вроде все, кроме Ласло. Поздравляю, скоро наступит новый год. Труба сказал, что сегодня утром они с Филином купили десять марок котов и решили устроить этот волшебный новый год. Порезали и покрошили в салатики. И скоро всем станет хорошо. Теперь надо включить телевизор и посмотреть поздравления артистов. Коты — самые плотные. Снегурочки — самые красивые.

Причины — как пузыри на ложке, лопаются и склеиваются в больших себя. Они скапливаются, перемещаются, застывают, исчезают. Все эти чередования дня и ночи, открытых и закрытых глаз, могут происходить из-за смущения. Смущение иногда переходит в стыд. Слишком сильно закрыл глаза и стало стыдно. Не будет смущения, не будет чередования, и все совсем устанут. И зачем я все это проговорил? Надеюсь, не вслух. Еще интересно, где находится человеческая свобода, когда все зажато смущением. И

почему мы не выбрали музыку, под которую проходят поминки. Каждый мог выбрать для себя. А мы упустили возможность.

Когда подумал про свободу, с потолка пошел снег, или не снег, а пух как от деревьев. Или это такие комки пыли, кружащиеся, заполняющие собой всю комнату. А пыль связана с памятью места, через нее запоминаются события. Место помнит о том, что в нем случилось.

Те книги стояли как раньше. За все это время никто их не раскрыл. Я могу встать, подойти, взять их, перелистать, найти все необходимые изображения. И 17 сентября. Там будет нарисовано озеро и два силуэта — молодой девушки в длинном свадебном платье и ребенка. Наверняка будет нарисовано и происходящее сейчас. Как мы сидим за столом и играем в похороны, встречаем новый год. Это может оказаться сказка, трактир, путники остановились, чтобы напоить коней, сели отдохнуть. И наши лица. Вместо Филина большая птица. Я могу встать, подойти. Только это не более, чем ощущение воли, на самом деле не могу, потому что это тяжело.

Отекший сказал, что не находит слов, чтобы нас всех поздравить с новым годом. И добавил, как же нам всем повезло. Проживать такую жизнь — это везение.

Не отметил даже, когда включили телевизор. Он мерцал и монотонно проговаривал непонятные вещи. Артисты поздравляли с праздником.

Появился известный певец в блестках, гирляндах как из фольги, сказал, что посвящает песню всем нам. В этот момент все сошлось. Конечно же, это был тот самый певец со свадьбы, с той же песней. Спросил Ласло, какое сегодня число, он не ответил, переспросил его, сегодня же 17 сентября, и по его виду понял, что да. Мы на свадьбе.

Мы на свадьбе. Только что вошли и сели отекший и Света. А это не они. Это тот человек без лица и Оля. Теперь-то можно их разглядеть. Все торжественное и радостное. Сколько здесь столов? Наш. Еще много в телевизоре, еще отражения в зеркале — и нашего, и других. Их сложно сосчитать, это целый банкетный зал с множеством столов и людей.

Ласло молчал. Мне хотелось сначала спросить, как вышло, что Света так быстро изменилась и стала Олей. А затем решил, что не надо ни о чем спрашивать. И так хорошо. Те две снегурочки стали ее служанками: Светой и Ирой. Все сошлось.

Ласло безмолвно объяснил происходящее, он просто посмотрел и все стало понятно. То, что происходит, касается не только «сейчас», а пронзает всю историю. Это не 17 сентября, а вневременное переживание, способное воплотиться в разных моментах. Это никакое не воспоминание, а то, что было «до» формирования памяти. Сколько мне лет? Я не могу ответить на этот вопрос, во мне нет возраста как такового. Я могу совершить волевой акт. Он исправит и прошлое, и будущее. Надо лишь осознать, что это моя свадьба.

А это моя свадьба, в этом нет никаких сомнений. Проживать такую жизнь — действительно, везение.

За окном темно. Наверное, солнечное затмение. Не могла же наступить ночь. Сейчас я подойду к ней, мы начнем танцевать, а все вокруг станут шептаться «какая красивая невеста». Ведь все эти годы я о ней только и думал. Не было ни одного дня, да не то, что дня, а даже мгновения, когда она не была бы в мыслях. Даже если и думал о другом, она все равно присутствовала. Как постоянное ощущение чистой и нежной жизни, как предчувствие радости и оправдание существования. Ведь не так просто оправдать существование. Требуется особая мелодия, проходящая через все моменты, леска, на которую нанизывается данность, и благодаря которой вся мыслимая реальность не рассыпается на бессмысленные фрагменты. И что произойдет «сейчас»? А все те мгновения, когда я думал о ней, сольются в одно, и существование наполнится непреходящим смыслом. Что бы не случилось «после».

Я подошел к ней, взял за руку, она встала, положила голову мне на плечо, так, обнявшись, мы соединились в медленном танце. И неясно, что и кто говорил, кто и как смотрел, что звучало. Ничто не удивляло и не волновало. Мои губы соединились с ее губами, и как только это случилось, исчез пол под ногами, и даже больше — тело перестало осознаваться, мы превратились в нежные переплетающиеся волокна, парящие в воздухе. Может быть, мы упали на диван, и момент

падения растянулся на столетие. Это неважно. Дрожащий мир держится на таких прикосновениях. Парение создает ткань, содержащую реальность. И оно не должно заканчиваться. Если уже обстоятельства допустили такой ход событий, он может стать вечным. Вечность как сливающиеся повторения. И, что радостно, невозможна никакая смерть, никакое прерывание, потому что происходящее находится не во времени. Да и вообще мысли о времени неуместны «сейчас».

Когда я открыл глаза, за окном было уже светло. Я лежал на диване. Шея и задняя часть головы ныли как мышцы при растяжении. Света сидела рядом и улыбалась. Посмотрел по сторонам. Еще Ласло, он в том же углу, где и вечером. Спросил, что произошло. Света рассмеялась, а Ласло ответил, что мы с ней целовались часов пять подряд, пока я не уткнулся головой в диван — уже полдень, надо делать что-то. Все хохотали, глядя на нас, а затем разошлись. Ты ничего не помнишь? Помню, конечно. Даже Митя заходил. Встретили Новый год.

Света попрощалась, сказала, что еще увидимся, встала, помахала рукой. Как будто села в поезд прямо в квартире, он тронулся, а она улыбнулась напоследок в удаляющемся окне. Это первое января. Начинается год.

8. Пустые квартиры

Через пару дней надо вернуться в Москву. Не успел рассказать, как стал студентом. Толик действительно все организовал. Меня зачислили. Правда, я появился там всего пару раз. Огромное, даже бесконечное, здание, с лестницами, окнами и потоками людей. Сложно представить, что все они заботятся о знаниях. Скорее как закрытый город, в котором выживают как могут. Что они изучают? На двух лекциях я ничего не понял, решил не ходить. Там быстро нарисовался студент со связями с преподавателями. Он четко обозначил нужную сумму, сколько стоит сдать сессию. Не так уж дорого. Зачем ее сдавать только непонятно. Но мама и отец почему-то восприняли известие о моем студенчестве с необычной гордостью, чуть ли не со слезами радости. Особенно удивил отец, прекрасно понимавший, как все это устроено. Бывший сокамерник Толик позвонил куда надо, меня зачислили. Но все равно он смотрел с гордостью на сына-студента. Учись, родной. Как это мило и нелепо. Если посмотреть на гигантский универ и людей, перемещающихся по коридорам и лестницам. Взять любого, у него найдутся родители, с трепетом хранящие чувство, что их ребенок учится на кого-то в Москве, сможет в будущем прикрепиться к какой-нибудь конторе и выжить. Даже неловко.

Но в пребывании в Москве было и интересное. Толик поселил меня на большой квартире в Черемушках, вместе с... невесть кем. Кого там

только не было. Помощники депутатов, бандиты, менеджеры, спортсмены, просто молчаливые непонятные люди. Всего пять комнат, в каждой по несколько коек. Как дневной и ночной штаб околуполитической деятельности. Люди все время менялись. Можно было прийти утром на кухню, сесть и познакомиться за завтраком с новым человеком. Меня Толик представлял всем просто как «студента». А что этот студент здесь делает, как он сюда попал, никого не интересовало. А выполнял я простые поручения: привезти-увезти бумаги или сумки, передать, забрать, и не спрашивать ни о чем лишнем. Главное — честность.

5 января. Вернулся в Москву. В дороге считал деревья, покрытые белым мхом. Интересно понять, где находится миллионное дерево. Начиная с дома, заканчивая вокзалом в Москве. Хотя бы примерно. Их можно считать не раз-два-три, а ритмическими кусками, пропуская по сотне.

Чем я еще занимался осенью? Придумал такую практику развития памяти. Ходил день по городу и запоминал номера машин. Вечером составлял список номеров, встреченных днем. И еще крутил карты. Не играл, а просто мешал разными способами, сочиняя новые методы тасовки. Это превратилось в привычку типа курения, постоянно хотелось что-то вертеть пальцами. В казино сыграл всего пару раз, там началась неприятная волна, кто-то нашептал, что играют счетчики, стали менять правила, делать невыгодными для чистой игры. Можно играть часами и выходить лишь в мелкий плюс.

Зашел в свою комнату, бросил сумку рядом с кроватью, прошел на кухню. Там оказался человек на вид лет шестидесяти, с короткими волосами, жестким лицом. Когда я вошел, он уставился на руки. А у меня были карты. Сказал, чтоб я сядился и раскладывал. Можно в буру, можно в дурака, во что хочу. Мы сыграли пять раз в буру. Я проиграл все пять раз. Причем даже не понял, как это случилось, ему просто повезло. Он посмеялся, зыркнул и спросил «а ты кто». И в этот момент я вспомнил, что видел уже его. В книге военных рассказов. Старый вояка, сидящий в окопе. По небу летели самолеты врага, а он зорко наблюдал. Ответил ему, что Руслан, студент. У него черные скулы, а глаза блестящие и немного жуткие, взгляд как сверло. Вроде и не дед, тело жилистое, крепкое. Что здесь делает студент? Так, просто живу. Так просто тут не живут. Мне повезло, на кухню зашел Толик, сразу меня представил, сказал, что я сын Вовы Инженера. Человек хлопнул руками по столу, встал, оглядел меня с разных сторон и ответил, что сам мог бы догадаться.

— А это Мазай.

Так я познакомился с Мазаем. Про его прошлое лучше не знать. Из самого его вида высвечивался какой-то невообразимый опыт, с первого взгляда можно определить, что он наверняка полжизни провел в заключении, а остальные полжизни тоже потратил не просто так. И еще это самый внимательный человек, из всех, кого когда-либо

встречал. Каждое мгновение он смотрел не впустую в воздух, а в ситуацию, в людей. Как так жить и не уставать?

Если кто-нибудь подкрадется, пока Мазай спит, он откроет глаза и спросит, чего тот так громко ходит. Он постоянно подключен к происходящему, сосредоточен на мелочах.

Толик кивнул, типа мне можно доверять.

Общение Мазая и Толика впечатляло. У них был свой язык, свой ритм, и непонятно, когда они говорили серьезно, а когда дурачились. Они купались в языковых потоках, намеках, понятных только им жестах.

Мазай мне сказу же сказал, что с картами напоказ я выгляжу как дятел на столбе, если занимаюсь картами, никто вокруг об этом не должен знать. Попытался ему возразить, что просто так их кручу, для развития пальцев, на что он ответил, что крутить просто так можно свой болт, а карт если касаешься, надо это делать с толком.

Если бы Мазай был красноармейцем, как в книге, он бы знал про войну все. Где прилетит, где взорвется. Разбирался бы во всех причудах и приблудах. Кстати, когда я приезжал в Москву, книги привозил с собой, на всякий случай. На какой именно случай — непонятно, но лучше, чтобы они были рядом.

10 января. Проснулся от истошного крика. Прямо в моей комнате. Человек сидел на кровати и вопил так, будто с него сдирали кожу. Забежал Мазай, стал бить его по щекам, приговаривая «бродяга, братка, заткнись, сука, ты не один здесь, дорогой, давай-давай, гляди глазами, ты в Москве, никого нет». Он замолчал, затем снова завопил. Мазай шлепнул его ладонью с приличной силой, отчего он вздрогнул и пришел в себя. Ну, что ты студента напугал и всех нас перебудил? Включили свет. Человек еще минуту испуганно побегал глазами по комнате, и извинился.

Утром пересекся с ним на кухне и спросил, был ли он на войне. Он сразу ответил «нет, конечно», а затем рассказал о том, как его другу оторвало голову как в цирке, как в фокусе: есть голова, а вот ее и нет. Хлоп, и все. Он хлопнул в ладоши и заморгал красными глазами. И еще рассказал, как подорвали располагу. И как надо было выходить из оцепления. И еще как там кто-то ходил и поедал пространство, когда он подбирался близко, нечем становилось дышать. Хотел спросить, что это было, если не война, но как-то постеснялся.

Мазай позже объяснил, что он контуженный. И хорошо разбирается в картах, но не наших игральных, а топографических. И вообще, Толик пригрел неплохую компанию.

20 января. Сдал сессию. Недорого. Поговорил с двумя преподавателями. Измученные, истерзанные жизнью люди, слабые и нервные. Есть разные виды власти. Власть застывшая и власть

подвижная. Универ, все эти беспомощные препода — часть застывшей власти. А Толик — часть подвижной. И та, и другая, мне не особо интересны. Застывшая сильна тем, что была «до» этого момента, что сложилась давно и явно останется надолго. И все эти беспомощные люди перестают быть такими, как только вспоминают о своей принадлежности и статусе. Подвижная сильнее сама по себе, но ее может не быть завтра.

Куда интереснее искать алхимические ключи, как это делает Эдуард Петрович. А еще мне интереснее тасовать колоды, чем играть.

Каждую тасовку можно назвать своим именем, посмотреть, как они соединяются, как одна карта проделывает настоящее путешествие по запутанным местам. Есть тасовка «корзинка», при ней верхняя карта перемещается примерно десятой вниз. При тасовке «звезда», верхняя карта остается на своем месте, а нижняя становится второй сверху.

Есть много фальшивых тасовок, при которых карты не меняют положения, а когда смотришь со стороны, кажется, что все перемешалось.

22 января. Вчера под ночь пришел бухой Толик с тетей Мариной и устроил спектакль. Где он находил живое... С этого началось, на кухне. Мазай пояснил, что эта речь у него как нервный тик, от нее не избавиться. Он напивается, и эти темы из него сами изливаются, хочет он того или нет.

Толик сказал, что его, конечно же, замочат, пристрелят, когда будет выходить из тачки. И показал, как будет падать, лежать, смотреть в небо. И ничего в этом страшного нет. Главное — соединиться глазами с небесными блестками, когда глаза закроются, эти блестки останутся и заберут к себе. Мазай это все едко прокомментировал, типа надо не промахнуться, и вместо неба не заглянуть в зенки проходящей мимо собаки, а то втянет и придется дальше бегать и чесаться.

Толик лег на кухонном полу, раскинул руки и сказал, что не жалеет ни о чем, что не был гнидой, и пусть мочат. Тетя Марина на это ответила, что никто его не мочканет, сам дожрется и однажды захлебнется блевотиной. Толик недовольно зыркнул и замыкал. Как гигантский растекшийся кот. Мазай подошел ко мне и со смехом добавил: «вот, гляди, студент, это наше правительство».

Лежащий и мяукающий Толик, в пиджаке, галстук, белой рубашке, выглядел и мило, и жутко одновременно. Интересно, что бы Ласло сказал, увидев такое. Наверное что-то вроде «ему требуется дневной сон» или «налейте ему молока».

23 января. Картограф сказал, что на войне все люди превращаются в птиц, и видят местность вокруг себя по кругу. И все карты боевых действий похожи друг на друга. Будь то древнее скандинавское сражение или подавление повстанцев в современной Азии. Он показал книги со схемами, с перемещениями, стрелками. Похоже на

алхимические ключи. Здесь подорвали колонну, здесь были большие потери. Все красно-черное, перечеркнутое. Детальные карты, двести метров в сантиметре, со своими обозначениями, кодами, деревьями, речками. Эдуард Петрович точно бы заинтересовался.

24 января. Еще во сне понял, что произойдет что-то необычное. А может и тяжелое. Снились обрывки разговора с Картографом — карты со стрелками, лесами, движениями. Как будто то, что мы делаем в данное мгновение, кем-то рисуется и нам же сразу показывается. И все наши движения можно предсказать. Карта комнаты, мои перемещения, взгляды в окно, даже то, как лежу на кровати, нарисовано. Смотрю на эти рисунки и пытаюсь из них вырваться, придумать движение, которого там нет, и ничего не получается. Тело как будто закреплено и зажато конкретными действиями. И не только тело, но и мысли. Даже мысль о том, как вырваться из нарисованных карт.

Да, 24 января стал одним из ключевых дней. Снова все можно разделить на «до» и «после». И этот день — как вязкая граница, через которую переходишь в болезненном бреду, ничего при этом не понимая.

Утро было белым и спокойным. Можно описывать то, что виднелось за окном, чем пахло, откуда доносились шорохи. Но это не важно.

В одиннадцать утра решил, что никуда не пойду, а засяду смотреть боевики по виду. На хате валялось много новых кассет.

Никого больше не было, все ушли по работам и заботам.

В полдвенадцатого, когда сидел и смотрел про китайские разборки, послышался звук поворачивающегося ключа в двери. Как раз кто-то кому-то разбил о голову старинную вазу. В китайском квартале Нью-Йорка. Этот звук растянулся в слухе как долгий напряженный звон. Это могло происходить несколько секунд, но показалось, что совершается важное действие, и восприятие дает возможность остановить все вокруг и задуматься. Кто зайдет? Да кто бы ни зашел, чего бояться. Дело не в страхе, а в непонятном натяжении момента.

В коридоре послышался голос Толика и смех Мазая. Я выдохнул. Непонятно, чего так напрягся. Затем шаги. Еще шаги. Человек пять. Все зашли на кухню. Я тихо подошел к двери, ведущей в коридор и прислушался. Ничего необычного, гости Толика. Часто кто-то приходит. Минут через десять решился зайти на кухню, как бы случайно.

Гости как гости, усталые и молчаливые. Когда-нибудь так изобразят бандитов нашего времени, и это покажется смешным. Все эти черные прикиды и застывшие взгляды. Толик посмотрел на меня, сказал всем «а это студент», никто особо не отреагировал. Мазай сел напротив

одного из них и прошептал «успокойся». Успокойся и нормально существуй.

— Витек, Витек, не дрожи и не нервничай. Поможем, само собой, и ни от тебя, ни от твоего бати нам ничего не надо.

Толик добавил, что всю дрянь типа травы или гаша не котирует, только бухает, но может гостям надо расслабиться, а то от их напряжения общее настроение портится.

— Студент, есть что дунуть?

Мазай зыркнул, я ответил, что ничего нет. Откуда? В этот момент мы зацепились взглядом с одним из гостей, с тем, напротив Мазая, и мне показалось, что знаю его. А откуда я могу знать заезжих бандитов? Встречал его у Аладдина и дяди Сережи? Все эти хмурые люди похожи на черные ветки в отсыревшем лесу. Они все время чего-то ждут. Они ждут рассвета, времени, когда смогут раскрыться как яркие букеты или облака на горящем небе.

В воздухе на кухне крутилась золотистая пыльца, намекающая на то, что все это может оказаться сном. Освещение как во сне, без видимых ламп, чисто подсвечивание изнутри. Но это никакой не сон, и в воздухе не пыльца, а пыль. И этот человек — тот самый без лица, жених, 17 сентября. Как только это понял, застыл, почувствовалось, как внутри все леденеет, заливается холодной водой. Мазай увидел,

что я изменился в лице, подумал, что это из-за того вопроса про траву, засмеялся, отметил, что неспроста я позеленел.

Наконец-то смог его рассмотреть. Действительно, незапоминающаяся внешность, будто взяли, спрессовали тысячи людей, и вывели среднего, неприметного. Если внимательно посмотреть на любого человека, найдется что-то смешное, нос или форма головы, какая-то нелепость в голосе или походке. А у него все нормально. Походка наверняка тоже, он скоро встанет, пойдет, не хромя, не заваливаясь. Его глаза всех цветов одновременно, волосы и не темные, и не светлые.

Толик добавил, что поможет, что здесь все по-людски и нечего переживать.

— А ты точно знаешь, что она в Москве?

От этого вопроса меня тряхнуло еще сильнее. Можно даже не слышать остальной их беседы, все понятно из одной этой фразы. Как все же это похоже на сон или приход, или на спектакль. Может, они выбрали зрителя, и разыгрывают наперед заученные сцены, смотрят, как я реагирую и внутри себя смеются. Ждут, что я сейчас не выдержу и спрошу «а где именно в Москве?» или «а как ее найти?». Мазай тыкнет пальцем и с хохотом скажет «а, вот ты и спалился, а мы ждали, когда вскроешься». Из комнаты выйдет Эдуард Петрович и

прокомментирует. Этот сюжет популярен на островах Фиджи, его знают все с детства.

Нет, конечно же. Это объективная реальность. И если это спектакль, то не только для меня, но и для них тоже. Мы все можем оказаться зрителями разыгрываемой драмы. Толик добавил, что им лучше заселиться в гостинице, отдохнуть, а к вечеру снова встретимся и потолкуем о делах.

Когда гости ушли, Толик со смехом замотал головой.

— Прикинь, студент, это сын уважаемого человека, ищет свою телку. Она сбежала, и теперь где-то здесь гасится.

Мазай добавил, что дело — канитель, тянется и не развязывается. Не движняк, а порожняк. Уже все в курсе, а Витя на принципе. Хочет найти и наказать. А как он накажет — его дело. Как бы ни наказал, никто из людей не осудит. Конечно, надо помочь, если в Москве зашкерилась со своим ебырем, надо достать. Тут хоть на вид город просторный, но все друг друга знают, так просто не залечь. Или по области — везде свои люди. Вообще в мире беспокойно, если ты сидишь и таишься, то внимание к себе не меньше привлекаешь, чем если бы бегал и кричал. Надо только понимать, куда смотреть.

Спросил, а что этот Витя сделает, когда найдет. Убьет? Мазай ответил, что их отвезут в лес, там они сами выкопают яму, их туда

торжественно поместят и объявят их последнюю еблю. Так они и перейдут в царство мертвых, через любовь. Или не так. Благословит их Витя, чтобы жили долго и счастливо, а сам сольется. Или еще что-нибудь. Да какая разница, что он сделает, эта баба его публично опозорила, ему решать, что делать. Надо сначала найти, но это дело времени.

День прошел в невесомости, без ног и вообще тела. Мысли остановились, а комната превратилась в теплицу с натянутыми целлофановыми пленками. За окном падал то ли снег, то ли свернутые комки бумаги или листья чая. Или подбитые птицы. Казалось, что это наша старая хата, и здесь сидит Ласло. Спросил его, что он думает по поводу всего этого. Он ответил, что ничего особенного не произошло, так и должно быть. А что мне делать? А ничего. Нас привезут в лес, закопают живьем, но ничего страшного не произойдет. Если посмотреть на всю мою жизнь и прикинуть, что в ней было хорошего. Останется то чувство к Оле, ну еще немного памяти от встреч со Светой, а больше ничего. Во мне нет ничего, что можно было бы жалеть, а то чувство находится не во мне, а везде, поэтому привезут в лес — так привезут. Я ее обниму, мы застынем в ожидании. Жалеют об упущенном или несбывшемся. А я тут при чем? Такие как я — тоже как грибы, может и не совсем черные, скорее бледные и дохлые, застилающие собой лесные поляны. Нас незачем жалеть. Правда, Ласло? Никакой жалости. Химоз сказал осенью, что если Продиджи в следующем году приедут в Москву, он тоже подтянется. Мы придем на концерт, поднимем руки, будем

скакать и гудеть как неразумные животные. Ходят слухи, что в этом сентябре приедут. А пока тишина и пленки, перегораживающие всю комнату, зрение и слух. У меня интересная жизнь все же.

Кажется, я просидел часа четыре, не шевелясь. Или даже больше. Стемнело быстро, как обычно зимой. Серое тесто плавно перемешали с черным шоколадом, все почернело. Даже не заметил, как перестал видеть вещи в комнате. Может даже уснул сидя, и упустил разницу между тем, что внутри закрытых глаз и всем остальным. Вроде никого не было. Тишина и легкий звон. Снова послышался тот же звук ключа. Те же шаги.

Доносились лишь обрывки разговора, смех и язвительные комментарии Мазая. А в один момент все замолчали. Даже не просек, что меня это касается. Мазай резко открыл мою дверь, я дернулся.

— Ну что, уши греешь?

Я задрожал и даже если бы захотел что-либо ответить, не смог бы. Из всего тела дрожь собралась волной в губах. Но Мазай захохотал и сбросил тем самым напряжение.

— Подгребай к нам, студент, есть темка.

Мазай привел меня на кухню, стукнул по плечу и объявил «вот». У меня снова в глазах все рухнуло и закрылось. Видимое занавесили. Показалось, что сейчас-сейчас потеряю сознание. Мазай продолжил.

— Короче, темка такая. У америкосов есть шняга. Они ленятся в магазины ходить, заказывают по телефону. Им приносят пиццу, пюре, суки такие. Звонишь, говоришь, принесите хачапури. Тебе привозят прямо на хату. Они сидят, жиреют. У нас такой чепухи еще нет, но никто не знает, что ее нет.

Все внимательно слушали.

— Ну вот, а кто приносит хавку за бугром? А студенты типа Русланчика.

Все посмотрели на меня.

— Такие шкеты и приносят. Мелюзга. Ясно?

Толик покивал.

— Короче, он и будет по адресам ходить. Никто ничего не просечет. Если вы подъедете, сходу распугаете видом, просекут и схоронятся, а если студент... Типа доставка еды. Какая еще доставка? Свежее пюре заказывали, нет? А, ошибся адресом. Пюре, ссука... слово какое.

Толика тоже рассмешило слово «пюре». Они с Мазаем заготовили как задорные чайки.

Человек без лица достал фотографию и протянул мне. Спросил, все ли я понимаю. Я постарался скрыть волнение, быстро спрятал фотографию в карман, чтобы не заметили, что у меня трясутся руки. Ответил, что все понимаю, пойду по адресам разносить еду, и если ее увижу, сразу же им сообщу. Мне дали длинный список адресов. Родственники родственников, кореша корешей. Надо начинать уже завтра. Сам могу распределиться, куда сначала, куда потом. Если открывают дверь, просто говорю, что заказывали еду, а дальше делаю вид, что перепутал адрес и не знаю, что делать, могу им оставить, если оплатят. Никто не станет оплачивать. Каждый вечер буду рассказывать, не было ли чего подозрительного, например, может кто-то слышался в квартире, но дверь не открыли. Шаги, шорохи, голоса. Да, все сделаю, ничего сложного.

В моей комнате никого не было. Картограф часто пропадал на несколько суток, затем появлялся и ложился, глазами в потолок, без сил и слов. Я сел на кровать, достал фотографию. Из окна шел дрожащий свет от фонаря, комната заполнялась диковинными диафильмами. По стенкам двигались непонятные очертания. То ли ветки, то ли лестницы с торчащими кусками арматуры. Поцеловал фотографию, затем поднес ее к щеке, прижал, закрыл глаза. Она ничуть не изменилась. И я тоже. Нет никаких изменений, есть мрачный диафильм на стенах и городская музыка, дергающая

тишину. Город никогда не молчит, всегда шипит и шепчет. А если зажать уши, начнется гул и звон — еще громче. Завтра мы можем встретиться.

Перебирались всевозможные варианты нашей встречи. Воображение рисовало извилистую лестницу, ведущую на верхние этажи дома-замка, я взбирался, стучал в дверь, сообщал, что доставляю еду по адресу, она открывала, мы оставались стоять и смотреть друг на друга. Говорил ей, что пришел за ней, нам надо срочно уехать, неважно куда, она собираела вещи, мы выходили и бежали. Мы будем жить и скрываться, я смогу зарабатывать, буду играть в хороших казино. Или спрячемся в другой стране. Или по-другому. Она открывала дверь, смотрела и не понимала, откуда меня знает, вглядывалась. А ты кто? Ну как, кто? Что я узнал от Ласло и Эдуарда Петровича, так это то, что мир — пористый и слоистый. Можно упасть в одну и дыр, оказаться в комнате с диафильмами, и никто не найдет. Даже если будут ходить рядом, как сейчас ходят Толик с Мазаем. За дверью. Интересно, кстати, если бы они все узнали. Мир так выстроен, что она может оказаться с соседней квартире, сидеть сейчас и лишь догадываться о происходящем. Мы все здесь собрались, в одном месте, но разделены стенами и пленками.

25 января. Ночью не уснул. Или уснул, но не заметил как это случилось и как проснулся.

Серое утро выплыло из темной дремы.

На кухне суетился Мазай. Сказал, что даст мне мобилу на всякий случай, но ничего не должно произойти, а если что, надо прикинуться лохом, типа ничего не знаю, чисто еду разношу, запутался в адресах. Витя — беспонтовый гондон, но его бацию не хочется расстраивать, поэтому надо помочь. Батя скоро станет губернатором и накроет поляну для хороших людей.

Надо начинать действовать.

В списке оказалось двадцать шесть адресов. Как половина колоды. Я открыл книгу про царевну, на картинке, где она стоит в лучистом просторе и улыбается, и спросил «ты где?», после чего раскидал карты по адресам. Убрал мелкие карты и две восьмерки. Перемешал всеми способами, что знал, и вытянул карту. Край Москвы. Час на метро, затем еще минут пятнадцать пешком.

Москва пахла и смотрелась как дымная кастрюля с кипящими специями. Люди перемещались как уткнувшиеся в себя утки, плавали по земле без ног. В такой погоде лучше беречь себя и не отвлекаться.

Первое время в Москве, смотрел на карту тех мест, которые проезжаю на метро. Впечатляло, что оказывался под рекой, даже под кладбищами, ниже некуда. В земле, в гробах лежат люди, а под ними проносится поезд. Их наверняка трясет. Они знают расписание, когда идет первый, когда последний, когда можно спокойно отдохнуть. Там

нет ни утра, ни вечера, а время измеряется перерывами между поездами.

В метро люди не смотрят друг на друга, чтобы не смущать. Если лишний раз тревожишь человека взглядом, это надо как-то обосновывать. Типа заинтересовала форма уха, цвет волос. Или то, как он держится, чтобы не свалиться и дергается в ритм движения. В метро мне и жутко, и смешно одновременно. Жутко и смешно из-за нелепости нашего общего положения, как мы стоим или сидим, не смотрим друг на друга и проносимся под домами и кладбищами.

Вышел из метро в простор. Раскатанные ленты дорог туда-сюда, маршрутки, кричащие люди, россыпи многоэтажек.

Да, все как по карте, минут пятнадцать. Я встал перед нужным подъездом. Все вокруг жили как жили, как будто ничего не происходило. Должен был появиться голос, обозначающий торжественность момента, или какие-то знаки. Может быть, природе все равно, что со мной происходит? От этой мысли страшнее, чем от ночных кошмаров. Конечно, это не так, вся природа наблюдает за мной, просто не подает виду. Смешно думать, что она смотрит выпученными глазами, что птицы на бесчисленных окнах могут уставиться в одну точку — на меня, как я подошел к дому. Никто открыто не наблюдает, но не из-за безразличия, а чтобы не смущать, как в метро. Это не значит, что никто не ценит, все ценят и хранят трепет.

Попробовал проговорить про себя, что скажу, если она откроет дверь. Но ничего не получилось. Мысли расплзались, слова не задерживались. Как при легком приходе, когда происходит выскользывание.

Она откроет дверь, я скажу, что доставляю еду, она ответит, что ничего не заказывала, закроет дверь, и конец фильма. Будет не так. Она откроет дверь, а за ней не окажется ничего, никакого коридора, комнаты, только зияющая пропасть. Скажет «прыгаем туда как в бассейн».

Представил, как рассказываю все это Эдуарду Петровичу, а он задает вопросы. Мазай — это кто? Помощник депутата. А о чем ты думал в тот момент? Мысли выскользывали как скользкий лед из рук, не думал ни о чем. Забыл, как можно думать.

У меня дрожали и руки, и лицо. Хотя я всего лишь стоял перед подъездом. Затем поднялся на пятый этаж, подошел к квартире. Задержал дыхание и позвонил.

Секунда, две, три, четыре, десять. Ничего. Позвонил еще раз. Секунда, две, три... Никто не подошел. Никаких шагов, шорохов. Никого нет.

Вышел из подъезда. Воздух показался чистым и приятным, даже сладким. Хотелось им надышаться. Конечно, было бы совсем

невероятным прийти по первому адресу и сразу же ее найти. Достал список. До второго ехать минут сорок.

Когда впервые увидел схему метро, показалось, что нарисовано погасшее солнце, запутавшееся в своих нитях-лучах. Перечеркнутый много раз круг определенно должен что-то значить. Это может оказаться схемой действий на случай, если солнце не взойдет. Типа солнце не взошло, надо прятаться в исполосанной местности, закапываться в трещинах.

Второй дом находился внутри встроенных друг в друга дворов. Спрятанный и малозаметный. Волнения оказалось чуть меньше. Реально прикинул, что доставляю еду, а то если так трястись и гонять мысли, можно в уме не дотянуть до вечера. Поднялся на лифте на последний этаж. И в момент словил ощущение, что здесь уже был. В наших новостройках, когда ходил смотреть сверху на наш район, и почувствовал на себе взгляд со стороны стен. Собрался, позвонил в дверь. Снова. Секунда, две три. Никого. Все то же самое.

Чувствовалось чье-то присутствие, но скорее не человека, а пространства вообще. Но никаких звуков жизни, ни включенного телевизора, ни скрипящего пола.

Вечером я стоял на кухне. Пятеро сидели, как вчера, внимательно слушали.

— Сколько ты обошел квартир?

— Семь. Запарился ездить по городу.

— И нигде не открыли?

— Нигде. Даже никаких шагов, звуков. Как будто никто не живет.

— Что за хрень?

— Ну я же не буду гнать вам. Если бы кто-то открыл, так бы и сказал. Никто нигде не открыл.

Витя переспросил, точно ничего не увидел, не услышал? Ответил ему, что я вообще-то не тупой, и понял задание. Да, ничего. Мазай прокомментировал так, что все на работе днем, работают, трудятся, надо вечером туда заезжать. У америкосов так, возвращаются с работы, втыкают в ящик и ждут, когда им жратву принесут. Толик сказал, что пробьет адреса по ментам, на всякий случай, хотя хаты могут быть съемными и кто там прописан может вообще оказаться не в курсе того, кто живет. Витя ответил, что по ментам уже эти адреса ходили, ничего подозрительного.

26 января. Картограф лежал с закрытыми глазами без видимого дыхания. Как будто умер. Так часто. Заметил, что у него нет средних состояний сна. Он либо лежит без движений, либо дергается и

кричит. Может, он вообще не спит, а проваливается в застывшие сугробы, а когда засыпает, видит во сне войну.

На кухне, к удивлению, был только Витя, остальные испарились. Витя спросил, во сколько сегодня поеду, ответил, что к вечеру. Он покивал и поинтересовался, на кого учусь. Так учусь, что можно сказать: ни на кого.

— Я тоже когда-то учился, думал вырваться. А никуда ты не вырвешься.

— А куда вырываться-то?

— Некуда, в том-то и расклады. Кокс пробовал?

— Нет. А почему все меня спрашивают о наркоте? Похож?

— Да, в общем. Ты странно глядишь и иногда дергаешься. И вокруг глаз черные круги, как будто тебя головой в стол вжали, а там два стакана стояли, и глаза в них вдавились. Плохо спишь?

— Да, не очень.

— Нервничаешь? Сессия типа?

— Нет. Сейчас серая луна, с ней плохо спится.

Я сел напротив. Чувствовалось напряжение, я не представлял, как с ним разговаривать. Хотелось ответить «у меня хоть черные круги под глазами, а у тебя вообще нет глаз, рта и лица, только белая тарелка, прикрепленная к шее». Не было у меня никакой ненависти к нему, лишь натянутая неловкость. Тишина повисла как сжатое облако. За окном монотонно гудела жизнь, а мы смотрели друг на друга. Он прервал паузу неожиданным вопросом.

— А ты когда-нибудь любил, студент?

— В смысле?

— Бабу в смысле.

— Да.

Эта скопленная тишина сорвалась и прошла через меня как струя холодной воды.

— И я тоже. Да. Очень.

Мне нужно было что-то ответить. Спросил его.

— И что случилось?

— Не знаю. Я всегда хотел вырваться. У меня батя бандит. А я думал как-то по-другому. Чтобы без этого говна, разборок, крови, думал, живут же люди как-то без этого, и я смогу... Это был необычный вечер. Синий свет, просачивался сквозь воздух. Как на картинах. Когда густыми масляными красками изображают плотность неба. И не было никаких обстоятельств. Там вдали, в этой подкрашенной воздушной дымке, горел ее силуэт. Как силуэт может гореть? А если невозможно смотреть ни на что другое, если ты поглощен этим изяществом, этими линиями и легкими движениями. Ты даже не видишь ее лица, а не можешь думать больше ни о чем. Я подошел к ней и сказал, что знаю, что будет дальше. Мы проживем вместе всю жизнь. Нам будет и приятно, и тяжело, но мы больше не расстанемся. Она улыбнулась, даже слегка засмеялась, а во мне не осталось никаких тревог, можно прожить целую жизнь ради одного этого взгляда.

Стало тяжело дышать. Показалось, что это мои слова, и произношу их в данное мгновение я, а он сидит и слушает. Или произношу это про себя, а он читает мои мысли и транслирует их вслух. Но это точно мои слова. Я их прячу внутри себя, а он залезает ко мне в сознание и достает их оттуда. На его глазах появились слезы. Но я не хотел впустить в себя сочувствие. Это не его слезы, а мои, мои переживания.

— От взгляда на такую красоту можно стать зайкой. Как она смеялась, как говорила. Показалось, что мы находимся внутри души

блаженного существа, ангела, плавающего по бытию, мы спрятаны ото всех. Никого больше нет. А нам больше никто и не нужен. Будем так жить. И жили. Я не верил, что это не снится, каждое утро просыпался в счастье, был счастлив от одного ощущения, что она рядом. Она тоже хотела, чтобы я отошел от бати, не касался его дел, денег, мечтала, что уедем.

— И что случилось?

— А я не знаю, что случилось. А со страной что случилось? Все разлетелось на запчасти, этот плавающий ангел выплюнул нас из своей души, мы рассыпались на куски. Может с нами кто-то постоянно играет в конструктор или пластилин, разрывает, склеивает обратно. Только что мы были обнявшимися влюбленными, а через минуту стали собаками с птичьими головами или комками слизи. Я смотрел на жизнь отца и проговаривал про себя «как хорошо, что я никого не убил». Думал, как бы так до конца дожить. А сложно.

— Ты хочешь ее убить?

Он замолчал и задрожал. Слезы с его лица упали на стол, как дождь с потолка. Или не дождь, а затопленная квартира сверху.

— Ладно, покажи, по каким адресам сегодня поедешь?

Я достал список, показал пять следующих адресов, сказал, что больше сегодня не успею объехать. По метро туда-сюда запарно кататься. Пять сегодня, пять завтра, так за несколько дней по списку пройдуся.

— Метро — это бомбоубежище.

На кухню зашел Картограф, встал рядом с нами. Сказал, что если сейчас начнется обстрел, надо прятаться в ванной и захохотал. Видимо, такая шутка. Еще добавил, что до взрыва появляется пожирающая тишина, как будто закладывает уши. А дальше ба-бах и нас порежет оконным стеклом, там, где мы сейчас сидим, самое то. Представил, что это случилось, и мы с Витей лежим на кухне перерезанными разлетевшимся стеклом. Такой нелепый конец истории. Как в безумной сказке. А еще там была война и их дом разбомбили. Так они и не нашли ее. Лежали окровавленные на полу и шептали ее имя. Можно еще придумать, что она зашла на кухню в предсмертном видении, по очереди их поцеловала. Такой бред.

Огромные дома были похожи на мозаики из горящих и черных окон. В семь вечера приехал по очередному адресу. Внушил себе как мог, что доставляю еду, и никаких других целей нет. Постарался выбросить из памяти утренний разговор с Витей. Подошел к двери. Все то же самое. Никто не открыл. Вышел из дома, вычислил окна квартиры, в которую только что звонил. Темно. Ясно.

В следующей квартире тоже не открыли. Я позвонил соседям. Там открыли. Строгая женщина сказала, что в этой квартире никто не живет, жильцы давно съехали, а если бы кто поселился, они бы услышали.

Ближе к ночи мы снова стояли на кухне. Все на меня недоуменно смотрели. Я рассказывал, что глядел на окна, обходил соседей. Ни по одному из пяти адресов никого не было. Никого. Никто не открыл, никаких шагов или звуков. Мазай сказал, что это какая-то хрень, не может такого быть. Я нервно ответил, что мне нет никакого смысла прогонять, и вообще как-то обидно, что они мне не доверяют. Мазай заметил, что не стоит произносить «обидно», обиженный — это не очень. Витя молча смотрел, тоже ничего не понимая, а затем объявил, что завтра поедет вместе со мной. Не то, что не доверяет, просто хочет разобраться, как так. Двенадцать адресов, нигде никто не открыл.

27 января. Мы ехали вчетвером, я молча смотрел в окно, вспоминал Аладдина. За рулем и на переднем сиденье были строгие люди в черной одежде, а мы с Витей сзади. Волнение куда-то пропало. Не мог себе представить, что сейчас все вместе придем, она откроет. Нет, скорее всего никто снова не откроет, мы постоим, посмотрим, поедем дальше, там тоже не откроют.

Мерцающая тьма, заполненная шипящим паром. Так виделся город в тот вечер. Мы то двигались, то останавливались и ждали.

Перемещались в напряженной тишине. Никакой музыки в машине, и даже никаких разговоров.

Поднялись на третий этаж. Они втроем встали поодаль, так, чтобы их не было видно, если дверь откроют. Позвонил. Как обычно. Позвонил еще раз, повернулся к ним, показывая недовольство оттого, что мне не верили. Витя сам подошел и еще раз резко позвонил. А затем дернул за ручку и толкнул. Дверь оказалась не заперта. Он пробежал глазами по нашим лицам и махнул головой, чтобы заходили.

Двухкомнатная квартира, комнаты освещены фонарем за окном, а свет в квартире не работает. Никакой мебели, никаких признаков жизни и движения. Это пустая квартира. Незапертая причем. Мы простояли в звенящей темноте минуту и вышли.

Следующая квартира оказалась закрытой. Мы по очереди звонили, ходили по лестничной клетке туда-сюда, Витя недоумевал, не мог понять, что происходит. Он позвонил соседям, вышла старушка, ответила, что там никто не живет и не помнит, чтобы когда-то там жили.

Мы снова все сидели на кухне. Витя рассказывал, Мазай хохотал, докапывался до происходящего, объяснял, что взять любой адрес в Москве, чисто наобум, поехать туда, хоть кто-то да откроет. А такой список адресов, чтоб никто не жил, надо постараться составить. Толик крутил глазами по кругу и бормотал себе неразборчивые

синюшные послания. Подошел к столу, со словами «дай сюда» схватил список, покрутил им перед своим лицом, крикнул «завтра сам поеду», встал на четвереньки и залаял.

Те двое, что были все время с Витей, не подали никаких знаков удивления. Они сидели как раньше, молча сосредоточенно смотрели в воздух. Мазай ржал и подкалывал Толика, Витя недоуменно наблюдал за происходящим.

Через два дня весь список был пройден. Я положил его на стол и сказал, что это пустые квартиры. Вите надо разобраться с теми, кто доставал эти адреса, а ловить здесь уже нечего, нет смысла снова объезжать или ждать, что в одной из квартир загорится свет. Не загорится, там все ушли или умерли.

9. Роскошное небо

Отец суетился в комнате, даже не заметил, как я вошел, затем обернулся, подошел и молча обнял. Спросил, сдал ли я сессию. Сдал. Красава. Ну да, несложно. На столе стоял большой компьютер с кучей всяких приспособлений, с подключенным к нему телефоном. Отец гордо показал все это барахло с торчащими проводами и заявил, что наступает эпоха интернета. В Америке уже открылись покерные комнаты, скоро и до нас дойдет, надо оказаться первыми, кто эту

тему просечет. Да и помимо покера в интернете будет много чего интересного, люди будут о себе все рассказывать, станут как на ладони. Спросил его, зачем. Он ответил, что пока не знает, но так будет. Это массовая психология типа.

Рассказал ему, что встретил Мазая. Отец, услышав его имя, вздрогнул и предложил переехать в общагу и вообще от Толика лучше держаться подальше. А что Мазай? Да ничего, с ним хорошо дружить, а если что не так, то может и бритвой по горлу, человек сложный и опытный. Все перспективы в образовании и интернете, а Толика и Мазая рано или поздно исполосуют из калаша, где-нибудь на трассе, стопнет тачка, вылезет чел в маске и тра-та-та. Вообще время старого криминала уходит. Сейчас кто успеет легализоваться, хапнуть заводы, акции, тот устроится, а кто не просечет, его смоем как в водосточную трубу. Время — как вода с волнами, надо его чувствовать, все эти тенденции, что и где, иначе жизнь пройдет катком, будешь лежать закатанным в асфальт и глазеть надвигающиеся облака. Толик это просек, конечно, но его уже не переделать, все равно ползет и отхватит. Надо тихо и четко. В интернете можно действовать так, что никто не будет знать ни имени, ни где ты живешь.

Отец оживленно, с горящими глазами, рассказывал о перспективах нового мира.

Предчувствие нового времени разливалось по всем ощущениям.

Разговор с Витей на кухне всплывал в памяти снова и снова, проговаривался внутри. Я говорил, Витя слушал. Рассказывал ему о том, как мы познакомились, про синий свет, ее силуэт, про наши планы. Мы с ней хотели жить так, будто это мгновение нашего знакомства растянуто по времени, происходит каждую секунду.

Нет, это не я говорил. И чем больше вспоминал тот разговор, тем больше казалось, что Витя тоже ничего не говорил. Мы сидели и молча смотрели друг на друга, а в воздухе все это звучало.

Зимой иногда становится тихо и спокойно, снег поглощает все звуки и тревоги. Только вышел на улицу, увидел вдалеке Химоза с худым, как трава, человеком. Химоз заметил меня, помахал, чтобы шел к ним, представил чела. Это Буша.

Сколько времени-то прошло с Нового года, а Химоз еще больше засох. Лицо и руки в какой-то корке. Буша — не лучше, даже непонятно, как ходит и сопротивляется ветру. Как его не сдувает и не переворачивает. По телу он такой, что любой может подойти и разломать пополам.

Буша визжал как зверек — нелепо и смешно. Химоз хрипло хохотал над этим. Получался нечеловеческий язык, мы могли идти долго молча, затем Буша издавал эти звуки, Химоз начинал ржать, и я тоже его поддерживал. Говорить друг другу слова нам не хотелось.

Сейчас что-то случится, на небе появится сияние, и мы плюхнемся на колени с чувством благодати. Будем стоять так. А сияние нас погладит по головам.

Они привели на квартиру с ободранными стенами и закопченной кухней. В углу лежал человек, завернувшийся в одеяло как в запутанный кокон. Химоз сказал, что здесь база секретной армии, отсюда направляют на спецзадания. Могут послать на солнце. Там все горячее. Он добавил, что у меня сейчас зрачок тоже как солнце, только черное. В него можно попасть, если соединиться нашими зрачками.

Я смотрел на Химоза, понимал, что он скоро умрет, и не знал, что ему сказать. Сам я живу ничуть не лучше, и хоть не вкалываю в себя всякую мочу, но по большому счету ничем не отличаюсь, и проживу подольше благодаря силе тела, а не души. Я не мог ему сказать «давай жить по-другому», потому не знал ничего о том, как жить по-другому. Все живут, как живется. Нарисовался типа на успехе, из столицы, ты это не коли себе в ногу, не вреди здоровью. Сказал ему на все, что точно Продиджи приедет осенью, что надо всем вместе поехать. Он вздулся и ответил, что поедет по-любому. И Бушу надо взять, чтобы подпевал.

На всех героиновых хатах, на которые по случаю заходил, одинаковый ритм. Как будто время затемнено, и вместо воздуха жидкость, а которую вот-вот вколют чернила. Я отказался ширяться,

и признался, что мы ссыкотно. Влезет внутрь какая-то змея, будет сначала тепло, а затем она заерзает и зачесется. Лучше найду Аладдина и мы поедem постреляем. Вылепим снеговика и зарядим по нему. Представим, что этот снеговик забрал у нас прошлое.

Я не смог там находиться, выбежал, посмотрел на темные окна с улицы. Коричневые плотные шторы, а внутри все уже спят.

Мы встретились с Аладдином в том же баре, что раньше, и он рассказал про экономику. Скоро начнется большая починка дорог, труб, перекрытий, туда вольют лавэ, надо захватывать эту деятельность. Плотный капитализм. Все серьезные люди перейдут в строительство. Уже переходят. Дядя Сережа тоже пойдет по строительству, в области будут расчищают землю для новых кварталов, а там, где жилье, там коммуникации, нужны нормальные дороги. Но самое ценное — скоро все завозятся с пластиковыми окнами, надо первыми освоить эту тему по области.

Я все это слушал и не мог поверить, что он говорит всерьез. Казалось, что это настолько пустая и неинтересная жизнь, что лучше уж петь песни с Бушей на хате и вкалывать в себя всякую блевоту, чем это. Неужели пройдет несколько лет и Аладдин станет директором какой-нибудь строительной фирмы, будет ездить на своем джипаке, подписывать договора. Конечно, так и будет. Химоза и Бушу пошлют на спецзадание, на солнце. А что будет со мной — даже не могу представить, настолько все ветвится в воображении.

Новое время, о котором все рассуждали, представлялось белым шумом.

Рассказал Ласло о том, что говорил отец и Аладдин про новое время и спросил, что он думает об этом. Ласло ответил, что они правы, только не понимают причин. Идет изменение влияния стихий.

Например, стихия песка входит в силу, поэтому люди будут заниматься строительством. Ветер, песок, дождь, все они между собой постоянно что-то делают, а люди это объясняют тенденциями в экономике.

Сколько лет прошло, а Ласло остался единственным, к кому возможно доверие. Он мог полчаса грустно смотреть в окно электрички, затем увидеть за окном какой-нибудь столб, такой же на вид, каких только что промелькнула сотня, и зажечься глазами.

Небо не тяжело-свинцовое, а извилистое и роскошное. Мы приехали.

Ласло постучал в белую дверь, мы зашли. Эдуард Петрович вскинул руки, подошел и обнял нас по очереди, усадил у себя в кабинете, а сам побежал на кухню. Вернулся со стаканами с компотом, спросил, как вообще жизнь. Да очень непонятно. Ну так рассказывай. Конечно, расскажу, за тем и приехал.

И я начал рассказывать. Обо всем, подробно. Про Толика, Мазая, Картографа. Ласло все это слушал без особого удивления, не меняясь в лице, как будто уже все знает, а по Эдуарду Петровичу порой пробегал нервный тик, дергался глаз и щека. Особенно его заинтересовал Картограф, он попросил рассказать как можно подробнее. Какие у него карты, цветными карандашами или фломастерами нарисованы стрелки, где он их хранит.

Эдуард Петрович подошел к шкафу, покопался в нем, достал альбом с рисунками. На одном из них были изображены прищепки, повисшие в воздухе. Как будто там везде натянуты веревки и висит невидимое белье. Прищепки, чтобы это белье не сдувалось ветром, и больше ничего. И подпись «Война».

Дошел до 24 января, до поворачивающегося ключа в замке, предчувствия, что сейчас что-то произойдет. Эдуард Петрович перебил вопросом, не дослушав. Это был тот самый человек без лица? Да. Эдуард Петрович довольно захохотал.

В этот момент дверь кабинета распахнулась, а за ней оказался щуплый старик с испуганными глазами. Эдуард Петрович подскочил к нему, поцеловал в макушку и отправил обратно по коридору.

Зимой в больнице больше сна и тишины, а в феврале особенно тихо. Снег окутывает и оглушает. Этот дед как будто замерз в зиме, пришел, согрелся и ушел домой.

На рассказе про списки и адреса, Ласло тоже оживился, начал заинтересованно смотреть и кивать. А когда я дошел до поездки на первую квартиру, они оба замерли.

Рассказал, как поехал с Витей, как Мазай не верил, что такое может быть, как сходил по оставшимся адресам. Везде были пустые квартиры. Никого. Никаких шорохов и шагов. И нет света в комнатах.

Эдуард Петрович и Ласло вопросительно посмотрели, как будто я что-то не досказал. В общем, все. Везде пустые квартиры. Я тоже посмотрел на них вопросительно. Мы так промолчали какое-то время, после чего я не выдержал и спросил их, что все это значит. Как эти квартиры могли оказаться пустыми?

Ласло ответил, что они не пустые. Эдуард Петрович покивал. Мне стало неловко, показалось, что сейчас разговор перейдет на другой язык, они будут его понимать, а я нет. Квартиры не пустые в каком-то алхимическом смысле, понятном Ласло, но объективно ведь там никого нет. Про квартиру можно сказать, что она пустая, если в ней никто не живет, а не если она не являетсяместилищем какой-то стихии, набора знаков, предчувствий, точкой пересечения взглядов, ветров и тому подобного.

Нет, мне стало даже не неловко, я почувствовал легкое головокружение и тошноту. Что-то не то с моим мышлением. Закрыв

глаза и увидел сетку, плавающую туда-сюда как в испорченном телевизоре. Все разбито на дрожащие куски. И внутри этих кусков мои мысли. Рядом существовал огромный слой причин, эта сетка лишь слегка его касалась. Я вздрогнул, открыл глаза, увидел большое вглядывающееся лицо Эдуарда Петровича. Он сказал «ничего-ничего, сейчас все пройдет». И действительно, я снова стал думать четко и без лишних сомнений.

— А что это было?

— Ты куда-то запрыгнул. Где не привык находиться.

— А в каком смысле квартиры не пустые?

— Вот этот вопрос тебя и выбросил туда. У тебя было что-то подобное раньше.

Сначала ответил, что не было, а затем вспомнил про «иные интонации», новый дом и триповый бред. Эдуард Петрович посмеялся и спросил, запомнил ли я адрес той второй квартиры, около которой почувствовал чье-то присутствие. Да, запомнил. Как и все двадцать шесть адресов. Это из-за практик с памятью, запоминания номеров машин, случайных объектов. А запомнил дорогу, как туда добирался, на метро, пешком? Да, запомнил. Хорошо. Пригодится.

— А в каком смысле квартиры не пустые?

Я переспросил. Хотелось уточнить. Действительно ведь непонятно. Ничего не понятно. Эдуард Петрович вместо ответа встал, направился к двери и махнул рукой, чтобы мы шли за ним.

Коридор как дорога. Грунтовая, покрытая асфальтом или линолеумом. Неважно. Здесь мы хочется сказать «мы шли по дороге несколько часов». Эдуард Петрович приветствовал жителей окрестных мест, они кивали ему в ответ. Вышли из отделения, поднялись по лестнице на верхний этаж, зашли в зал. На стенках висели портреты строгих и наверняка легендарных врачей. Четко расставленные стулья рядком, и небольшая сцена. Похоже на актовый зал в школе. Даже по цвету и запаху. Пол и сцена покрашены в коричневый. Сразу нахлынули воспоминания, как нас водили всем классом на филармонию. Приезжали культурные деятели со скрипками, нас загоняли, мы недоуменно сидели и впитывали высокую музыку. Еще пару раз то же самое было с учительницей пения. Она садилась за пианино, опускала пальцы на клавиши, закатывала глаза, играла музыку из мультфильмов, и пела. Пела она как опере по телевизору — громко и непонятно, эти представления вызывали чувство грусти и легкой жалости к ней. И здесь все похоже. Наверное, сейчас Эдуард Петрович сядет за синтезатор, со знанием и напряжением в лице ударит пальцами по черно-белым выступам, и запоет песню из мультфильма. «Жить в

своем доме нельзя одному, скучно и мне, и тебе, и ему, сколько на свете веселых затей». Будет уже не тревожно, а жутко.

Зашли еще три человека, расселись в зале, Эдуард Петрович сказал, что свои люди, позвал одного из них и попросил рассказать, как он сюда попал. Тот застеснялся. А кого стесняться? Короче, пару недель назад он сел на землю, прямо на снег и сказал себе, что не встанет, пока не наступит весна. Так и просидел, пока не забрали. Почему он не вставал? Не видел смысла. Сейчас все нормально.

Эдуард Петрович сказал, что здесь не просто больничный театр, а настоящая лаборатория, в которой изучается мир. Есть вопросы, кажущиеся сложными, а приходишь сюда и получаешь ответы.

Эдуард Петрович протянул мне пустой лист бумаги, попросил записать адреса по памяти. Это заняло минут пятнадцать. Все молча смотрели, как я вспоминаю и записываю. Конечно, я предполагал, что однажды практики запоминания где-то пригодятся. Представлял себе сложную длинную карточную игру, в которой надо помнить все вышедшие карты. Но не это же.

После составления списка, Эдуард Петрович попросил зачеркнуть первый адрес. И когда я это сделал, он заметил, что адрес был не первым в списке, а находился в середине. Он заинтересовался, почему я сначала поехал именно туда. И здесь. Возник какой-то внутренний запрет, показалось, что нельзя рассказывать ему о том,

что тянул карты и что они задали очередность адресов. Ответил, что показалось так.

— Хорошо. Сейчас поезжай во второму адресу, внимательно повторяя все движения.

В зале стало темнее. Появились дополнительные тусклые огоньки. Люди встали со своих мест и пошли по улицам, создавая ощущение живущего в себе города. Это день, а не вечер, но все в тяжелой зимней дымке, поэтому порой не разглядеть даже тех, кто рядом.

Посмотрел на список. Ехать минут сорок. Пару станций на метро, а дальше уже совсем рядом. Там будут дворы, поедающие друг друга, спрятанные дома, одни из них — тот самый. В метро напротив дремлющий человек. Нервный свет, шатающийся туда-сюда.

Я думал о том, как доставляю еду. Как люди приходят с работы, устало звонят по телефону, просят принести поесть, я нагружаю сумку продуктами, еду к ним. Даже если это утро или день, они все равно усталые, а я нет, могу привезти, что надо.

Вышел из метро, нырнул во дворы. Прошел по лабиринту и оказался у нужного дома. Вошел в подъезд, зашел в лифт. Верхний этаж. Действительно, похоже на наши многоэтажки. Такая же лестничная клетка, стены, окна.

Внизу слышались шаги, кто-то зашел в свою квартиру, закрыл дверь ключом. Подошел к двери, позвонил. Никого. Никаких звуков.

— Заходи.

Наверняка это сказал Эдуард Петрович, но его голос не слышался, скорее это прозвучало как послание всего окружающего пространства. Я толкнул дверь, она была не заперта. Зашел.

Коридор. Темная комната, кровать. Окна занавешены, иначе не было бы так темно. Нет, не занавешены, их нет. В комнате нет окон.

Дернулся, оглянулся, никакой двери нет, непонятно, как я только что зашел.

Почувствовался легкий ароматный ветер. Тот самый дымовой нектар, хвойный, мягкий. Сегодня 17 сентября. Мы приехали с мамой и папой в волшебное место у озера. Это озеро поглощает звуки. Солнце растянуто по всему небу как золотистое покрывало, на нем вышиты красные звезды.

Появилась музыка, тоже сначала вдалеке, а затем рядом. Нежный женский голос. Ин зе хет оф зе найт. Бат ай кэн стэнд ит энимор. На мгновение я пришел в себя, с сомнением покрутился по сторонам.

Неужели это реально Эдуард Петрович играет на синтезаторе.

Распылил кислоту по залу, задернул шторы, устроил очередной волшебный праздник. Да какая разница. Никого не видно. Голос-то

прекрасный, можно сесть на кровать и слушать. Неважно, где я нахожусь: на берегу озера 17 сентября, в квартире без окон или актовом зале психиатрической больницы.

Ю кол фор ми эгэйн ай си. Это лучшая музыка, из всего, что можно услышать. Песня разливалась по всей комнате, проступала как звучащий сладкий воздух. Сколько она могла длиться? Песни ведь заканчиваются быстро, но в ней протягивались часы и дни, не было никакого конца.

Я буду сидеть здесь, пока она не придет. Нет смысла уходить. Как тот человек, который ждал весну. Просто нет смысла.

Понятно, почему квартиры не пустые? Да, конечно.

А что за «иные интонации»? Звуки воздуха, кружащаяся пыльца, движения прошлого-будущего.

А что за новый дом? Возможность, допустимость, доступность. Все понятно.

А картинки в книгах? Понятно, конечно. Они повсюду, только их не видно, они как растения или деревья, на них не обращаешь внимания. Все это из-за невнимательности.

А в чем были твои проблемы? В памяти. Я неправильно к ней относился.

Ты немного понимаешь английский, о чем поют сейчас? Да, понимаю. Поговори со мной, пожелай моей любви, в сердце ночи.

В этот момент я почувствовал, как мои глаза прикрыли руками, сзади кто-то подошел. Это женские руки, пахнущие как приятная вода.

— Это ты?

Я спросил, хотя сам себя не услышал. Может даже произнес про себя. Но услышал ответ. Да. Нежный голос, ни с чем не сравнимый, тот самый. Значит, я правильно почувствовал, что именно в этой квартире она находится, надо было лишь сделать следующий шаг, открыть дверь и пройти в темный коридор. А где окна? Они не нужны. Мы останемся здесь, а солнце с красными звездами станет нашим покрывалом.

В момент ветер наполнился влагой, показалось, что это море, я стою у берега и вдыхаю безграничные послания волн, шелест поверхности, касаюсь руками колышущихся лунных дорожек.

Я резко сбросил ее руки со своего лица и повернулся. Это была та секси-медсестра. Она сделала шаг назад и удивленно посмотрела, как

бы спрашивая «что не так». Да все так. Или все не так. Эдуард Петрович — хуев колдун, психотерапевт ебаный.

Ласло догнал меня уже на улице и спросил, чего это я так напрягся. Да не хочу, чтобы в меня залезали и там копались как сантехники в трубах. Нехорошо как-то вышло. А хорошо лезть во внутреннюю жизнь человека? Вообще-то это ты сам рассказал, и он хотел лишь помочь. Ну да. Интересно, если бы я не остановился, мы бы там с секси-медсестрой трахнулись, а потом бы она мне откусила голову?

Я слегка стукнул Ласло в плечо и ответил, что бандиты хоть тупые, но честные, а здесь происходит какая-то неведомая хуйня, и я не хочу с этим иметь дело. Раньше я думал, насколько же лучше копать в серых лунах, алхимических ключах, чем ходить в качалку и мечтать о захвате строительных фирм, а теперь не уверен.

Пожалуй, впервые в жизни почувствовал, что не имею никакой опоры. Что в любой момент асфальт может потрескаться и меня втянет вниз. Захотелось вернуться домой, достать все книги и сжечь их, чтобы больше не касаться всего этого бреда. Как мама тогда сказала про карты. Она была права. Только дело не в картах, а вообще. Так взять и посмотреть со стороны на все происходящее. Отец готовится кого-то стричь по интернету, проводит провода, разбирается в технологиях будущего. Химоз гниет на наркопритоне. Синий Толик ползает по полу и мяукает. Аладдин мечтает о производстве пластиковых окон. А Эдуард Петрович в зале

психбольницы устраивает спектакли, не уступающие кислотным трипам. Двигайся с кем хочешь, делай, что хочешь, закончится одинаково.

Я пошел к вокзалу. Ласло тоже. Мы молчали. О чем говорить? Сам я не мог объяснить, что так задело. Действительно, что не так?

Погрузились во время спектакля в какие-то мои глубины, достали оттуда детали, ощущения, все это выставилось наружу, а Эдуард Петрович, медсестра и пациенты помогли этому случиться. Зря я так. Реально неловко вышло, я даже не понял, чего загался, они все ко мне хорошо отнеслись. Мне стало стыдно, я остановился, обнял Ласло и извинился.

Ласло спросил, почему во время спектакля на вопрос о проблемах я ответил, что это из-за памяти и отношения к ней. Действительно, так ответил, а почему — непонятно.

Перед вокзалом мост через речку. Зимой она покрывается коркой, как лицо Химоза, только белой. Трещит и звенит. Утки мерзнут, ходят по этой корке, переглядываются между собой.

Как только мы вступили на мост, со зрением что-то случилось, как будто с глаз слетела пленка, или протерли запотевшее окно мокрой тряпкой. Все стало ярким и четким. Память лежала по всему видимому пространству белой пенкой. Это не снег, и не лед, скорее хлопья или легкий пластилин, из которого можно лепить что-угодно.

Можно вылепить любую причудливую форму, и она встроится в общую жизненность.

Мост находился чуть выше дорожек, ведущих на вокзал. Эти дорожки открывались как детальные и прописанные полотна. Говорить «в один момент» здесь не стоит. Все люди поменялись. Мужчины стали собаками, а женщины лисицами. И это не вызвало никакого удивления, показалось, что так было всегда.

Они ныряли в память, выныривали обратно.

У собак и лисиц разное устройство движения. И еще выстроено напряжение между собой. Они соединены нитями, похожими на линии электропередач. На эти нити нанизываются взаимоотношения.

Вообще, это идеальная точка для обзора. Отсюда видно все.

Квартиры стали пустыми из-за карт, из-за того, что я тогда связал адреса с картами. Все их содержание притаилось, чтобы я его не углядел. Карты — это пустоты, и раскладывая их ничего кроме перемещения пустот нельзя уловить.

А я ничего не умею, и ничего из себя не представляю. Занимался только развитием памяти и крутил в руках карточки. И еще думал о происходящем. Иные интонации появлялись вместе с песнями на английском языке. Надо было учить языки, раз есть хорошая память.

Не заметил, как стал проговаривать все это вслух. Про собак и лисиц было про себя или уже вслух? Ласло стоял и внимательно слушал. Такое уже было. Что-то про причины. Как они собираются на ложке из пузырьков.

Извилистое и роскошное небо собралось и сжалось. Я ощутил страх. А дальше случилось совсем дикое. Лисицы остановились и спросили меня видом, хочу ли я секса. Вскоре стало понятно, что сейчас появится воронка, в которую всех нас засосет. И в ней не будет никакого дна, просто кружение и тошнота.

Спросил Ласло, неужели ему не страшно, ведь нас сейчас не станет.

Это была моя первая паническая атака. В первый раз это особенно неприятно. Ласло все понял и предложил вернуться в больницу, объяснил, что нужно уснуть как можно скорее, а когда проснусь, ничего этого не останется, никаких воронок и тревог. Это делается жесткими транками. Но как иначе? Мы не можем уснуть по желанию. Нам нужна помощь транков, чтобы они разошлись по венам как протяжные рыбы и успокоили нас.

Воздух напоминал воду с грязным песком. Сквозь него надо было проходить, просачиваться, продираться. Мы сначала оказались за забором, затем в отделении, палате, Эдуард Петрович позвал медсестру, она мне что-то вколола, все расплылось. Как акварельная

краска в жидкости. Через обрывки, лучи, куски, острова, нити, запасы старых воспоминаний.

Тяжелый день закончился, когда я спал.

10. Деревня

Дядя Сережа стоял на ветру и глядел в пустоту, как памятник.

Казалось, что на его выточенное лицо может сесть или нагадить птица, он и не заметит. Конечно, он застыл не просто так. Он метился в банку на голове снеговика. Выстрелил, попал, радостно захохотал.

Мазай бы возненавидел дядю Сережу, если бы встретил. Так показалось.

На холоде стояло еще четверо, все стреляли по склянкам. Стекло разносилось вдребезги с короткой мелодией. Когда кто-то попадал, сразу же подхихикивал, завершая мелодию. Получался такой дуэт разлетающейся материи и людей.

Снеговики с банками на голове выглядели провинившимися и обреченными.

Дядя Сережа ехидно зыркнул в мою сторону.

— Слушай, Руслан, у тебя ведь дохуя ебанутых кентов.

А что отвечать на такое?

— А если тему организуем. Хотите завод подпалить? Раз и ба-бах, и все пылает. Огонь до неба, а вы бегаєте вокруг.

Аладдин напряженно глянул, явно не понял, к чему это сказано. Дядя Сережа, увидев наше замешательство, искусственно захохотал, сделав вид, что это такой приколы. А мне показалось, что не приколы. У него какие-нибудь документы по заводу не в норме, а все там застраховано. Он наверняка решил организовать пожар. Сам получит очередное бабло, а нас с кентами повяжут и закроют. Все это прочиталось. Хотя, может, все не так, и это реально его идиотская шутка.

Вообще из всех, с кем хоть как-то общался, дядя Сережа вызывал самое большое раздражение. И не из-за того, что бывший мент, а из-за какой-то пустоты и самоуверенности. Ответил ему, что у меня никаких ебанутых кентов нет, и он меня с кем-то спутал.

Через неделю. Приснилось, что Мазай записывает свой телефон и говорит, что могу позвонить ему ровно один раз, когда буду уверен в том, что предложить. Телефон не помню, но там был ноль среди цифр. Во сне почти невозможно читать и писать. Обычно знаки

слипаются в одно ощущение, и не разделяются между собой. Ровно один раз, когда будет совсем нужно, тогда и позвоню.

Проснулся в шепчущей тишине.

Родители стояли в темноте на кухне и смотрели в окно. А в окне, вдали, среди черной ночи виднелось яркое красно-оранжевое пятно. Полыхал завод — красиво и торжественно.

Когда-то вокруг этого завода организовывалась жизнь, приезжали люди, селились, обзаводились семьями, ходили на работу, производили пластмассовые игрушки. Наверняка они находили в работе смысл, понимали, что эти изделия кому-то нужны, и их деятельность не пуста. А теперь здесь величественный костер. На таких кострах сжигали ведьм, отправляли их души по окрестным болотам и озерам. А теперь в огне сгорает прошлое, заботы и ожидания.

Первая паническая атака как первый секс. Все не так, как себе представлял, хотя много об этом слышал. Послевкусие, застывшее ощущение чего-то невозможного. Все это позади, и удивительно, что оно случилось. Теперь можно жить и вспоминать. Когда оно случится снова, ты будешь уже кое-что знать. Например то, что это работа с дыханием.

Пожар — тоже работа с дыханием.

Сразу стало ясно, что дядя Сережа все организовал, нашел людей. Хорошо, что это не я. Так бы пришлось сидеть и трястись от звуков шагов по лестнице, ждать, когда придут и предъявят.

Да, про то утро. Я проснулся в светлой свежей палате, на чистой белоснежной кровати. Эдуард Петрович пришел и спросил, бывали ли у меня раньше такие острые приступы тревоги. Не бывало. Ничего страшного. Человек почему-то считает, что умирает, и рассказывает об этом своему телу, тело паникует. Небо не свалится, воронка не засосет, собаки не покусают, все это существует как ложное предчувствие.

5 апреля. Приснилось, что нахожусь в большом торговом центре, наверное, в Москве. Там комната, сидят актеры. Некто подходит, платит деньги, садится с ними рядом. Они начинают разыгрывать бытовую сцену, как из жизни, вовлекая этого нового человека. Один кричит, другой рыдает, они ссорятся, мирятся. Так понял, что они зарабатывают этим, разыгрывают популярные сцены из сериалов и дают возможность всем желающим в этом поучаствовать. Эти сериалы и сцены все знают, и хотят сами пережить то, что видели по телевизору.

Пролежал несколько часов, глядя в потолок. Снова вспомнил про человека, который не видел смысла вставать с земли, пока не наступит весна.

За одну ночь мое тело состарилось и стало поролоновым. В старости наверняка так: просыпаешься и не чувствуешь сил в теле, не понимаешь, как встать с кровати, приходится лежать и смотреть на обои. Обои — неподвижные мультфильмы. Водишь глазами туда-сюда, получается движение. И еще изображение слегка плывет, получается, что лежишь не на кровати, а в теплом море. Возможно, я чем-то заболел.

День я провел, играя с картами, прокручивая их пальцами, перекидывая и перемешивая. Еще смотрел телевизор.

Тасовкам я придумывал названия или имена. С именами они похожи на живых существ.

Мост — перекидка карты от указательного пальца до мизинца. Она сначала ложится сверху на собранные пальцы кулака как крыша, а затем выпрямляется.

Воздушный змей — карта порхает над колодой, а колода — земля.

Колесо — карты крутятся вокруг большого пальца правой руки, как колесо обозрения.

Линии на пальцах и на ладони могут служить линейками. У меня на безымянном пальце правой руки оказались две ровные полоски, четко

отмечающие колоду в двадцать обычных атласных карт. Можно поднять колоду, приложить к пальцу и сразу определить, сколько там карт: двадцать две или двадцать три.

6 апреля. Придумал еще несколько тасовок. Тройная дорога — в один момент внутри колоды вырываются три стопки, они располагаются рядом друг с другом, как дороги, затем перемешиваются с остальной частью. Думал сначала назвать рельсами. Еще углы, пластинки, лестница, покрывало. Лестница — разделение колоды на шесть кусков. Покрывало — перебрасывание нижней карты так, чтобы она стала второй сверху, это делается мизинцем. Похоже на расстиланье ткани на столе или диване.

Наверное, это самое пустое и никому не нужно занятие. Лет десять назад я бы ходил на завод и делал пластмассовые ведерки. Эти ведерки можно использовать как в песочнице, так и на огороде или на кладбище. Можно идти по кладбищу, увидеть, как старушка поливает могилку из лейки, спросить себя, что сделал по жизни, и ответить, а вот эту лейку.

10 апреля. Впервые за неделю вышел из дома, добрал до хаты. Там был незнакомый чел. Показал ему новые карточные тасовки. Он сказал, что они как звезды. Потом мы угасились, дунули запасы, спрятанные под диваном. Запасы скопились между покрашенных досок на полу, смешались с пылью, как мусорные прослойки. Чел ушел, я лег на том самом диване, стал смотреть на шторы. Когда

закрыл глаза, складки на шторах остались, только превратились в лестницу. Пошел по этой лестнице, лег снова, и почувствовал, как сквозь поры тела пробивается трава. И не только трава, но и растения, кусты, деревья. Поролоновое тело стало почвой. Тепло, приятно и спокойно.

Пару дней пил компот, смотрел телевизор, какие стены в передачах, какого цвета, и куда люди смотрят. Мама подошла и сказала, что надо поговорить. Я давно не мылся и от меня пахнет как от горелой крыши. Ответил, что вечером помоюсь, как-то нет сил. Надо доползти до ванной, погрузить себя под воду. Что-то случилось? Ничего. Не принимаю наркотики. Ничего не случилось. Уже весна и все нормально.

Мама спросила, а не поехать ли нам в деревню к бабушке и дедушке на лето. Сдам сессию и поедем. Папа не поедет, будет шустрить с компьютерами, а мы хотя бы отдохнем. Бабушка и дедушка теперь старенькие, с ними проще общаться, не устраивают истерики по пустым поводам. Ответил, что мне все равно, можем и в деревню.

Мама родилась в той деревне, после войны. Надо было это раньше рассказать. Сколько помню, у нее получалось общаться со своими родителями, они начинали орать друг на друга без повода. Характер у мамы жесткий и четкий, как и у бабушки с дедушкой. Один раз у нее заболел зуб, она взяла плоскогубцы и вырвала его, без лишних рассуждений, подошла к умывальнику, поплевалась кровью и забыла

про этот зуб. Мне кажется, у них с отцом была настоящая любовь. Отец изворотливый и гибкий по общению, как болотная змейка, они дополнили друг друга. Дедушка с бабушкой клевали отца при каждой встрече, пока он не перестал к ним ездить, они объясняли, что он не так живет, не в ту сторону мыслит. Или я это все уже рассказывал?

Кажется, я начинаю рассказывать историю с самого начала. Говорят, наш город старинный — какого-то века. Все новостройки находятся за железной дорогой, а у нас двух и трехэтажные дома. Сейчас распишу в деталях первое детское воспоминание, и что-нибудь еще.

В мае случилась вторая паническая атака. Она пришла из тишины. В один момент стало поразительно тихо, затем проявился легкий звон, этот звон и перерос в панику. Паника вылезла из звона как цветы из стебля. Я старался глубоко дышать и думать о простом, как учил Эдуард Петрович. Через правильное дыхание можно войти в сон, и в нем паника растворится как в облаке.

Лучше сразу перенесусь в конец июня.

Мы сидели с дедушкой за столом, смотрели друг на друга. Заметил, что у нас одинаковые глаза и манера глядеть. Как будто он — это зеркало, только морщинистое и уставшее. Глаза проваленные в темные ямы. Он спросил, чем занимаюсь. Ответил, что студент, учусь в Москве. Выучусь — буду работать по специальности.

Дед — идейный и упертый, его нельзя переубедить ни в чем. Не видел ни разу, чтобы он улыбнулся или засмеялся. Смотришь на него, и сразу тянет оправдываться за что-то.

Представил, что это состаренный «я», вглядывающийся в совесть людей.

В первый же день, когда пошли с ним чинить сарай, он четко пояснил, что руки у меня выросли из жопы, и нужно было не так жить все это время, а отдавать себя труду. Вечером он завел рассказ на два часа про послевоенное время, колхозы, работу, коллективы.

Не могу сказать, что все это мне не нравилось, даже наоборот. Как новый странный мир. Слушал его как смотрел кино, про честных людей с постными лицами. Они вытащили трактор из озера, спасли лошадь, построили предприятие. Казалось, что они все как дедушка — грустные и справедливые.

Если его накормить маркой, ничего не изменится. Настолько прочный в нем психический стержень. Он так же посидит за столом, строго посмотрит, скажет, что голова чего-то закружилась, ляжет спать, проснется и пойдет работать.

Вспомнил, как Алик предлагал сходить в лес, там где собирают березовый сок, ставят банки, вбивают в березы хрень, чтобы сок стекал. Взять и бросить марку в какую-нибудь банку. В целях

просвещения. Ну вот, если бы это случилось с моим дедом, он бы ничего и не заметил.

У бабушки больше гнева, эмоций, недовольства, но в целом они похожи с дедом. На второй день они с мамой наорали друг на друга, мама сказала, что мы уезжаем домой. Я ее убедил остаться. А что дома? Давай здесь побудем, раз приехали, интересно же. Дедушка еще не все рассказал про коллективный труд и рабочие зори.

В доме большая комната, разделенная тонкой полустенкой, металлические кровати, тяжелый телевизор, накрытый кружевной тряпкой, на стенах черно-белые портреты. Еще постоянно идущие щелчки от больших часов. Как общий звуковой фон. Все это же было и десять лет назад, ничего не поменялось, не передвинулось, не сломалось. Замороженное во времени место, с которого стирают пыль и проветривают.

В воскресенье мы пошли на кладбище. Молча. Идти минут сорок, сначала до села, затем на гору. И за всю дорогу никто ничего не сказал.

Кладбище не похоже на городское, все кривое, извилистое, с дорожками вверх-вниз, оградками, зарослями. Пришли на могилку, так же молча встали. Я даже не понял, кто там похоронен.

Мама с бабушкой стали очищать могилу от напавших веток и листьев. Тоже молча. Раньше даже не отмечал, насколько они похожи. Ясно было, что похожи, как иначе, но не настолько. По ритму, телу, лицу, движениям. Как один человек. И действуют настолько уверенно, не глядя друг на друга, как будто занимаются этим каждый день, много лет.

Дедушка неподвижно стоял и смотрел на надгробие. Интересно было бы залезть к нему в мысли. Наверняка там дичайшее движение памяти, блуждание по детству, юности, заботам, страхам. Он беседует с теми, кто здесь лежит, вряд ли спорит, скорее что-то рассказывает.

Бабушка и мама закончили прибирать и чистить, тоже встали и замерли. Простояли так минут пятнадцать, под конец уже стало не по себе. Стоят, молчат, даже не покачиваются, как воткнутые крепкие деревья.

Обратная дорога прошла в полной тишине. Заговорили только когда вернулись домой, как ни в чем не бывало.

Вечером я копался в своих вещах. Достал книги, положил на стол. Дедушка проходил мимо, заметил книги, подошел, взял одну из них, полистал, потом другую.

— Хорошие книжки. Ты их с собой возишь? Понравились, значит. Когда ты родился, я их привез, чтобы ты рос и читал.

Это прозвучало совсем неожиданно. Спросил его, почему он именно эти книги выбрал, чтобы мне привезти. Он ответил, что у него было несколько книг, они ему сильно нравились, решил подарить внуку. От сердца к сердцу. Под окном лежали еще две книги, аккуратно, явно на своих местах, он взял их, открыл на странице с рисунком.

— Меня когда-то удивили рисунки в этих книгах. Вот человек. Вроде как ничего особого. А он как капля воды похож на моего товарища по совхозу. У него все рвалось, вся одежда. Куда ни пойдет, разорвет штаны или куртку. Случайно. Зацепится за что-то. И в книге он видишь какой? Весь в лохмотьях. Ему жена купит бывало новую рубашку, на следующий день вся в дырках, шел мимо остановки, зацепился за столб, разорвал. Или вот, рассказ про подвиг разведчика. А я знал этого разведчика, пятьдесят лет назад сколько дрызг вместе преодолели. Читал эти книжки и думал, как это так вышло, что они про моих знакомых.

Ну а что тут скажешь? Я сидел и слушал, задержав дыхание, боясь пошевелиться.

Дедушка листал книги, показывал картинки, рассказывал о своих товарищах. Этот мог засыпать только стоя, как только ложился, его

охватывал ужас, ему казалось, что его похоронили, он сразу вскакивал, и вот, на картинке он стоит с закрытыми глазами — спит.

Как только дедушка вышел из комнаты, я бросился перелистывать книги дрожащими пальцами. Сразу же нашел там Толика и дядю Сережу. Они руководили большим строительством, стояли рядом и смотрели, как работают экскаваторы. Всего три книги. Одна про строительство новых городов, вторая о войне, третья — сборник сказок. Третью испугался сразу открыть. Явно там полно знакомых, а может есть и я сам. Наверное, зря я боялся листать книги на той хате, они обычные, в них нет никаких ключей, а в этих есть.

Представил лицо Эдуарда Петровича, как он вглядывается и докапывается, просит еще раз рассказать. И у этого человека все время рвалась одежда? Да. Так-так. И в книге он нарисован в лохмотьях? Да. Так-так.

Ночью в доме все шелестит, в стенах кишат какие-то жуки, их движение создает жутковатый шум. Если выйти на улицу, все будет звенеть и чуть-чуть стонать. Как будто природа спит вместе с людьми и видит не очень приятный сон, хочет закричать, а не получается. Выходит только легкий стон.

Встал в шесть утра. Поздно, по местным меркам. За столом сидел скрюченный человек. Он меня увидел и тихо похохотал. Дедушка сразу его представил. Яша Пружина. Когда-то его переехал трактор,

после чего тело стало вот таким. Он скомканный и съездившийся, а в моменты распрямляется как пружина, так и существует. Нервы передавлены и переделаны, как механизмы.

Яша сразу спросил меня, что слышно о политике. Ответил, что не особо вникаю, но знаком с депутатом. Он обрадовался. Надо его сюда везти. Привози депутата. Поговорим. Представил, что приехали Толик и Мазай, сели за стол с дедом и Яшей. Вполне бы они сговорились, кстати.

Яша переливался в эмоциях и теле, как тело перекачивалось, так и состояния, он то хохотал, то грустил. Спросил, вышел ли папка на свободу. Уже давно. Хорошо. Как там сейчас в тюрьме? Не знаю, не был. Наверное, в тюрьме, как в стране вообще. Хорошо. Быт налажен, почта, кони по стенкам бегают. Ответил еще, что знаю одного помощника депутата, он и про политику, и про тюрьму многое знает. Если приедет, расскажет.

Голос Яши хриплый, перемешанный с кашлем. От кашля из глаз идут слезы, получается, что он плачет.

Дедушка взял длинный ремень, подошел к Яше, перевязал его плечи, со всей силы, дальше сжал пальцами его шею сзади. Яша закричал, сказал, что только дед лечит боли. Иногда в шее как будто током бьет, ничего не поделать. Врачи в городе несут чепуху, говорят, что с таким телом жить невозможно, все органы перемешаны.

Яша выпрямился, вскочил, переместился в комнату, включил телевизор, плюхнулся на кровать, снова сжался в клубок. Дедушка объяснил, что у него нет своего телевизора, он здесь смотрит. Любит всякие политические передачи, дебаты, экономическую аналитику.

Так он просидел-пролежал целый день, подбегая к черно-бело-зеленому телевизору, переключая каналы с помощью тяжелой ручки, прыгая обратно на кровать как в мягкое озеро.

Спросил деда, знает ли, что такое панические атаки. Он ответил, что никогда не слышал о таком. Рассказал, что это. Так это же обычная болтанка. С этим легко справиться.

Вечером мы вышли из дома и направились в сторону реки. У дедушки был топор, он им резво помахивал, как будто ждал, что сейчас появится враг и начнется сражение. Низкое солнце стояло над полем и красило золотистой краской. Закрыв глаза прямо на ходу. Все внутреннее зрение утонуло в бирюзовой густоте. Как будто бирюзовый — тайный цвет солнца. Обычно когда смотришь на что-то яркое, закрываешь глаза, эта яркость и остается, понемногу растворяется, и здесь так же, только с резкой сменой цвета.

Поле гудело от своей скрытой жизни. Здесь хорошо умирать, ложиться и отдаваться земле и солнцу. Земля притянет, а солнце укроет.

Там, где река, заросли. Редкие деревья. Дедушка ловко обработал одно из них топором, примерил по толщине, обтесал. Мы пошли обратно. В мастерской он пару часов что-то вырезал и обтачивал.

Он вручил мне дудку и сказал, чтоб я попробовал поиграть, любую мелодию. Попробовал, ничего не вышло, только тупой и зажатый звук. Это дело времени. Каждый день можно выходить вечером в поле и тренироваться. Однажды звучание станет настолько красивым, что птицы повернут головы. И когда почувствую, что начинается болтанка, надо просто взять и начать играть. Болтанка обойдет стороной, она не любит эти деревья и их пение.

Раньше реально думал, что старики болтаются внутри своей памяти и галлюцинаций, беспомощно ожидая, когда уснут. А за эти дни стало ясно, что у деда гораздо больше силы, чем у многих, но он ее пускает не на власть, а на проживание. Представил очередной раз, что он — я в старости, и это показалось вполне неплохим итогом. Жить так, чтобы под старость забуриться в глушь, ходить по светящимся полям, нюхать землю, лечить соседей от неясных недугов.

Днями я помогал деду, возился в сарае, чинил то, на что он указывал. Под ночь настолько уставал, что доползал до кровати, утыкался носом в пышную подушку, и проваливался в бессюжетную пропасть. Утром, в шесть, как обычно, дед приходил и будил словами «ну, что лежишь».

Мама со своими родителями почти не общалась, бродила по округе и вспоминала детство. Один раз мы вместе прошлись, она рассказала, как тонула в реке, как боялась ходить в рощу, казалось, что там необычные звуки. Здесь есть ужас, но не такой, как в городе. Он живой, подвижный, и невредный, ценит своих.

В воскресенье утром мы молча вышли из дома, пошли на кладбище. То, что было неделю назад, повторилось в деталях, даже погода. Я шел в растянутом дежавю. За всю дорогу не сказали ни слова, постояли, посмотрели на могилку, а мама с бабушкой убрали налетевшие за неделю ветки и листья.

Когда вернулись домой, дедушка спросил, есть ли у меня невеста. Есть. Надо привезти сюда. Обязательно привезу, поговорю с ней. Представил, как мы приехали и остались здесь жить. Витя с чертями нас выследил, приехал вслед, дед спрятал в заколдованной роще, Витя пошел, слышал гул деревьев, стреманулся, поехал обратно. А мы остались и сплелись телами, как местные ящерицы, упали в траву, так и остались лежать, и ночь, и еще день, пока земля нас не поглотила. Я захотел этого очень-очень, и даже не заметил, как из глаз потекли слезы. Дедушка заметил, непонятно, что подумал, потрепал по голове, приговаривая «да, сладко у нас тут».

Спросил, могу ли я взять эти три книги с собой, дедушка впервые улыбнулся и ответил «конечно».

— Конечно. Эти книги когда-то удалось спасти. Горела городская библиотека. Дым стоял до неба, на окраине было видно. Причем не черный дым, как обычно при пожаре, а зеленоватый. Как северное сияние. Кто-то даже стоял и любовался. Когда потушили, я зашел, увидел эти книги, они лежали отдельно от остальных. Сразу подумал, что интересные.

Под вечер приполз Яша, плюхнулся в кровать, включил телевизор, сказал, что мечтает встретить в жизни хоть одного человека, которого видел на экране, чтобы спросить, что будет со страной. Она дальше посыпется или уже застынет? Скорее застынет, как дышащий океан.

11. Белая осень, красная зима, черная

весна

Дудку я испробовал уже в августе. Днем, часа в четыре, почувствовал, что смотрю на вещи не скользя, а вглядываясь, это получается само собой, и вокруг все слишком ясное. Достал дудку и начал играть, не очень красиво, но хоть как. Показалось, что паническая атака как строгий джентльмен из фильмов про Шерлока Холмса подошел и встал за углом, наблюдая за происходящим. Если перестану играть, он подойдет ближе. Я играл, а он внимательно смотрел. Затем он ушел. Болтанки не случилось.

24 сентября. Приехал Ласло. Спросил Толика, можно ли ему пожить пару дней на квартире, пока нет Картографа. Толик ответил, что хоть пару месяцев. Картограф на войне.

Ласло ходил по Москве с удивленными глазами, останавливался у каждого столба. Сразу же как вышел из поезда, и мы отошли на несколько шагов, у него закружилась голова от разнообразия новых образов. Метро его и напугало, и заинтересовало. Он не мог сначала ступить на эскалатор. Простояли так минуту, пока я не сказал, что менты уже косятся на нас, сейчас подойдут, спросят документы, а ничем хорошим это не закончится, скорее всего придерутся к чему-нибудь и придется платить. Менты вообще ходят по Москве как особо чуткие собаки, подмечают странности, подскакивают, надо их обходить.

В метро Ласло вспотел от волнения, спросил два раза, реально ли мы едем под землей, и на нас ничего не сыплется. Мы же можем остановиться и остаться так лежать придавленными как в гробу.

Приезд Ласло стал для меня соединением двух миров. Иногда казалось, что я не езжу в Москву, а вижу ее как сюжетный продолжающийся сон. И теперь в этот сон приехал человек из реального мира. Или наоборот. В реальный мир приехал человек из сна.

Мазай тоже куда-то делся, заходил Толик, тетя Марина и иногда новые люди, видимо, связанные с политической деятельностью. За два дня зашло человек десять. Ласло сказал, что квартира похожа на больницу, не знаешь, кого ждать, с кем проснешься в одной палате, но это всегда кто-то интересный.

Тетя Марина, как увидела Ласло, сразу подошла, села рядом и вгляделась. Задала вопросы о том, кто и зачем. Как только она ушла на кухню, Ласло сразу же сказал, что это психиатр или психотерапевт, он их сразу распознает, как и они его. Происходит игра в узнавание. Как встреча дальних родственников.

Про деревню я все рассказал Ласло еще в августе, показал две книги. Третью, сказки народов мира, так и не раскрыл. Наступит настоящая осень и раскрою. Ласло покрутил дудку, отметил, что она правильная и наверняка работающая, выравнивающая дыхание. Атаки цепляются за разорванное дыхание, а когда все стройно, они соскальзывают.

27 сентября. Такого я никогда не видел. Тысячи людей, дым, огни. Мы протиснулись и начали орать, прыгать вместе со всеми. Со сцены вопили, визжали, поливали всех синими и красными лучами. Негр в шапке-ушанке рычал в микрофон. Казалось, что Химоз тоже с нами, кувыркается по воздуху и подпевает смэк май бич ап. Продиджи приехали наконец в нашу магическую страну. Может быть, им так понравится, что не уедут, и будут устраивать такое каждый день. Это станет ежедневным ритуалом, все эти вспышки, запах травы,

дымовухи. Или уедут, а я буду рассказывать, что видел Кита Флинта вот так рядом. Некуда ехать, все уже здесь, все алхимики, Ласло, Химоз на небесах. Столько людей соединились в трясущееся и кричащее тело.

Никогда не видел, чтобы Ласло так хохотал. Он поглядывал на меня, убеждаясь, что я вижу то же самое. Наверное, здесь сотни тысяч, все поглощены звуком и дымом. Еще радовало, что я выполнил обещанное, привез его на концерт Продиджи.

Толпа превратилась в экстатическое море с волнами. Где что звенело, что играло — уже не различалось. Под ночь мы пешком добрались до квартиры, без сил.

28 сентября. Всю ночь снилось увиденное. Люди как бесконечное вьющееся одеяло, покрывающее землю. Музыканты держали концы одеяла, раскачивали, все трепыхалось. Открыл глаза. Услышал, что кто-то напевает на кухне. Ласло уже не спал, сидел, смотрел в окно.

А на кухне оказался Мазай. Я его не видел с лета. Он приезжал-уезжал в своем, не понятном больше никому, ритме. Мы зашли на кухню, Мазай кивнул мне «а, студент», а затем уставился на Ласло. Спросил «ты кто». Ласло. А что тут делаешь? Завтракаю. Дальше состоялась их долгая беседа. Они сидели за столом, пили крепкий чай, и обсуждали все подряд. Мазай хохотал с ответов Ласло, отмечал, что порой тот ведет расклады как опытный зек. А так и есть,

если все дур-ходки сложить, он опытным зеком и окажется. Ласло рассказывал Мазайю про больницу, тот от смеха утыкался носом в стол.

Ласло свободно владел больничным языком, всеми этими елками, гирляндами, «локоть чешется», цэвичами, галочками. Галочка — наверное, галоперидол. Мазай подошел ко мне, сказал, что хороший у меня друг, его стоит держаться по жизни. Когда Мазай вышел, Ласло тоже высказался о нем как о мудром человеке.

Вы без труда можете догадаться, чем мы занимались с Ласло следующие несколько дней. Обходили квартиры из того списка. Я восстановил список без особых проблем, записал в том же порядке, в каком он был изначально, а не в каком показали карты.

Почти во всех квартирах кто-то оказался. Люди удивленно открывали двери, говорили, что не заказывали никакой еду, и платить за заказ не собираются. Иногда и не открывали, а говорили то же самое за закрытыми дверьми. Но никакого намека на ее присутствие не было. Даже когда пришли по второму адресу, там, где чувствовалось нечто особое. Ласло тоже сказал, что ее здесь нет.

Даже во сне увидел то же самое. Мы стояли с Ласло у квартиры и ждали. Подошел Мазай и сказал, что обходить квартиры — это еще более пустое занятие, чем крутить карты. Теперь эти квартиры действительно опустели. Время прошло.

Ласло спросил, можно ли остаться. Ему некуда возвращаться, если домой, то там больница и ничего больше. Ответил ему, что вроде Толик не против, поговорю с Мазаем, чтобы тоже дал какую работу. Это несложно, отвозить или забирать бумаги. Когда поговорил с Мазаем, тот решительно обрадовался, сказал, что пусть остается, этого кента можно даже брать на переговоры, чтоб крыс вычислял. Если хорошо пойдет, его оформят помощником депутата. Кажется, это первый раз, когда Ласло предложили работу.

1 октября. Ласло задал Мазаю странный вопрос. Тот не ожидал, сел и внимательно взгляделся в него.

— Как мы все умрем?

— Толика в упор расстреляют. Какой-нибудь мотоциклист подкатит к его тачке в пробке, и очередь из автомата пошлет на отдых. Меня какая-нибудь крыса бритвой во сне.

Спросил его про Картографа. Этот умрет от осколков, взорвется что-нибудь, а он рядом будет. На войне обычно так.

— А Витя?

— А что ты его вспомнил? Он заезжал летом, кстати, сидел тут в грусти. Видишь, до чего его сучка эта довела. Вы молодые, не

давайте бабам себя так охмурить. А что Витя. Забьет на нее и умрет в старости, подавится чем-нибудь. А вот вы — не знаю.

Повисло напряжение, он строго поглядел на нас. Потом обратился ко мне.

— Ты, студент, всякую галю за чистую монету котируешь.

Нарисуется кент, даст тебе волшебное снадобье, ты и отплывешь. Ты от передоза можешь отправиться. А ты из окошка сам выйти. Но давайте жить так, чтобы этого не случилось. Уговор?

Мы покивали. Все будет не так. Я точно знаю, что умру, обняв ее, может у нас не будет никакого секса, мы уплывем в бездонное море, на суд к ангелам. Один посмотрит на другого, скажет, так ведь передоз, а второй ответит «ну и что, он же любил ее». Спросят, что ты в жизни сделал. А ничего. Они поржут, глядя на нас, и отправят плыть дальше.

2 октября. Осень в Москве — серо-желтое мельтешение и мокрый ветер. Тот, кто следит за разнообразием и непрерывностью происходящего, должен сильно уставать. Когда мы в отключке, на дне сознания, не смотрим в окно, он вполне может все остановить, тоже отдохнуть. Когда придем в себя, и внешний мир снова запустится. Осень тоже можно пускать нарезками, склеивать ее из привычных фрагментов. Представьте, вам нужно собрать 3-4-

месячный фильм «осень», для проекции на большом экране за больничным окном. Я о чем-то не том говорю, да?

Мы открыли книгу и прочли первую сказку. Она занимала пятнадцать страниц, с тремя картинками. Если кратко, то вот, что там было.

Бедный крестьянин год за годом выживал на небольшом клочке земли. Того, что приносила земля, едва хватало, чтобы прокормиться. По селам ходили провидцы, предсказывающие, каким будет следующий год, что сажать, что беречь. В этот год они предсказали сильный неурожай. Крестьянин загрустил, решил, если не взойдет посеянное, лучше не рыскать в поисках пищи, а лечь и умереть. Когда настало время первого урожая, крестьянин вышел из дома и обомлел. Его поле было усеяно золотыми монетами. Собрал он монеты и отнес в город, показал правителю. А правитель не поверил, что золото выросло как трава, подумал, что крестьянин украл богатство, и приказал заключить его в темницу. Тем временем, голод коснулся и города. Кормить заключенных стало невыносимо для городской казны, всех распустили, и разбойников, и воров, и бедного крестьянина. Вернулся он домой, а вместо дома дворец, живет в нем змей, пирует, столы накрыты изысканной едой. Говорит змей, ты зря вернулся, теперь тебе здесь места нет. А где есть место? А нигде. Совсем взгрустнул крестьянин. В родном доме даже лечь и умереть не получится. Тут подлетела к нему птица и прощобетала, чтоб дождался ночи и посмотрел, что будет. Дождался он ночи, зашел во

дворец, змея нет, а стоит там красавица, косы до пола, увидела крестьянина, усадила за стол, накормила яствами. Говорит, буду тебе женой, буду кормить, заботиться. Но только с первыми лучами солнца превращусь обратно в змея, и что тогда случится, никто не знает. Обрадовался крестьянин, у него не было никогда жены, самому бы прокормиться, о жене и думать не приходилось. Посреди ночи красавица растолкала крестьянина, сказала, чтоб уходил, пока не начался дневной кошмар, а когда зайдет солнце, она снова будет его ждать. Так крестьянин бродил днями по пустырям, а ночи проводил со своей женой. Одной ночью крестьянин пришел к своей жене и сказал, что ему надоело сбегать под утро, слоняться днями, он ее заберет прямо сейчас, они уйдут туда, где солнце не восходит. Так они и скрылись. Нашли ли где-то под солнцем тело крестьянина и ползающего рядом змея, или они действительно убежали в вечную ночь и стали счастливо жить? Никто это так и не узнал.

Три картинки. Крестьянин нашел золотые монеты на поле.

Крестьянин и змей во дворце. Крестьянин ночью с красавицей.

Ласло сразу же сказал, что это история болезни. Человек, пытающийся выращивать золото, заразился чем-то. Захваченный дом — это его тело. У него днями случались приступы, а по ночам он нормально или даже приятно жил. Сказка довольно страшная, и ее концовка особенно, она о том, что никто не знает, умер ли он днем от приступа или ночью в сладком сне. Скорее всего он отравился солнцем, пока пытался сделать золото.

Вторая сказка была про то, как жители города однажды проснулись и увидели, что выпал черный снег. Он настолько пачкал все, к чему прикасался, что люди перестали выходить из домов, чтобы не загрязнять свои жилища. Запачканная снегом одежда не отстирывалась, никакие шампуни и стиральные порошки не помогали оттереть черные пятна на полу и стенах. Вскоре люди стали замечать, что этот снег растворяет в себе цвета и оттенки, все краски, существовавшие в городе, начали терять яркость, темнеть. Десять страниц о том, как жители города пытались очистить улицы от снега. Ни у кого ничего не получалось. Когда уже город весь потемнел, даже свет уличных фонарей и окон стал мрачным и тяжелым, пошел дождь. Дождь шел несколько недель, пока от снега не осталось и следа, и весь город очистился. Всего одна картинка. Без людей. Тусклый город, заваленный копотью.

Ласло сказал, что это про эпидемию. Люди не нашли лекарств, природа сама ее смыла. Надо показать Эдуарду Петровичу, он точно все поймет.

Третья сказка оказалась совсем странной. Плавно падающие перья от растрепанной подушки. Перемещения туда-сюда. Кольшущая на легком ветру занавеска. Фрегаты с нежными парусами. Люди взбираются на палубу, ребенок держит клетку с голубями. Приюты тишины. Скользящие взгляды, поглаживания рук руками. Кипарисовые масла, дегустация вин. Порхающая одежда. Семь

страниц такого ощущенческого бреда. Без единой картинки. И на сказку не похоже совершенно.

Ласло сказал, что это как раз про панические атаки. Вообще похоже, что вся книга заполнена зашифрованными болезнями.

Остальные сказки оставили на следующие дни. Можно читать по три за вечер, обдумывать.

3 октября. Проснулся от голоса Мазая. Он ворвался в комнату и спросил, что горит. Побегал по комнате, посмотрел в окно, выбежал в коридор. Через несколько секунд вернулся, сказал «иди сюда, студент, смотри». Я вышел, прошел к ванной. Там стоял Ласло и жег книгу. От нее исходил зеленый свет, она горела ярко и спокойно. Мазай спросил, какого хрена. Я ответил, что не знаю. Только хату не спалите. Хорошо.

Ласло аккуратно собрал весь пепел, стряхнул его в мусорное ведро, вымыл ванну. Мы сели на кухне и молча уставились друг на друга. Он первым прервал молчание, сказал, что сам не знает, почему так сделал, просто проснулся и понял, что эту книгу надо сжечь. Теперь жаль, что так вышло. Книга явно ценная, надо было показать Эдуарду Петровичу.

Сжег и сжег, немного неожиданно, но никаких обид.

14 октября. Утром у соседей громко играла музыка. Донт лет ми гоу донт край тунайт. В коридоре слышались шаги. В комнату заглянул Мазай. На пиджаке, солидный, необычный. Сказал, чтобы мы с Ласло собирались, и чтоб поосторожнее и потемнее оделись.

— Куда едем?

— На людей посмотрите.

В коридоре стояла тетя Марина с большим букетом темных роз и еще два четких человека. Все в строгой одежде.

Мы запрыгнули в одну из двух черных машин и погнали по мелкому дождю. Спросил, где Толик. А Толику нельзя публично палиться, он депутат, мы за него съездим.

Через полтора часа напряженных пробок, подъехали к кладбищу. Там стояло уже штук двадцать похожих черных машин. Около них крутились похожие люди, крепкие, все в черном. Мазай вышел, хихикнул, глядя на них, кивнул нам, чтоб шли за ним.

Поймал себя на мысли, что первый раз в жизни оказался на похоронах. И так вышло, что не знаю, кого хоронят. Даже имени не знаю. Скорее всего, какого-то высокопоставленного бандита.

Мы с грустным видом шли с Ласло рядом с Мазаем, тетей Мариной и еще двумя помощниками Толика, за нами и перед нами шли люди с венками, букетами. Ближе к могиле народ сгустился, стало уже не протолкнуться, мы остановились.

По земле были разбросаны лепестки роз, кто-то плакал, кто-то вздыхал.

Мазай поднял брови, смешно надул губы, поглядел на Ласло, затем приблизился и тихо спросил:

— Слушай, братан, посмотри на людей внимательно.

Ласло сосредоточенно посмотрел по сторонам. Человек двести по прикидке. Много похожих друг на друга, и по телу, и по эмоциям.

— Скажи, братан, есть тут крысы?

Я даже не понял, всерьез ли он это. Чисто спрашивает в прикол, или реально решил проверить Ласло как оракула.

Ласло застыл, смешно выпучив глаза, простоял так пару минут, а затем еле заметно кивнул в сторону суетившегося черного человека. Мазай резко взглянул на него, изменился в лице, улыбнулся во весь рот, стукнул Ласло по плечу, и в миг вернулся в грустное состояние, как будто всего этого разговора не было.

Мы дождались своей очереди, подошли к свежей могиле, тетя Марина положила букет к сотне таких же, пошли обратно.

Как вышли за кладбищенский забор, Мазай крепко приобнял Ласло.

— Братан, я все не мог понять, ты просто раненный на голову или реально мазу просекаешь. Не ссы, все разложится.

С этого дня Мазай начал таскать Ласло с собой почти на все встречи. Ласло возвращался и рассказывал. Встречи с бизнесменами, политиками, воровские сходки, обсуждения планов. Порой было жутковато оттого, что я все это слушаю и узнаю.

— Ничего, что ты все это рассказываешь?

— Ничего, Мазай в курсе, сказал, что только тебе можно, а больше никому. Так и сказал, своему кенту-студенту ты все равно расскажешь, а вот если из нашей квартиры это куда-то уйдет, сам понимаешь.

Мазай после встреч советовался с Ласло, спрашивал, что он думает о людях, которых только что видел. У того, что сидел у стены, в полную луну взрывается голова, он плачет в ванне, засыпает от слез. А тот, что крутил пальцами банковскую карту, часто задыхается по

утрам, не может проснуться, видит один и тот же эпизод из детства, как его душат подушкой.

Еще Ласло сказал, что у осени цвет белый, у зимы красный, у весны черный, а лета не существует.

12. Водопад

Отец достал кучу компьютерных игр, подгрузил их в свой компьютер и залип на месяцы. Мортал Комбат, игры-ходилки, поиски кладов. И особенно «Побег из Тюрьмы». Играл днями, а иногда и ночами, и хохотал. Обходил стражников, по теням раскидывал, где прятаться, перерезал колючую проволоку. Его порой настолько захватывало это занятие, что он издавал восторженные звуки, похожие на боевой клич, а также кряхтел и разговаривал вслух с персонажами из игр.

Интернет мне сходу показался беспонтовой шнягой. Отец показал, как он общается в цветастой комнате с двигающимися буквами. Под именем «Инженер». Зашифровался так, что никто не спалит.

Молодец. Скоро достанем принтер, и я смогу распечатывать рефераты для универа. Конечно, этим и займусь.

Поджигателей завода нашли и закрыли. Оказалось, что это дядя Славик с друзьями. Добрый алкаш. Помню, когда был совсем

мелким. Каждый вечер он возвращался с работы, с того самого завода, слегка покачиваясь, видел меня и отдавал честь как капитану или командиру. Никто больше ничего подобного не делал, только дядя Славик. Между нами происходила такая бессловесная игра. Потом он совсем посинел и превратился в слюнявую плавающую массу. Вообще, ему в тюрьме явно лучше, чем здесь, хоть покормят и присмотрят.

В час дня. Я сидел на кухне и крутил карты. Придумал тасовку «огород», с перебросками по грядкам. Окно находилось слева, в нем все виделось светлым. Возможно, было уже минут пять-семь второго. Случилось нечто. Будто я ехал в машине, и машина резко притормозила, вызвав тошноту. Или даже не в машине, а в мягком вагоне. Кухня за секунды качнулась и встала обратно. Так раньше было, когда укачивало в транспорте. Вроде только что было все хорошо, а теперь в глазах черные точки и тяжело дышать.

Удивило, насколько резко может все меняться. Да, в этом состоянии не исключается удивление. Ты смотришь на себя со стороны и не можешь разобрать, что же произошло, пытаешься увидеть причины.

А как ищутся причины? Перебираются варианты, мышление останавливается на самом приемлемом, все успокаивается, хотя эта причина может не иметь ничего общего с действительностью.

И здесь так же. Показалось, что понял, откуда пришла тошнота. А насколько это соответствует реальности — не оценить. Тошнота пришла из перемещения карт, из той новой тасовки. Более того, почувствовал, что когда продолжаю ее делать, состояние укачивания усиливается, а когда тасую колоду по-другому, все застывает. Эта тасовка как будто затягивает шнур на шее.

Обычно так при отравлении, ты можешь предположить, отчего оно произошло. Тебя мутит от мыслей об определенной пище. Так и здесь. Это из-за карт.

Ничего близкого к паническим атакам. Все довольно терпимо, но неприятно, раскачивание то останавливается, то возобновляется. Как карты, эти пустые, ничего не значащие картонки, могут вызывать такие состояния? Снова взял карты и перепроверил, да, все так, и это удивительно. Могу затягивать себе удавку, мешая карты.

Как можно отравиться карточной тасовкой? У меня получилось. Дело не в картах, а в их перемещении. Если бы я смотрел в окно, и там люди перемещались в таком же порядке, качнуло бы точно так же.

Мама зашла на кухню, встала рядом, вгляделась и спросила, чего это у меня лицо как лист бумаги. Затем сказала, что нужно смерить давление. Я закинулся колесами, лег, закрыл глаза. Пролежал часа два, не получилось уснуть. Выбежал на улицу.

От земли поднимался пар. Будто она горела или потела. Показалось, что нужно лечь на землю и вдохнуть эти исчезающие серебряные нитки. Тогда пройдет тошнота. То ли это сработало, то ли подействовали колеса, но действительно все отошло.

Если лампу на проводе отклонить, она начнет качаться, и свет-тени пойдут по всей комнате, будет казаться, что происходит целое представление. Она покачается так, замедлится, а затем застынет, и вместе с ней все освещение. Так и с теми ощущениями.

Неподалеку стоял старик в потрепанной одежде, с взъерошенными седыми волосами, ел снег. Увидел меня, подскочил как зайка на лужайке и прошептал «нам дано милосердие». А у меня ничего нет, не могу ни дать, ни сказать. Я ничего не понимаю. Меня не интересуют игры, деньги, власть, образование, работа. Только любовь. Когда я ее встречу, она спросит, чем занимаюсь, отвечу: «ничем, меня кроме тебя ничего больше не интересует».

Секс и наркота меня тоже не особо интересуют. Секс, сон и смерть — эти три «с» заплетены как прутья корзинки. Ты сидишь в этой корзинке пушистым кроликом, прикрытым полотенцем. А наркота мне неприятна мелкостью. Она всегда крохотная, мерзкая, упакованная в целлофановый пакетик, порезанная, спрятанная или разлитая по ложечке. Она меньше пальца, меньше даже ногтя, а получает власть над внутренним человеком. Кайф выдавливается как зубная паста из использованного тюбика. Уже ничего не вылезает, а

все равно давишь, скручивая тюбик. Кто-то выдавливает, кто-то выщарапывает. Потому что надо как-то извлекать жизненность. К чему я это вообще? Ни к чему.

На следующий день решил проверить, был ли вчерашний бред случайным. Сначала взгляделся в свое состояние. Все нормально. Проговорил даже вслух «нормально себя чувствую». Затем покрутил карты как вчера. И снова почувствовал укачивание. Как это возможно? Ведь я не закидываюсь, не вдыхаю никакой гадости, не делаю ничего с головой, просто кручу карты. Как движения пальцев могут вызывать такое жуткое головокружение?

Мама подошла и снова сравнила лицо с листом бумаги. Спросила про наркотики. Да нет никаких наркотиков. Если бы они были, все было бы ясно, а здесь все еще хуже. Это не приход от глины, марки или пыли, это какой-то неведомый кошмар.

Эдуард Петрович внимательно выслушал мой рассказ о последних днях, о мягком вагоне, приводящем к тошноте, огородах, распределениях пустот и посоветовал остаться на пару недель. Меня провели в добротную палату. Никаких подтеков на стенах, все ровно, четко, гладко. Поставили капельницу. Для начала нужно почиститься. Хоть я ничего и не употреблял давным давно. Ну, мало ли. Может, я отравился свежим холодом или грязным снегом. Или грязным холодом и свежим снегом.

За все это время я так и не определился с отношением к Эдуарду Петровичу. Порой он казался маньяком, наглухо поехавшим типом, дорвавшимся до власти. А порой — тоже наглухо поехавшим, но бескорыстным и добрым, интересующимся разными редкими темами. Он помогает людям как-никак.

Капельница как маленький водопад — промывает внутренности. Становится тепло и приятно.

В палате еще двое. Каждый в своей тишине.

Захотелось сказать что-нибудь вслух, чтобы эти двое услышали. Пусть даже ничего не отвечают. Наверное, можно было сказать нечто более подходящее. Но как вышло.

— У меня никогда не было презрения к обществу. Скорее недоумение. Не понимал, как можно заниматься тем, чем оно занимается.

Никто не ответил. Если бы один из них высказал что-то подобное, я бы тоже промолчал.

Дальше сказал вслух, что двадцатое отделение — самое загадочное. Здесь лес на подоконнике, озеро, запутанные тропы.

Пообщаться не получилось, но может так даже и лучше. Утром один из соседей встал, аккуратно заправил кровать, вышел гулять по коридору. Все движения скромные и выверенные, ни одного лишнего. Спросил его за завтраком, зачем он бережет себя. Он удивленно покрутил глазами и не ответил.

После завтрака снова поставили капельницу. Пришла секс-медсестра. Подвигалась грациозно как кошечка, сказала, что давно меня не было. От нее повеяло летним ароматом, морским ветром, захотелось вдохнуть воздух около нее. Самому стало смешно от своего примитивного устройства, от всей этой мужской-женской канители. Телочка покрутила попочкой, а у меня сразу потекли слюны как у кота из мультика.

Когда она вышла, те двое у стенок поглядели ей вслед. Классная, да? Хуйки повскакивали, да? Моя женщина походу.

Что-то летало по палате, похожее на черное облако. В тот момент. Под капельницей. Оно заметило меня и нырнуло в мысли. И сразу же как это случилось, стала ясна и понятна одна вещь. Возможно, она была понятна и раньше, но я старался ее отгонять от себя, не думать о ней. Стало очевидно и прозрачно. Я нахожусь на своем месте. Это и есть мое место. Под капельницей в психоневрологической больнице. Я сюда не зашел из любопытства, не попал случайно, я здесь должен быть. У меня расшатанная воля, и скорее всего в карточке стоит

длинный диагноз, заканчивающийся словом «шизофрения». И мне здесь неплохо.

Сосед, не бережливый, а второй, заплескался под одеялом как тюлень в пруду. А я заплакал из-за жалости к себе. Как же все таки приятно жалеть себя. И как это мерзко. Раньше даже представить не мог, насколько это сильное и внезапное чувство.

Да я сам могу стать своим психиатром и все разложить по полочкам, могу сесть рядом с кроватью, задать себе вопросы. Рост 181, вес 69. А год назад был 77. Теперь проваленные глаза и щеки, трясущееся тело. Надо было не бросать заниматься спортом. Ну а так, непонятно, что я делал не так.

Сказал соседям, что они живут в жалости к себе. Крикнул на них, чтобы встали прямо сейчас и поехали домой, нехуй тут строить из себя ебанатов.

Позвал санитара, сказал, чтобы снял все эти приبلуды, иголки и трубки, я уезжаю домой. Он посмеялся, ответил, что сейчас на улице холодно, зачем куда-то ехать, можно тут зиму переждать. Зыркнул на него и пояснил, что если он сейчас всю эту лабуду не снимет, я сам встану и он тапки съест. Санитар вышел, вернулся через минуту вместе с секси-медсестрой и еще одним кентом, похожим на себя.

Секси-медсестра улыбнулась, спросила, что такое. Ответил ей, что ничего страшного, что у нее жопка упругая и кажется, что она все время в спортзале проводит, подкачивает ягодицы на тренажерах. Предложил ей прыгнуть ко мне под одеяло прямо сейчас. Она захохотала, а два санитаря подошли поближе. Сходу объяснил им, что если сейчас не свалят, я их найду, они не знают, с кем связались, мы их отвезем в лес и волены в рот вставим, будут скулить и волены обсасывать. И в тот момент я даже не понял, что произошло, больничный пол превратился в бассейн, я упал в воду, вскинув руки. Начались американские горки, но не резкие, а плавные и широкие. Никаких узких труб по которым скользишь, скорее падение с водопада. Того самого, что стоит как капельница и промывает внутренности. Ясно, что они вкололи какую-то парашу, и из-за нее все это понеслось.

Как же это хорошо, тепло и нежно. Можно не сомневаться, они этой байдой приторговывают. По вечерам к больнице подъезжают тачки с тихими пацанами, эти санитары, не снимая халатов, ныряют внутрь и раскладывают там ампулы. Надо же на что-то жить. А пацанам надо греться. Никто не осудит.

Очнулся привязанным к кровати. Прошли, наверное, сутки. Никаких снов даже, как будто какая-то огромная темная сущность проглотила и оставила звенеть.

Зашел Эдуард Петрович, спросил, что вчера случилось. Да, все помню, и мне очень стыдно. Реально, мне стало стыдно. Зачем докапывался до соседей? Сказал, что больше не повторится, извиняюсь. Меня развязали. Попросил прощения у соседей, но они ничего не ответили. Прошел по коридору, нашел тех санитаров, тоже извинился, они ухмыльнулись, типа без проблем, это нормально. Поинтересовался, что они вкололи. А что? Кайф, да? Ну да.

Случились какие-то позорные три недели. Полная беспомощность. Каждый эпизод — какой-то стыд. Ну, кроме того, что поучаствовал в спектакле Эдуарда Петровича, в том самом зале. Я делал свет, расставлял лампы, включал-выключал день и ночь. Понял, что не хочу сюда возвращаться, надо выстроить жизнь так, чтобы больше здесь не появиться.

13. Карнавал

За эти два месяца Ласло ничуть не изменился. Да он вообще не менялся никогда, сколько его помню. И работа с Мазаем не особо на него повлияла. Когда я зашел, он обрадовался, сказал, что скоро все растает, уже по воздуху размыто тепло.

Рассказал ему про больницу, немного, кратко. Не хотелось все это разжевывать и снова проговаривать. Когда закончил фразой «Я больше туда не вернусь», Ласло резко закивал.

У Кальмара теперь своя точка на рынке, они с матерью и братьями торгуют всякой зеленью, типа петрушки. Лешу Трубу закрыли, и вышло довольно смешно. Его взяли с пакетиками, и сказали, что если сдаст всех, кто в теме, то отпустят. Он сдал, а его все равно закрыли.

Ласло сказал, что много вспоминал то утро, когда сжег книгу.

Проснулся тогда, и почему-то это сделал. Появилось предчувствие, что сегодня кто-то кого-то сожжет, либо он книгу, либо она его.

Когда он это говорил, на кухню зашел Картограф. Я даже не знал, что он вернулся и поселился в другой комнате.

Картограф услышал последнюю фразу Ласло и сказал «правильно, пойдем». Он провел нас в ванную, затем сбегал в комнату, принес кучу исчерченных карт с красными стрелками, елочками, обведенными и заштрихованными названиями. Высыпал все это в ванну, достал зажигалку и поджег.

Вспыхнуло такое высокое пламя, что мы даже выбежали. Картограф задорно захохотал и добавил «либо ты, либо тебя».

Там наверняка были карты военных действий, в которых побывал Картограф. Или нет. В любом случае, было неловко спрашивать.

Так можно расправляться со своим прошлым.

Картограф рассказал, как такой же огонь разлетается по домам и сжигает память. Все горит на разных этажах, огонь гуляет, перетекает. Бывает нижний и верхний огонь, они по-своему перемещаются.

Мы стояли, смотрели на догорающие бумаги. Чувствовалось, что происходит нечто важное. Если не для нас Ласло, то для Картографа точно.

Опять же, этот момент можно детально описать. Через слияние огня и освещения, красно-желтые цвета, наши взгляды. Если бы писал большой роман, так бы и поступил. Все это проникло бы в воображении читателя как живые картинки. Но нет желания. Сожгли и сожгли. Не стоит на этом подробно останавливаться.

Качалка — передача «В мире животных», потные существа плавают по линолеуму туда-сюда, иногда залипая перед зеркалом и любуясь собой. Ложатся, двигают железные палки, кряхтят. Еще и красуются друг перед другом.

Решил тоже заниматься в качалке, тоже кряхтеть и любоваться собой в зеркале, разглядывая кубики на животе. Как вернулся в Москву, сразу нашел подходящее место в подвале многоэтажного дома.

Спорт меня подтянул. За месяц ни одной депрессивной чепухи, ни одной качки, ничего. Мы с Ласло сходили в универ, даже послушали пару лекций. Ласло сказал, что там люди учат одному: прятаться. И владеют этим лучше других. Они могут выживать без явного проживания, и им ничего не будет, так хорошо они спрятались. Мазай и Картограф проживают, поэтому их однажды истребят, а преподавы в универе закопаны, спрятаны, скрыты, они умрут в постели, в больнице, умрут так же тихо, как живут. Быть прикрепленным к науке и образованию — очень хорошо с точки зрения прятков. Никто тебя не обнаружит, если только сам куда-то не полезешь.

Представил, что прошло лет двадцать, и я стал таким же. Типа в какой-то науке, изучаю лабуду, прихожу и нашептываю лекции. Спрятан и защищен. Если придут с огнеметами, всех вокруг испепелят, а я останусь стоять и пафосно излагать научные директивы. Даже если произойдет переоценка всего, смена всей власти, можно выжить. Или Ласло станет таким. Выйдет перед студентами и расскажет, как устроены взаимоотношения между людьми. И добавит, что научился этому у серой лошади.

Спросил Ласло, мог бы он прочесть лекцию, он ответил, что не мог бы, что у него речь не так устроена, больше чем полминуты он не может непрерывно говорить, надо замолчать и все обдумать. Получился бы такой тормознутый, молчащий и глазеющий лектор.

14 апреля. Наверное, я вспомнил того человека. Он сел на холодную землю и сказал, что не уйдет, пока не наступит весна. Я пошел в метро, сел там и сказал, что не уйду, пока она не придет за мной. Через часа два подошли менты. Отвели меня в обезьянник, прямо внутри метро. Не захотел с ними говорить. Они начали переговариваться между собой на тему, чтоб меня отправить в дурку. Это будет московская дурка, без Эдуарда Петровича, чисто галочка, постоянный туман, рвота от еды. Я заорал на них. Это просто мусора.

13 апреля. Не произнес ни слова. Сидел, смотрел в окно. Не спал.

12 апреля. Молчал целый день. Ласло тоже молчал. Ночью не спал.

11 апреля. Сжег все книги.

10 апреля. Проснулся от слез. Во сне. Шел по улице, неподалеку от магазина с гномами, увидел, что люди столпились, подошел. Там было изуродованное тело. Я наклонился над ним и заплакал. Даже не понял, кто это. Удивительно, насколько во сне четко видел цвета и чувствовал запахи. И, что страшно, там приятно пахло.

Мазай суетился на кухне. Как будто никуда не уезжал. Где он был несколько месяцев — лучше не спрашивать. Даже если спрошу, он вряд ли расскажет.

Ласло тоже зашел на кухню, заварил чай, как обычно. Мы сели втроем за стол. Мазай заметил, что у меня посвежел вид, и вообще по разговору чувствуется, что дела пошли в гору. А затем спросил, помню ли я Витю. Конечно, помню. Помнишь, приезжал, искал телку, ты ходил по квартирам, типа еду разносил? Да. Нашел он ее.

По телу пробежал озноб, как будто резко простудился. Даже в горле запершило.

Спросил, и что он сделал? Да что он мог сделать? Взял ее и ебья, завалил. Как завалил? Ну а ты бы что, отпустил и порадовался за них? Отвез, похоронил.

15 апреля. Всю ночь меня продержали в комнате без окон. Когда не спишь больше трех суток, пространство начинает шелестеть. Менты куда-то пропали, появились собаки. Они перемещались не плавно, а рывками, мерцали как перегоревшие лампочки, могли быть только что у одной стены, и сразу же переместиться к другой. Скорее всего это ментовской карнавал, они превратились в собак и устроили пробежки. Меня они редко задевали, а когда касались, тошнота была прямо в голову. Такое и раньше было, тошнило не только внутри, но и в глазах, и в слухе. Почему я пошел в метро? Это разумное решение. Там много людей и проще ее встретить, если сесть в квартире, то совсем ничего не произойдет. У собак тоже есть романтика, это понятно. Они разбегаются и исчезают. Утром приду в себя и скажу, что меня избили мусора. Ни за что. Я просто рычал на

них. Это хорошее место и время, чтобы все осмыслить. Может такое случиться, что одна из мерцающих собачек подойдет и раскроет все тайны бытия, как серая лошадь в подъезде. Она будет лаять, комната поддерживать лай эхом, и из этого звука сложится послание. Пол заблестел, не сам по себе, это собаки так сделали своими телами. Я узнал озеро и лунную дорожку. Чудесный карнавал, они сейчас будут показывать мне всю мою жизнь. Дальше начнется проматывание приходов, новые дома, вэзер экспириенс, чарли, все эти дотошные раскапывания. Собаки будут бегать и показывать все это как спектакль. Они покажут Эдуарда Петровича, пустые квартиры, игральные автоматы, блэкджек, водопад. Еще одна причина, почему я пошел в метро. Нужно было проникнуть под землю. Все разумно, да. Пришел в загробный мир, сел и стал ждать. Появились мусора, вытащили наружу. Отвезли куда-то, посадили в комнате и устроили карнавал. Когда книги горели зеленым огнем, думал, как нырнуть в него. Есть же озера с зеленой водой, так и в этом горении. Можно сложить ладони вместе и прыгнуть. Сейчас они покажут весь секс, который у меня был в жизни. Создадут мерцающими телами обстоятельства, пролают «ты же сам догадывался, что секс это смерть», и вот, все эти эпизоды как щелчки минутной стрелки чик-чик-чик. По комнате побежали лисицы. Рыжие и мягкие, такие же мерцающие. Хочешь секса с ними? Насколько же удивительно, что я могу все это описывать словами. От движения лисиц проявилась влага, стенки намокли. Так бывает в подвалах, по шершавым стенам стекает внутренняя вода. Как это все любезно с их стороны. Сейчас сольемся в дикой ебле. От них приятно пахнет, как в том сне, когда

подошел к изуродованному телу. Все женщины приятно пахнут, это позволяет им выживать. Все это гораздо лучше, чем нервная борьба за ресурсы, подсчет карт в колодах, скрытая истерика в универсах. Лечь на мокрый пол и ебаться с лисицами. Даже если они потом растащат мое тело зубами. К счастью, я уснул и сразу поглотился тишиной.

Мазай стоял и ржал во весь рот. Рядом стоял испуганный Ласло. Мент смотрел их документы, повторял про себя «помощники депутата городской думы». Только что позвонил еще один мент, какой-то высокопоставленный, полковник-подполковник, и растолковал, что меня нужно срочно отпустить.

Мазай похлопал по плечу, спросил, чем я так вмазался, что устроил бузу. Менты рассказали, что всем отделением через окошко зырили, как я катался, махал руками и нюхал пол. Вся одежда пропахла, помочился прямо в штаны. Это надо было угаситься в такое говно. Правоохранительные органы удивлены.

На, переоденься. Добрый мент с улыбкой протянул треники. Я переоделся, подошел и обнял Мазая и Ласло, сразу вместе, двумя руками. Это мои друзья. Я тоже буду много работать и стану помощником депутата как они. Хочу быть похожим на них.

Как только прыгнули в тачку, спросил Мазая, где похоронена жена Вити. Он ответил, что не знает, и какое до нее дело. Я сказал, что

Витя все прогнал, решил произвести впечатление на пацанов, а сам ее не нашел. Мазай покивал: может быть, а откуда это известно? Да темы ходят. Мазай повернулся и внимательно поглядел «погоди, погоди, студент, ты-то откуда в этих темах?» Да ниоткуда, по камере лисицы бегали, щебетали, подслушал. А может и так, прогнал, никто же проверять не будет. Может нашел новую телку и решил для вида тему скинуть. Спросил, сдружился ли я с Витей. Да, сдружился, когда он приезжал, вот и не хочется, чтоб он грех на душу брал. Прогнал он. Ласло тоже покивал, согласился.

Это были не дни, а лютый ад. Вроде и ничего не произошло, а я почувствовал себя гораздо лучше.

Посмотреть, что со мной стало за последний год... Кто-то скажет, что это из-за наркоты. Так я ведь с того раза на хате, когда из-под дивана собрал пыль, ничего не принимал. Только начал подниматься благодаря качалке, как сразу скинули обратно. Благодаря молодости я еще как-то могу крутиться и держаться, если бы вся эта канитель началась лет в сорок, наверняка из дурак бы не вылез.

А Витя прогнал, это же ясно. Он никогда не смог бы убить человека. Когда убиваешь, ставишь волюну к глазам или забиваешь ногами по ребрам, надо объяснять всем вокруг, что ты теперь будешь жить за этого человека. И все, кто его любил, будут тебя ненавидеть, и ты готов на это. И после смерти придется все с ним обсудить. Надо постараться дожить, никого не убив. Себя тоже.

Утром пришла тетя Марина, выгнала Ласло на кухню, сказала, что никуда не торопится, и что я должен ей рассказать все, вообще все. В каком смысле «все»? Ну, давай с детства. Так понял, что примерно то, что рассказываю здесь. Первое мое воспоминание — празднование Нового Года. Молча уставился на нее. Она поняла, что не стоит ждать потока откровений и сказала: «Давай так, сначала все по наркоте, когда и как в первый раз, когда последний раз, что и зачем». А что мне скрывать по наркоте, рассказал все, как было. Она несколько раз переспросила, не принимал ли чего на днях. Не принимал ничего. Чай, рис, сыр, даже кофе не было. Она выслушала и продолжила: «А теперь расскажи, что вы тут в ванне сжигаете». Ответил, что сжигаем старые бумаги, чтобы не отвлекали. Почему просто не выбросить? А там были интимные записи, не хотелось, чтобы кто-то нашел и прочитал. Какие именно интимные записи? Ну, сны записывал, решил избавиться от них. Дальше я начал сочинять всякую муть, пытаюсь объяснить, что со мной случилось в эти дни. Рассказал правду о панических атаках, о том, что лежал в больнице, об Эдуарде Петровиче. А остальное — что пришло в голову. Сказал, что 15 апреля закружилась голова, случилась затяжная паническая атака, показалось, что сейчас нас начнут бомбить, я вспомнил, что Картограф говорил про метро, что это бомбоубежище, вот и пошел туда сидеть, ждать, пока закончится обстрел. От всех этих рассказов у тети Марины брови полезли на лоб.

Тетя Марина позвала Мазая в комнату и заявила, что все гораздо хуже, чем она думала, надо срочно звать сюда отца. Мазай спросил

номер, сказал, что позвонит Вове. Позвонил. Занято. Есть хороший закрытый санаторий, меня надо туда определять. Как элитная дурка. Ответил, что очень не хочу туда, что сам смогу восстановиться, уже занялся спортом, и все это не повторится. Мазай походил минут десять, трясся мобильником, пытаюсь дозвониться, выругался вслух «Вова, сука, с кем ты там языком чешешь?» А ни с кем. Он в интернете сидит. Он играет в игры там и готовится взломать мировой покер. Дозвониться можно ночью, когда он спать ляжет. Рассказал, как он днями играет в «Побег из Тюрьмы», приговаривает и хохочет. Мазай заржал как рыцарский конь, плюхнулся на кровать от смеха. Внезапно в трубке послышались длинные гудки, а потом голос отца.

— Ну что, Вова, ты там костыли щупаешь, или свинтил уже? Красава, Вова. Как кто, не узнал? Мазай. Да, я тоже рад тебя слышать. Короче, давай пригоняй сюда, в Москву. Сынку твоему надо помочь.

В трубке послышался крик. Отец от этих слов, видимо, напугался. Мазай пояснил, что он все не так понял, сын рядом и все нормально, ну почти все. Я взял телефон и объяснил как мог, что все реально нормально, но почему-то они считают, что я схожу с ума. А у меня наоборот все хорошо, занялся спортом, хожу на лекции, готовлюсь к сессии. Можно не приезжать, сдам сессию и вернусь домой. Мазай забрал мобилу и добавил, что может быть все и хорошо, но вчера я устроил лютую дичь в ментовке, мусора выписывали с

округлившимися зырками, такого типа не видали. Хочешь — приезжай, не хочешь — не приезжай, но предупредили.

Отец приехал на следующий день, обнял меня, пробежался беспокойным взглядом, спросил, что случилось. Ничего не случилось. Тетя Марина и Мазай попутали. Скоро-скоро я пойму, что такое свобода. И еще скоро-скоро мы покорим мировой покер. Будем работать в связке, стричь лохов по всему миру. Есть семьдесят две разумные начальные комбинации, на которых стоит играть, остальные сразу сбрасывать, их можно разделить на восемь групп, я все это знаю. Есть шаткие зоны, где лежат разномастные туз-валет, одномастные восемь-девять. Главное — кайфовать от игры, даже от того, что ничего не происходит.

У отца появились еле заметные слезы, глаза заблестели. Они закрылись с Мазаем на кухне, стали что-то обсуждать. Зашел Ласло. Спросил его, что со всеми происходит. Он ответил, что я плохо выгляжу и медленно говорю.

Зашел в ванную, чтоб посмотреться в зеркало. А в зеркале оказался не я, а Бомжарка из книги про войну, я все думал, неужели его тоже когда-то встречу. Он ползал по окопам, лицом тер землю. Утонувшие внутри черного лица глаза, выпученные скулы, худой, трясущийся. Бомжарка — это и есть я. Стало смешно от всей этой ситуации. Захохотал. Бомжарка в зеркале тоже захохотал.

Подошел к Ласло, сказал, что стал Бомжаркой из книжки. Раньше не понимал, почему меня нет в картинках, а на самом деле все оказалось просто. Есть. Ласло ответил, что они сейчас отправят меня в дурку, и лучше спокойно с ними поговорить, чтобы отвезли к Эдуарду Петровичу, там все свои, а в новой может быть тяжело.

Посмотрел внимательно на Ласло, увидел, что он слегка движется. И не только он, но и все остальное. Все предметы, стены, окна, все это находится внутри большой волны. Эта волна тянет в себе все ощущаемое. Когда она заканчивается, начинается новая, в другую сторону. В разных волнах я совершенно по-разному мыслю.

Зашел на кухню. Отец и Мазай сразу прекратили разговор, уставились. Сказал им, что дурка хуже тюрьмы. И что они навсегда потеряют мое уважение, если определят меня туда. Они станут ссучеными, красноперками. Мазай хихикнул, подошел, приобнял за плечо, спросил «сынок, а что нам с тобой делать?» А ничего. Все со мной нормально. Вообще задержался я сегодня дома, у меня лекции в универе, сейчас поеду.

Мазай крикнул Ласло, чтобы тот тоже зашел. Сказал, чтобы он объяснил мне что-то. А что объяснять? Я не хуже всех понимаю, что происходит.

Ладно. Я взял стул и сел за стол. Я расскажу всю правду. Вы же хотели все услышать, сейчас расскажу. Отец напрягся, Ласло

выпучил глаза еще больше. Короче, это я увел женщину у Вити. Мы гасились в разных городах, а Витя так нас и не нашел, потом решил прогнать, что типа завалил. А он нас не завалил. Сейчас Оля вернется, мы уедем отсюда, свалим, растворимся. Мне тут делать больше нечего, отец и близкие друзья хотят закрыть в дурке.

Мазай сдержался, не заржал, посмотрел на отца, типа что делать.

В этот момент почувствовалось, что волна уходит, приходит совсем другая, отличающаяся по цвету. Из меня вышла сила и жизненность, я плюхнулся на пол, на колени, и заплакал. Тело размякло, как будто его растерзали как в том сне. Мне стало жутко стыдно за происходящее. Попросил прощения за весь этот ужас.

Мазай ответил, что отца стоило бы пожалеть, он ведь переживает. И чтоб я кончал со всей этой хренью. Они молча уставились друг на друга.

Ласло прервал их переглядку, сказал, что нужно отвезти в первую областную психоневрологическую, к Эдуарду Петровичу, не надо в другую везти. Лучше прямо сейчас позвонить главврачу, есть его телефон, он скажет, что делать. Давай цифры сюда. В мобиле послышался голос. Эдуард Петрович? Очень хорошо. Тут происходит лютая хуйня, пусть Ласло обоснует. Ласло взял трубу, поздоровался и сказал, что мы сожгли все ключи, и что меня отнесло течением куда-то, откуда трудно выбраться. Нужен хороший шаман, который оттуда

достанет. Ласло передал мобилу Мазаю, тот молча выслушал, взял кусок газеты записал номер.

Подошла новая волна, она наполнила силами, встал, сказал, что некогда мне тут сопли с ними разводить, опаздываю на лекцию. Ласло поехал со мной.

Ну и все сложилось нормально. Прошлись по свежей весне. Подышали приятным холодом. Конечно, ни в какой универ не поехали, не хватало еще в ту духовку заявиться и там выцепить новый кошмар.

Свежесть позволила разглядеть возможности. Есть состояние ровного ожидания. В нем можно застыть и переждать. Если вспомнить то детское укачивание в автобусе, когда появлялся зеленый дом. Ведь я пытался закрыть глаза, чтобы его не увидеть, получалось еще хуже. Он просачивался в ощущение и все равно сбрасывало в тошноту. А до этого все нормально, три остановки — как по гладкой дороге, едешь или сидишь в квартире, без разницы. И здесь так же. Только кажется, что эти три остановки можно растянуть насколько хочешь.

Мы вернулись вечером. Все нормально. Сказал же, что не стоит волноваться. На кухне было немало народа. Отец, Мазай, тетя Марина, слегка бухой Толик, и молодая женщина, никогда ее раньше не видел. Мы заглянули, поздоровались. Толик махнул мне рукой, сказал, что наслышан, и чтоб я не дурил и слушался старших.

Ответил, что никому ничего плохого не сделал, просто немного приболел, уже все в порядке.

Короче, знакомься, это Мама Лена. Мазай представил женщину. Или девушку. На вид ей лет двадцать пять, немногим меня старше. Слово «мама» не очень подходит. Вообще, классная, аккуратная, с собранными волосами как головка лука. Сразу подумал, что это баба какого-нибудь бандита, заехала по делам. Я покивал и вышел.

Как зашли в комнату, Ласло сразу же сказал, что слышал о ней. Но никогда бы не подумал, что она так выглядит, по рассказам она представлялась ведьмочкой в возрасте. Да, тут прям сочная телочка, а кто она такая? Скорее всего это ее телефон продиктовал Эдуард Петрович, Мазай ее нашел и привез.

Мама Лена зашла в комнату, сказала, что сегодня Ласло переночует в соседней, а она останется здесь. Ласло послушно вышел. Мы остались вдвоем. Она села на кровать напротив и показала жестом, что не стоит зажигать свет, и так хорошо видно. Все это произошло так быстро, что я растерялся и не понял, в какую сторону это раскладывается. Про себя спросил, пришла ли она сделать мне эротический массаж, но вслух как-то не решился это повторить. Надо ли все рассказывать, как обычно, начиная с детства? Первое мое воспоминание — встреча Нового Года. Ничего не надо рассказывать, вообще лучше молчать. А потрогать тебя можно за попку, на вид ты классная? Это я тоже про себя проговорил. Ну реально, я потерялся в

догадках. Может это мне Толик подогнал элитную девочку, чтобы я расслабился и перестал дурить. И папа там сидит на кухне с мыслями «давай, сынок, дело такое». В каком-то фильме было что-то похожее. Или это психотерапевт из дурки, типа тети Марины, только привлекательнее. Спросил «а вы кто?» Она ответила, что просто пришла помочь. Тогда я сказал, что мне не в чем помогать, это они невнятную бузу сегодня устроили, а я здоров, сегодня гулял целый день, дышал свежей весной, завтра в универ и на спорт.

Мама Лена попросила в любом случае, как бы у нас сегодня не пошло, не бояться ее. Да я как-то и не планировал бояться. Вы тоже не особо пугайтесь, если что. Договорились.

Со мной сегодня ночует такая леди. Чем мы займемся — непонятно. Как-то неловко чем-либо заниматься без знакомства. Решил сказать что-нибудь связное, чтобы хоть как-то разрядить обстановку, сказал, что все эти люди на кухне научили меня никому в жизни не доверять. Доверять можно только самым близким, а если эти самые близкие упаковывают тебя в дурку, то и им нельзя. Никому. Вообще, мой отец — аферист всесоюзного масштаба, а Мазай знаете кто такой? А Толик? Вы сами-то поняли, куда попали? Если бы меня интересовала вся эта жизнь по власти и баблу, я бы уже на конкретном взлете был. Все возможности. Меня это не интересует. Меня вообще ничего не интересует. Кроме... Кроме? Любви. Она заулыбалась, свет из окна коснулся ее лица, как будто там работал подготовленный осветитель и у него была задача именно в этот момент подсветить ее красоту.

Когда мы ставили спектакль в больнице, я именно так и делал. Да ей не двадцать пять даже, она моложе меня, это прекрасная девочка со сладкими губками, озорными глазками. Она смотрела на меня и кокетливо улыбалась. Чем бы это ни закончилось, папа и Мазай, спасибо за этот вечер. Вы — мудрые люди, меня именно так и надо лечить. Правда, как-то неловко, что они там на кухне, даже уже ничего не говорят, затаились и ждут. Еще не хватало, чтобы кто-нибудь из них заглянул, приоткрыл дверь «А, трахаетесь? Все, не отвлекаю. Приятной ночи.»

Она встала, подошла, села рядом. Внутри все застучало как бешеные часы. Сказала, что надеется, что все пройдет хорошо, и эта наша первая встреча окажется последней. Свет в окне снова качнулся, я разглядел ее морщинистое лицо и седые волосы, да ей явно за пятьдесят, если не больше. Я дернулся, прижался к стене, она напомнила, что мы договаривались не бояться. Хорошо. А что будем делать? Ничего. Просто расслабься и смотри, а хочешь — не смотри, закрой глаза, как хочешь. Этот свет как маяк на берегу туда-сюда, еще раз взгляделся, нет же, смазливая девочка, никаких морщин, сладкая как с эротической обложки. Она взяла мое лицо ручками, остановила его, ладони положила на щеки, приблизилась и... кажется, сильно дунула мне в лицо. Наше дыхание соединилось, все наполнилось тем приятным запахом из сна.

Первое место, где я оказался, можно назвать «розовое молоко».

Похоже на то, когда ложишься летом на природе, лицом к яркому

небу, и закрываешь глаза. Все густое, еле подвижное, плывешь и не различаешь образов. И все хорошо. Если бы был под влиянием тех утренних волн, то вся эта густота либо отдалялась, либо приближалась, а то, что я не падаю, а просто существую, показывает равновесие. Так же как в состоянии ровного ожидания. Примерно так плавают накаченные транками, без резких поворотов, рывков, остановок. Возможно, я в дурке под капельницей, меня таки отвезли туда, но это уже неважно.

Если бы мне показали это состояние в каком-то экране, в кино например, подумал бы, что там нет воли. Но это не так. Воля вполне присутствует. Можно направлять и мысли, и себя вообще. Ты не ведом этим «розовым молоком», а существуешь в нем как в облаке. Наверное, так появляются сюжеты во снах, тебя несет течением, мысли цепляются за образы, а дальше все это раздувается в узнаваемые и понятные истории.

Есть куски воли, направленной к тому, чтобы присмотреться.

Митя лег на рельсы, сказал, что дорога дрожит, можно не успеть соскочить. Мы с Аликом переглянулись. Только что им рассказал про тоннели между событиями. Алик подбодрил Митю, если поезд резко выскочит, срежет макушку как режут вареные яйца для салата острым ножом.

Рельсы звучат, но не постоянным звоном, а обрывками. И эти звучания походят на слова, произнесенные на непонятном языке. Нас трое, нам спокойно. Нас трое, никого больше нет. Никого там больше быть не может.

Рядом с Митей на рельсах сидит человек. Я его вспомнил. Из картинки все в той же книжке о войне. Митя лежит, а он улыбается. Тело чуть прозрачное, как будто из слизи. Прямо над головой Мити еще одни глаза, без лица, просто в воздухе.

Природа дрожит вместе с железной дорогой, внутри этой дрожи видны силуэты.

3 апреля. Мы со Светой одни на хате. Никого больше нет. Она обняла меня за шею сзади и укрыла своими волосами мое лицо.

Поворачиваюсь к ней, целую ее плечи, шею. Она задорно смеется, закрывает глаза. Никого больше нет.

Около дивана стоят люди. Как со старинных фотографий, в длинной темной одежде, внимательно наблюдают за нами. Переселенцы на вокзале в ожидании далекого поезда. Четверо, неподвижные. Женщина с покрытыми волосами, тонкими сжатыми губами.

Интересно, если я резко вскочу с дивана и уставлюсь на одно из них, он пошевелится? Вообще-то у нас тут происходит очень личное,

неприятно, что выстроилась целая процессия. Если бы мы знали, что здесь проходной двор, выбрали бы другое место.

Неужели эти люди видят все, что происходит на этом диване, все наши милые игры? И игру в похороны? И всех винтовых, и курение пыли? По их лицам кажется, они никуда не собираются, скорее те, кто на диване отъедут, а эти будут так же стоять и смотреть.

Актный зал в больнице. Голос Эдуарда Петровича: «Хорошо. Сейчас поезжай во второму адресу, внимательно повторяя все движения.» Я плутаю по дворам, нахожу нужный дом, захожу в подъезд. Дверь. Голос «Заходи». Коридор. Темная комната, кровать. Я могу видеть в темноте — удивительно. Все заполнено лицами. Лица наслаиваются друг на друга. В углах их больше, они там сидят плотнее. Кто-то прячется в темноте как в густой роще.

Пленки внутри пленок, теплицы внутри теплиц, если чуть расслабить зрение, все исчезнет, поглотится темнотой, надо разглядывать эти лица. Они могут таять и проступать. Можно подумать, вокруг полно кинопроекторов, они и создают все эти лица. Махнуть рукой — они не заденутся, или воспримутся как легкий холод.

Они смотрят и ждут, что я буду делать. Или вглядываются в меня.

Одно лицо оказалось очень близко, почти касаясь. Мы находимся в разных бытийностях, вряд ли оно может проникнуть. Хотя, кто его знает.

Почувствовал нежные женские руки, она бесшумно подошла и закрыла мне глаза. Это ты? Да. Прижал ее ладони к своему лицу. Сколько мы так просидели в темноте?

Повернулся. Свет из окна заботливо и мягко освещал ее лицо. Мама Лена улыбалась.

— Ну вот и все. Там в тебя одна гадость залетела, когда ты по комнате бродил. Считай, что песчинка в глаз попала, ты ходил к врачу, он промыл глаза. Давай, вставай, студент, все будет хорошо.

— А что это были за плавающие лица? А прозрачный на рельсах? А кто эти люди у дивана?

— Да никто.

На кухне нас встретила делегация, молча удивленно посмотрели и как в один голос спросили «так быстро?» В смысле, быстро? Мы же наверняка всю ночь с ней купались в этом розовом молоке. А нет, прошло минут десять. Как ты себя чувствуешь? Нормально.

Что она со мной сделала? Да непонятно. Но я реально пришел в себя, вернулся в ощущения, что были пару лет назад, до всех этих качек, панических атак. Как описать это состояние? Мы с Ласло недавно посмотрели фильм Трейнспоттинг про английских наркоманов. Там есть такой момент, когда главный герой приезжает в Лондон, начинается музыка Айс ЭмСи, соу файнд зе филинг. Ну вот, так и со мной. Только я никуда не переехал, из Москвы уже некуда переезжать, просто провел десять минут в темноте с мамой Леной, но представить меня под эту музыку — самое то.

Мы сидели с отцом на кухне, я ему объяснял, что теперь реально все нормально, раньше я просто так это говорил, внутри все качалось и волны выносили на какую-то нездоровую чувствительность, а сейчас вспоминаю все это как жуткий сон. Он может ехать домой и не волноваться. Насчет покера у меня серьезные планы. Все так или иначе играют по своим шаблонам, и даже если ты идеально считаешь варианты, можешь влететь из-за предсказуемости. Надо в компьютере сделать мощную сетку, и по ней двигаться. Мы справимся.

Рассказал Ласло все в деталях. Только ему и можно все это рассказать. Ласло ответил, что это было ее зрение, мы как-то соединились и я видел события ее глазами. Мама Лена все время видит этих прозрачных людей, лица, повисшие глаза. Как так жить вообще и не рехнуться? Наверное, ко всему привыкаешь, к такому тоже. Думал пригласить ее посидеть где, но как-то стремно. Будем

сидеть в кафе каком-нибудь, а около столика встанут все эти с вокзала, она на них цыкнет, они отвернутся, с такой бабой можно быть спокойным, никакой сука-гном не подлезет. С кем опаснее делать любовь: с ней или с той секси-медсестрой? Как жизнь вообще сводит с такими классными тетями? Они мне закрывают ладошками глаза, и так же нежно и заботливо.

А реально, есть ведь писатели с усладой раскладывающие каких женщин и как жарили. А я могу похвастаться другой вещью: какие дамы обо мне заботились.

14. Ночь

«В родном доме даже лечь и умереть не получится. Тут подлетела к нему птица и прощебетала, чтоб дождался ночи и посмотрел, что будет.»

Когда-нибудь это время будут разжевывать и смаковать, доставая из него самое яркое и провокационное. Для меня же все произошедшее — прикосновение той самой заботы и нежности. Ты плывешь в общем потоке чувств и действий, а тебя не наказывают за глупость и неопытность, а наоборот, подхватывают, где надо, укрывают, берегут. Ты лежишь, смотришь на крутящийся потолок, а рядом сидят и гладят тебя по голове, говорят, что все под контролем, если

заберешься куда-то глубоко, найдем шамана, достанет, вернет обратно. Ты только живи.

Читая весь этот текст, вы вправе подумать, что я подкрасил персонажей, сделал их интереснее, чем они были в жизни. Думайте, что хотите. Кого-то — может быть. Но кого-то и сгладил, описал куда более блекло, чем следовало. Например, Картографа или Маму Лену. Картограф — один из самых странных из всех, кого довелось встретить. То, что он мне рассказал, я не могу здесь пересказать. Это какой-то бредский бред, не вмещающийся в сознание. Все эти свистящие голые люди на руинах, дождь из пуль и тому подобное... С Мамой Леной мы больше не свиделись, но я наслушался рассказов о ней. Через Эдуарда Петровича мы с Ласло познакомились со «своими людьми в Москве». Они и рассказали. Я даже возгордился, что могу раскладывать про тот вечер, нашу встречу и путешествие по розовому молоку. Удивительная тетя.

Что произошло в следующие два года? Я съездил к Вите в гости. Приехал, позвонил, а когда он спросил «кто?» ответил «доставка еды». Он явно не ожидал меня увидеть, тепло принял. Сказал ему, что услышал тяжелые новости и приехал поддержать. Конечно, он прогнал тогда. Да, в этом не было никаких сомнений. Осенью случился какой-то глобальный финансовый кризис, все засуетились. Одним вечером Мазай и Ласло пришли домой с сумкой, набитой долларами. Мазай хохотал, а Ласло как обычно смотрел в окно. Той

осенью начался большой передел. К счастью, я остался не в этих темах.

Я ни разу не попал в больницу. Съездил туда пару раз поболтать с Эдуардом Петровичем, но не как пациент. Помог ему со спектаклями, поработал световиком, как раньше. Он расстроился, что мы не дочитали те сказки. То, что сожгли — наше личное дело, но стоило дочитать, там могло быть много интересного. Насчет тех трех сказок он согласился с Ласло, что это описание болезней. Он еще раз сказал, что алхимические ключи рассыпаны по жизни как полезные ископаемые, золото типа. Но их мало кто собирает. А если кто и собирает, то не всегда понимает, что с ними делать.

Еще новости. Хату спалили. Кто-то качественно отвисал. Уснул с сигаретой. Когда приехали пожарники, все уже превратилось в красно-черное месиво. Нашли обугленные тела. Я испугался расспрашивать, кто это был, хотя вполне мог бы узнать. Остался жить с мыслями, что Светы там не было. Интересно, когда все полыхало, что делали те вокзальные люди? Стояли и смотрели, или что-нибудь нашептывали?

Ну и надо сказать, что начал практиковать молчание по понедельникам. От рассвета до заката обходился без слов. Когда солнце исчезало, ходил и наслаждался речью. Так же продолжил тренировать память. Все чаще стало получаться восстанавливать целый день до деталей. С кем рядом ехал в метро, какую книгу он

читал, кто посмотрел в мою сторону на эскалаторе. И даже все слова, которые произнес. Зачем это надо? Не знаю. Незачем.

18 апреля. Вышел из дома. Недалеко от железной дороги, на спине лежал человек. Подошел посмотреть, все ли с ним в порядке. Да, он смотрел в небо и улыбался, раскинув руки. Видимо, встречал весну. Ехать в Москву целую ночь. Иногда попадаются ничего так попутчики, с кем интересно пообщаться. Но чаще всего тяжелые, загруженные жизнью люди. Они плюхаются на свое место и плывут в неподвижности. Неловко их беспокоить.

Закинул сумку на верхнюю полку, лег, постарался уснуть.

Не сон, а дрема. Невнятные образы то появлялись, то исчезали. Как я там говорил в начале? Детские воспоминания плавают в памяти как в мутной воде. Да не только детские. Память — вообще жуткая замутненность. Чем больше с ней работаешь, тем больше удивляешься ее изворотливости и коварности. Она может засосать тебя как трясина, затем выплюнуть и оставить в полном непонимании. Что «было», а чего «не было»? Дрема в покачивающемся вагоне тоже похожа на память. Вырисовываются картинки, недоступные воображению, ситуации, о которых не мог даже подумать. Уснул на пару минут, увидел, как Ласло заработал огромные деньги и скупил у завода-производителя тысячи серых лошадок. Мазай с Толиком вернулись домой, а там все ими завалено.

Они на кухне, в ванне, в комнатах. А то, что он заработал, кажется, уже не сон, но я не хочу в это влезать.

Пролежал час-два, глядя в темное окно. Эти мелкие остановки по одной минуте всегда интриговали. Если я просто сейчас выйду на следующей, зайду в первый попавшийся дом, постучу, скажу, что не имею никакой цели, как сложится наше общение? Скорее всего никак.

Когда совсем надоело лежать и стало ясно, что весь сон отступил, решил выйти в тамбур, просто постоять в свежести.

Вышел. Посмотрел в сторону, сразу отвернулся к окну и лишь спустя секунд пятнадцать, когда внутри начало все трястись и чуть ли не звенеть, вернулся взглядом. Она стояла и молча смотрела в черное окно тамбура на пролетающие огоньки. Сколько раз я представлял этот момент и подбирал фразы, что скажу сначала, что после, и нет, конечно, ничего не забыл, у меня все таки прекрасная память. Это я и сказал. У меня прекрасная память. Она посмотрела в мою сторону. Замерла, пытаюсь понять, кто я такой и вспомнить. Ответила, что у нее, к сожалению, память совсем не такая. Да какая разница, как мы раньше жили, мы не будем друг друга спрашивать о прошлом, не будем ни в чем упрекать.

Дернулся от мысли, что все это может оказаться спектаклем. Если не в больнице Эдуарда Петровича, то где-то еще. С поставленным

светом, декорациями, подготовленной актрисой. Что сейчас что-нибудь щелкнет и реальность сменится другой реальностью, в которой это переживание окажется ненастоящим. Да сменится, так сменится. Не хватает теперь держать эту паранойю, выискивая повсюду игровые фрагменты.

Были ли там зрители? Наверняка. Если бы там оказалась Мама Лена, она бы показала в углы и сказала «Смотри, кто подглядывает». А так, можно расслабиться. Никого больше нет, она смотрит на меня и думает, что я совсем еще молодой, и что где-то меня видела. Да это все неважно. Мы же готовы вместе проживать каждое мгновение. А как — наше личное дело. Не стоит это выставлять наружу. Вообще раскрытие интимного мира человека — вещь сомнительная и рискованная. Куда мы пойдём отсюда, что скажем, как будем жалеть и беречь друг друга, пусть все это останется скрытым.